

ДАНТОН. ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

Государственное издательство Украины. 1924

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009. Орфография оригинала и написание имен собственных сохранены. Дополнения и ссылки на материалы нашей библиотеки даны нами.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. По поводу бегства Людовика XVI
2. По поводу домашних обысков
3. Народное ополчение
4. О праве собственности
5. Республика единая и неделимая
6. Война королям
7. Париж — народная столица
8. Установление республики и народная санкция
9. Закон против эмигрантов
10. Ответ савойским республиканцам
11. По поводу доклада Ролана
12. О содержании духовенства
13. О порядке суда над королем
14. По поводу испанского дипломатического вмешательства
15. Революционная война
16. Аннексия бельгийских областей
17. О политическом положении
18. Учреждение Революционного Трибунала
19. Как спасти Францию
20. Объявление войны Жиронде
21. К учреждению Исполнительного Комитета
22. К вопросу о расширении прав Революционного Трибунала
23. Народная гвардия и дешевый хлеб — опоры революции
24. Конвент не вмешивается во внутренние дела других государств
25. Налог на богатых
26. Новый набор волонтеров
27. О пленных в гражданской войне
28. В защиту революционного Парижа
29. Об одной секционной петиции
30. Открытое или тайное голосование
31. Восстание 31-го мая
32. По поводу брожения в армии
33. Об аннулировании королевских ассигнаций
34. О дворянах и священниках
35. На смерть Марата
36. О подозрительных
37. Школьные дома-коммуны
38. О реквизициях
39. Учет хлебных запасов
40. Марсельская торговая буржуазия
41. Твердые цены на хлеб
42. К созданию секционной армии
43. О «политических средствах»
44. Революция и террор
45. Конвент и его комиссары
46. В защиту самого себя
47. О родственниках эмигрантов
48. Семья и школа
49. О революционной законности
50. Дантон в Революционном Трибунале

ВВЕДЕНИЕ

Политические ораторы эпохи французской революции тщательно и усидчиво готовили свои парламентские выступления. Они заранее обрабатывали текст своих речей как со стороны формы, так и содержания и произносили или — вернее — читали их с трибуны по заготовленной рукописи. В Учредительном Собрании каждый из членов, получивших слово, «выступал в свою очередь и, держа в руках тетрадь, читал диссертацию, не имевшую ничего общего с той, которая только что была произнесена» (Олар).

К такому приему прибегал даже сам Мирабо, с именем которого невольно связывается представление о стихийно-мощном красноречии; читал почти все свои речи и Робеспьер, приносивший на трибуну настоящие обстоятельные трактаты, Величайший оратор Жиронды Верньо, если и не имел перед глазами готового текста своей речи, во всяком случае руководился детально разработанным планом, в котором был начерчен весь ход мыслей, отмечены нужные исторические примеры, ораторские образы и фигуры. Накануне 9 термидора С.-Жюст лихорадочно пишет всю ночь, готовя заговорщикам сокрушительный ответ, из которого ему удалось прочитать в Конвенте всего несколько строк.

Среди этих чтецов своих речей Дантон составлял редкое исключение. Он не умел и не любил писать. «У меня нет корреспонденции», «я никогда не лишу», говорил он сам. За исключением двух-трех программных заявлений и докладов (по должности заместителя прокурора Парижской Коммуны или министра юстиции), речи Дантона в Законодательном в Конвенте, в Якобинском клубе в подавляющем большинстве случаев — чистейшая импровизация. Самые обстоятельства, при которых они произносились, обычно исключали возможность предварительной их проработки, тем более в письменной форме. Дантон «бросался на кафедру» под влиянием случайного и внезапного импульса, брошенного по его адресу словца, намёка предыдущего оратора. Реплика с места, саркастический возглас со скамей противников способны в корне изменить течение начатой речи и увести Дантона к темам, которых ни он сам: не мог иметь в виду при начале, ни заставлял предвидеть весь ход дискуссии.

Эти особенности дантоновского политического ораторства определяли внешнюю судьбу его речей.

Стенография в XVIII веке почти что не существовала; полные официальные протоколы заседаний не велись. Необходимость дать читателю более или менее точное воспроизведение дебатов революционных собраний вызвала к жизни ряд ежедневников, ставивших себе эту задачу, но далеко не всегда успешно справлявшихся с ней. Среди них *Moniteur*, («Всеобщий указатель» или «Национальная газета») пользуется наибольшей известностью у историков, изучающих революционную эпоху, хотя его отчеты о заседаниях и передача речей отдельных ораторов (в том числе и Дантона) не свободны от грубых искажений и ошибок и менее всего имеют в виду дословное воспроизведение всего того, что говорилось на этих заседаниях. С начала 1793 года с такой попыткой — дать тогдашним читающим кругам Парижа подлинный неурезанный текст прений в Конвенте — выступил гражданин Гиро, издатель «Логотахиграфа», но скоро изнемог под бременем непосильной задачи и приостановил издание, не выполнив своего обещания.

При таких обстоятельствах в наиболее выгодном положении оказывались те из ораторов, которые, покинув трибуну, могли передавать в ложу журналистов манускрипт только что произнесенной речи или, по крайней мере, принимали меры к проверке и исправлению сделанных для печати записей.

Ни того, ни другого не делал Дантон, равнодушный к посмертной славе. Несовременный репортаж эпохи меньше всего способен был осилить задачу воспроизведения этих речей-импровизаций с их стремительным темпом, отличавшим манеру оратора. И от речи, переполненной образами, пронизанной могучим пафосом, в отчетах оставалась подчас одна схема. Мало того, во многих случаях возможно установить умышленное искажение, сознательные пропуски в изложении той или другой речи, а то и прямое замалчивание того или другого выступления, продиктованное партийной враждой. Исследователь революционного ораторства, известный историк Олар недаром отмечает, что Монитор, обнимающий все время парламентской деятельности Дантона, «был жирондистским до 2 июня 1793 года и робеспьеристским до 9 термидора». Только незадолго до своего падения, чувствуя надвигающуюся опасность, Дантон впервые изменил обычному равнодушию, с каким он относился к судьбе своих речей в печати. На заседании 20 марта 1794 г., последнем, на котором он выступал в Конвенте, он жаловался на то, что журналы (и именно Монитор) «рахитизируют» его речи, преподносят публике одни «обрывки» его мнений, и требовал создания «национальной газеты, которая явилась бы точным реестром наших мыслей, ибо за них мы также обязаны отчетом пред народом, как и за свои дела».

Знакомство с политическими ораторами революционной эпохи оставалось весьма недостаточным в течение всего прошлого века. Научные «критические» издания речей руководящих деятелей этого времени начали появляться сравнительно недавно. В 80-х годах тому же Олару еще приходилось высказывать пожелание, чтобы «по отношению к тексту речей наших великих политических ораторов были применены хотя бы отчасти те бесконечные предосторожности, с какими немецкие ученые взвешивают малейшее словечко какого-нибудь греческого ритора»¹. Такую задачу по отношению к Дантону решил выполнить один из учеников Олара А.Фрибур. Среди десятков воспроизведенных дантоновских речей, какие имеются в ежедневной печати той поры, он стремится установить и выбрать «лучший текст», т.е. соединяющий в себе качества наибольшей полноты, логической законченности, ясности и последовательности изложения и т.п. Этот лучший текст и помещается Фрибуром целиком в качестве основного (в большинстве случаев из «Монитёра», доставившего, несмотря ни на что, не меньше трети лучших текстов) в сборник речей Дантона, изданных им в 1910 году.²

Остальные газеты доставляют в каждом отдельном случае разночтения и дополнения к основному тексту, напечатанные в виде примечаний. Таким образом, в распоряжении читателя оказывается решительно все, что осталось от мысли Дантона, поскольку она более или менее удовлетворительно была воспринята и воссоздана целым рядом слушателей его речи. Оттенки мысли, стилистические обороты, опущенные одними, всплывают в передаче других, и таким образом мы имеем перед собой более или менее подлинного Дантона, как ни далеко, разумеется, это воспроизведение от точности и полноты современных стенографических отчетов.

Как известно, Дантон не был членом ни Учредительного, ни Законодательного собраний; 10 августа 1792 года, после свержения монархии, в котором он сыграл такую видную роль, он был избран министром юстиции и в качестве такового фактически сделался главой первого республиканского правительства Франции. Следующий после переворота день был первым днем его выступления в Представительном Собрании. 6 сентября того же года парижские избиратели послали Дантона в Конвент, 31 марта 1794 года последовал его арест. В пределах этого непродолжительного периода (около 20 месяцев) и развертывается вся блестящая парламентская деятельность Дантона, отраженная в его речах. Небольшая часть его выступлений имела место в клубе якобинцев, но главным полем его деятельности был, разумеется, Конвент; особенно видное участие в дебатах Конвента принял Дантон с тех пор, как вышел из состава правительства (октябрь 1792 г.). Поездка в качестве комиссара Конвента в армию Дюмурье явилась непродолжительным перерывом в этой кипучей нервной деятельности политического борца, оборвавшейся только под ножом гильотины в апреле 1794 г.³

Из многочисленных больших и малых речей Дантона в настоящий сборник включены преимущественно те из них (некоторые лишь в отрывках), которые дошли в наиболее удовлетворительной передаче и представляют и наибольший интерес до затронутым темам и по влиянию, какое они оказали на решения Конвента, и вместе с тем являются особенно показательными для социально-политических воззрений и тактики Дантона и возглавляемой им группы монтаньяров («дантонистов»).

Едва ли ставился в Конвенте какой-либо вопрос крупнейшего или второстепенного значения, по которому этот плодовитый оратор не высказался бы более или менее исчерпывающим образом. Дантон выступал по вопросам о судьбе монархии и короля в дни вареннского бегства и ко времени процесса Людовика, о мерах борьбы с контр-революцией и, в частности, об учреждении и функциях революционного трибунала, инициатива которого исходила именно от него, об эмигрантах и неприсяжном духовенстве, о пределах террора и революционной законности, о революционном обложении состоятельных элементов, продовольственной и финансовой политике, наборе волонтеров для борьбы с европейской интервенцией и организации секционных отрядов против роялистской конспирации, о демократическом переустройстве школы, об отношениях церкви и государства и, в особенности, по вопросам внешней политики, революционной войны и связанной с ними проблемы организации республики с сильным правительством, способным отстоять завоевания французского народа от покушений внешней и внутренней реакции.

---

¹ Aulard, Etudes et lecons sur la Revolution Francaise, V, p.293.

² Discours de Danton. Edition critique par Andre Fribourg. Paris, 1910. Наряду с этим полным собранием речей Дантона, содержащим сведения о 287 политических и иных выступлениях последнего, тот же ученый выпустил особое, рассчитанное на широкую публику издание «избранных речей» (Discours choisies), заключающее в себе до 40 речей. Последнее издание не было в распоряжении составителя настоящего сборника.

³ Новейшим (1914) трудом о Дантоне является книга Маделена (на французском языке). На русском языке — статья проф. Н.И.Кареева «Жорж-Жак Дантон» (Вести. Европы, 1915, сентябрь). Много ценных сведений о Дантоне и дантонистах, их тактике и идеологии в общих трудах: Олар. Политическая история французской революции (М., 1902); Жорес, История великой французской революции, т.III, вып.1 (М., 1923); Кунов, Борьба классов и партий в великой французской революции (М., 1919).

Здесь не место говорить подробно о той роли, которую сыграли Дантон и его группа в ходе революции демократическо-якобинского периода, о заслугах и промахах его политики, в которой два пункта — организация всех живых сил страны для борьбы с иностранным вмешательством и гражданский мир, как условие упрочения республиканской формы — стояли на первом месте со дня падения монархии. Первый из этих лозунгов осуществился, и здесь громадная энергия, с какой Дантон призывал нацию к вооруженной борьбе, сыграла немалую роль в организации победы. Что касается второго, то здесь Дантона и его соратников ждало неминуемое поражение. Их греза о возможности прочного примирения между боровшимися в те дни на политической арене силами была плодом неисцелимой близорукости к социально-экономическим противоречиям эпохи, а это обстоятельство вполне объясняется классовым составом самих дантонистов. Кунов в своей известной книге показал, что основное ядро этой конвентской фракции составляли так называемые либеральные профессии-журналисты, врачи, адвокаты, начинающие ученые, художники, артисты, типичным идеологом которых был друг Дантона Демулен в своих журналах и памфлетах. Этим социальным характером дантонистов объясняется тот факт, что они в своих требованиях относительно конституционного устройства шли дальше жирондистов, партии средней деловой буржуазии, но вместе с тем «политическое преобладание населения, занятого физическим трудом, подчинение интеллигенции массам, проведение налоговой политики, соответствующей интересам этих масс — все это по понятиям дантонистов не подходило к той «свободе», к которой они стремились, все это было «бесшабашной анархией». «Никакой другой слой не был до такой степени слеп и глух к выдвигавшимся экономическим вопросам, никакой другой слой, встречаясь с реальными потребностями жизни, не был в таком плену односторонней идеологии, как этот слой революционной академической интеллигенцией».⁴

Непонимание социальной борьбы было слабым местом дантоновского мирозерцания, и в этом отношении он бесконечно уступает вождям мелко-буржуазных и рабочих низов Парижа — и Робеспьеру, и Марату. В одной только речи Дантона «против марсельской буржуазии», произнесенной 31 августа 93 года (в варианте, ускользнувшем от внимания французского издателя речей) встречаем смутно сформулированную мысль о классовой борьбе и социальной революции, раскрытую уже в то время с значительной аналитической силой в писаниях «Друга народа». Дантон здесь говорит о том, что «на долю санкюлотов не досталось от революции никаких выгод» и «ничего не остается, как начать против капиталистов и банкиров такую же точно революцию, какую мы проделали в союзе с ними против аристократии и церкви».

Зато тонким и трезвым пониманием политической и военно-дипломатической обстановки Дантон превосходил многих руководящих деятелей революционной поры. Этим темам посвящены его наиболее удачные речи, не раз ложившиеся в основу декретов Конвента. 28 августа 1792 года, когда в Париже было получено известие о падении пограничной крепости Лонгви, Дантон выступил с предложением ряда чрезвычайных мер для энергичного ведения войны, не той «поддельной, в стиле Лафайета», говорил он, намекая на время пребывания у власти жирондистов, а войны настоящей, «войны народов против деспотов» (№ 2). «Во всей истории свободных народов, которые когда-либо подвергались опасности, нет более сильных слоев» говорит об этой «мужественной и сильной» речи Жорес! со свойственным ему некоторым патетическим преувеличением, которое он часто проявляет по отношению к родственному ему по духу великому оппортунисту революции. Другая близкая по содержанию и по времени речь (№ 3) была произнесена в трагические дни руководимого Коммуной самосуда над заключенными в тюрьмах роялистами и подозрительными. Стремясь не порывать с Коммуной 10 августа и не выступая против нее, Дантон пытается отвлечь народное движение в сторону борьбы на фронте, и в этом смысле надо понимать слова о набате, который готов раздаться, но «не сигналом тревоги, а сигналом к атаке на врага».

В своих речах по вопросам внешней политики Дантон на первых порах энергично высказывался за ведение республиканской пропаганды в странах, оккупированных французами, и видел в Конвенте «великий комитет всеобщего восстания народов» против монархического Абсолютизма (№ 6). Признанная Конвентом формула «война — тиранам, мир — народам» приводила к «отказу от завоеваний и посягательств на верховную власть какого бы то ни было народа» (слова жирондиста Луве).

31 января 1793 года при обсуждении предложения Камбона о присоединении Ниццы, проблемы революционной войны встали во весь свой рост пред собранием. Дантон выступил с программной речью (№ 16), можно сказать, определившей все направление внешней политики Франции с 93 года до наполеоновской эпохи. Он ответил разом «и тем, кто опасался за свободу при чрезмерном распространении Франции, и тем, кто желал бы, чтобы республика пустилась в бесконечный ряд освободительных предприятий».⁵ Он выдвинул теорию «естественных границ» Франции и, опираясь на нее, потребовал аннексии бельгийских областей, уже занятых французскими войсками, считая, что эта мера укрепит республику, а его программа облегчит заключение мира и признание республики со стороны Европы, тогда как жирондистская идея всемирной пропаганды революции ставила неодолимые преграды на пути к этой важнейшей, в его глазах, цели. Свойственный Дантону трезвый реализм побуждал его эволюционировать еще дальше в этом направлении.

ДАНТОН. ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

⁴ Кунов, Борьба классов и партий, стр.317, 322.

⁵ Сорель, Европа и французская революция, III, стр.213.

Государственное издательство Украины. 1924

Весной 1793 года он уже совершенно отказался от политики революционной пропаганды, убедившись (он в это время всецело погрузился (в вопросы иностранной политики, войдя с апреля в Комитет Общественного Спасения), что при сложившейся в то время военно-политической обстановке война «на уничтожение» со старой Европой была бы для Франции непосильным и опасным делом. Теперь уже «мир представляется ему необходимым для организации республики и кажется ему возможным только при помощи переговоров».⁶ Настало время «согласовать требования политики с республиканскими принципами» (№ 24), и в результате его предложение, превращенное Конвентом в декларацию, о полном невмешательстве в дела других государств при условии отказа последних, в свою очередь, от попыток воздействовать на внутреннее устройство Франции.

Организация республики, выработка конституции, взаимоотношения народного представительства и других органов власти — все эти вопросы занимают у Дантона почти такое же видное место, как и вопросы национальной обороны (см. № 4, 5, 8, 21, 30 настоящего сборника). В известной часто цитируемой речи, произнесенной 21 сентября 1792 года, в день открытия Конвента, Дантон опровергал жирондистскую легенду о «триумvirате» (Дантон — Робеспьер — Марат), который, якобы, стоит на пути к установлению республики, и в то же время старался рассеять опасения «добрых граждан», встревоженных агитацией в пользу «аграрного закона». Его предложение «объявить все виды собственности неприкосновенными на вечные времена» не было принято Конвентом в этой редакции, закрывавшей возможность всякого дальнейшего законодательства по этому предмету (Камбон даже усмотрел в этом предложении покушение на верховное право нации); по существу, однако, Дантон в своей защите собственности не слишком разошелся с господствовавшими на этот счет в Конvente взглядами, не исключая и робеспьеристов. Если в глазах Камилла Демулена республиканское равенство сводилось к «равенству прав», то, ведь, и левые якобинцы, как известно, не шли дальше попыток сгладить крайности общественного неравенства и говорили устами С.-Жюста о «священной собственности патриотов». И мотивы предложения Дантона были те же, какие полгода спустя выдвигались в Конvente Барером, когда он требовал «смертной казни для всякого, кто предложит аграрные законы или другие законы и средства, пагубные для земельной, торговой и промышленной собственности». Дантон тоже видел в своем проекте «великое средство народного успокоения», лучший способ парализовать происки контр-революционеров и увеличить энергию национального сопротивления внешним врагам.

Борьба между Горой и Жирондой, начавшаяся, можно сказать, на другой день после провозглашения республики, вызвала несколько замечательных выступлений Дантона. 24 сентября 1792 года Конвент принял под влиянием жирондистов ряд постановлений, направленных против Парижа и его революционных органов, в том числе постановление о предоставлении в распоряжение Конвента «публичной силы, избранной в 83 департаментах»; на следующий день Ласурс формально предложил «свести роль Парижа к одной восьмьдесят-третьей части». В дебатах этих дней были поставлены важнейшие вопросы, которые отныне разделили обе партии и найдут разрешение лишь в дни 31 мая и 2 июня. Вся эта партийная борьба происходила в то время, когда немцы еще стояли в Шампани; результаты победы при Вальми могли быть легко скомпрометированы. Дантон (см. № 5) «добился того, что эти деморализующие прения закончились торжественной манифестацией согласия и единства». Отвергнув мысль о диктатуре или триумvirате, он «принудил жирондистов отречься, в свою очередь, от их предполагаемого федерализма, развил ту мысль, что члены Конвента были представителями не отдельных департаментов, а всей Франции, и предложил принять единство представительства и исполнительной власти за основу республиканской и демократической политики... Дантон на минуту примирил умы, и после нескольких колебаний прения закончились декретом, в силу которого Республика была объявлена единой и неделимой» (Олар).

В той новой решающей схватке между обеими группами Конвента, поводом к которой явился доклад Ролана с его инсинуациями по адресу левых, Дантон также принял деятельное участие. Он выступает на защиту Робеспьера, настаивает на предоставлении последнему слова по всем затронутым вопросам и делает в собственной речи (№ 11) еще одну, на этот раз последнюю попытку «вернуть Конвент к широкому революционному единению терзавших друг друга пар гни». Но, постепенно убеждаясь в крушении своей идеи республиканской концентрации, он приходит к: решению «поднять завесу» и объявить войну Жиронде. В конце марта Дантон заявляет (№ 19), что отныне не может быть «ни мира, ни перемирия между левой Конвента и внутренним врагом». Резкое выступление 1 апреля (№ 20) было вызвано самими жирондистами, обвинением Дантона в соучастии с Дюмурье. Дантон поднял брошенную ему перчатку, и это было делом необходимой самообороны, так как долгая близость к Дюмурье, после его измены, бросала на Дантона грозную тень.

Дантон ответил подавляющими обвинениями в заговоре, имеющем целью восстановление монархии, в преступных попытках разрушить единство республики. Его речь создала вокруг жирондистов атмосферу неотвратимой гибели и внушила их противникам уверенность в близкой победе. Напротив, известная угроза Иснара по адресу революционного Парижа вызвала лишь «довольно слабую реплику (№ 28) со стороны Дантона, развившего свою обычную тему о необходимости объединения всех сил Парижа и департаментов, реплику, в тот момент (25 мая) уже устаревшую и свидетельствующую о том, что проницательный государственный деятель начал сильно отставать от событий» (Жорес).

⁶ Сорель, III, стр.298.

Среди других выступлений Дантона следует отметить его речь об отношениях церкви и государства (переданную нам в очень полной и близкой к подлиннику редакции, № 12), а также те речи (№ 37 и 48), в которых он отстаивает демократический идеал обязательного, бесплатного и равного для всех образования.

В ноябре 1792 года конвентский финансист Камбон предложил для покрытия дефицита упразднить расходы, связанные с католическим культом. Это предложение вызвало резко отрицательное отношение и в клубе якобинцев и в Конвенте, не исключая левый. Оппоненты доказывали, что массы увидят в этом мероприятии нападение на религию, что «религиозный предрассудок» далеко не изжит народом в такой степени, как предрассудок монархический, и что принять такое предложение значило бы «разжечь гражданскую войну и лишить Конвент доверия, которым он облечен». Робеспьер опасался, что таким образом, наряду с заблуждениями у народа будут отняты и те моральные ценности, какие содержатся в христианстве. Дантон соглашался с той мыслью что необходимо бережно отнестись к народным верованиям и бороться с ними лишь путем просвещения, но по другим мотивам, нежели Робеспьер. «Деизм Дантона — замечает Жорес — не походил на деизм Робеспьера. В нем было больше натурализма, если так можно выразиться, и призываемый Дантоном «бог вселенной», очевидно, сродни богу Дидро. Между тем как Робеспьер убежден в бессмертии души, как в непреложной истине, во все времена нужной людям, Дантон принимает ее только в качестве преходящего утешения, временной иллюзии бедняков, которых освободит от этого порожденного нищетой предрассудка лучший социальный строй... Восставая против открытой борьбы с суевериями, Дантон руководился исключительно интересами политическими и национальными, без каких бы то ни было задних мыслей догматического характера.

Реформа школы являлась продолжением той борьбы против католицизма, которую вела революция. По этому вопросу Дантон в общем присоединился к плану Лепелетье, согласно которому устанавливалась светская школа и обязательное обучение в домах-коммунах, где дети от 5 до 12 лет должны были воспитываться на общественный счет, получая, «согласно священному закону равенства», одинаковую одежду и пищу. Дантон допускал исключение для тех граждан, которые предпочли бы не отрывать своих детей от семьи, но и он всецело разделял социально-политические соображения реформатора и считал необходимым, чтобы «дети были вскормлены на республиканской пище» и чтобы новая школа создала поколение, проникнутое духом революции, «достойное завоеванной нами и завещанной ему свободы».

Собранные в настоящем издании речи Дантона дают, думается, достаточно наглядное представление об общем характере и особенностях его красноречия. Дантон, по справедливости, стоит в рядах величайших ораторов эпохи, давшей столько выдающихся талантов политической трибуны. В противоположность изысканным тщательно выработанным речам-докладам многих ораторов Конвента, его речи отличаются несложным и ясным построением, чужды (за редкими исключениями) свойственных вкусу эпохи стилистических украшений, классических и всякого рода иных книжных реминисценций. Простота его речи кажется поразительной по сравнению, например, с речами Робеспьера и едва ли могла быть в полной мере оценена в то время, при господстве искусственно-приподнятого тона в литературе. Не она ли заслужила Дантону ироническое прозвище «Мирабо санкюлотов»? «Его обнаженная, порывистая, вовсе не академическая речь, быть может, и приводила в восторг некоторых любителей, но ей недоставало украшений, которые нравились народу. Сент-Антуанское предместье долго хранило, благодаря устному преданию, воспоминание о Робеспьере и Марате, но оно скоро забыло Дантона» (Олар). Недостатки его выступлений зависели от общей неопределенности его социально-политической позиции и отчасти от самой природы импровизированной речи. Н.И.Кареев превосходно охарактеризовал эту сторону дела в следующих словах: «Как оратор, Дантон был столь же непосредственен, как и во всем; в своих мыслях и в своих поступках, так же беспорядочен и неуравновешен. Своею речью, в которой заключалась великая сила, речью, в которой с непосредственностью порыва соединились образность, меткие словечки, счастливые обороты, он сразу приковывал к ее предмету внимание слушателей, но порой эта речь превращалась в сплошные длинноты, в беспрестанные повторения одного и того же другими и даже теми же словами, в плохо построенные и нередко просто непонятные рассуждения. И в своем красноречии он был неровен. Случалось также, что конец речи мало гармонировал с ее началом: слишком импульсивный, слишком поддававшийся минутным настроениям, очень зависевший от того, как его встречали и как слушали, Дантон, бывало, начинал в самом резком воинственном тоне, а кончал призывом к умеренности и благоразумию. Таким образом, и здесь проявлялась все та же неустойчивость, переменчивость революционера».⁸ Внешний успех однако не изменял Дантону в течение всей его деятельности в Конвенте; об этом неизменно свидетельствуют красноречивые ремарки в тексте его речей. В счастливые минуты он достигал громадной силы воздействия на аудиторию. «Этот оратор похож на Нил» — замечает Камилл Демулен по поводу речи, посвященной событиям 31 мая — «он бывает особенно прекрасен тогда, когда выходит из берегов». Другой современник Дантона, невидный член Конвента Левассер, в своих записках оставил яркое изображение тех впечатлений, какие оставляло в слушателях Дантона его порывистое, грубовато-мощное красноречие. Дело идет о речи 1 апреля 93 года, в которой Дантон объявил войну жирондистам. «Никогда не забуду минуты, когда Ласурс выступил со своим непостижимым обвинением против Дантона.

⁸ Вестн. Евр. 1915. IX. Стр.103.

Все время, пока он старался посредством всевозможных обманчивых сопоставлений представить страшного монтаньяра тайным приверженцем Дюмурье, пока он подбирал за волосы притянутые выводы, чтобы создать подобие несомненных улик и, не скрывая тайного удовольствия, воздвигал шаг за шагом свое жалкое сооружение, Дантон недвижно сидел на своей скамье, искривив губы со свойственным ему выражением презрения, невольно внушавшим нечто вроде страха. Выражение глаз говорило о гневе и пренебрежении в одно и то же время; спокойная поза была в полном противоречии с меняющимся выражением лица, и это странное соединение взволнованности и покоя внушало мысль, что он потому только дает договорить противнику, что без труда может ему ответить и не сомневается в полной своей победе. Но как только Ласурс закончил свою желчную речь, Дантон устремился к трибуне, при чем, проходя мимо нас и показывая на правые скамьи, тихо сказал: «Негодяи! свои преступления им хочется взвалить на нас», и нетрудно было предвидеть, что его бурное красноречие, долго сдерживаемое, теперь опрокинет все преграды и заставит дрожать наших врагов... Чтобы судить о впечатлении, которое на нас произвела эта красноречивая импровизация, надо припомнить, что до тех пор Дантон пытался достигнуть соглашения между обеими сторонами в собрании. Большинство из нас полагало, что он ошибается, надеясь наладить мир между жирондистами и Горой. И вот, когда этот пламенный оратор, так неумело спровоцированный, сжег в некотором роде свои корабли, нас всех, точно электрическим током, пронизал и охватил какой-то энтузиазм; внезапное решение Дантона было для нас предвестием верной победы. Когда он сошел с трибуны, множество депутатов бросилось его обнимать, и зал заседаний долго гремел непрекращающимися рукоплесканиями».

Н. Гольдин

Материал о Дантоне в нашей библиотеке: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>.

Жорж – Жак Дантон **ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ**

1. По поводу бегства Людовика XVI

Клуб якобинцев, 23 июня 1791 года

На заседании обсуждается вопрос: «Каково будет поведение Национального Собрания в случае возвращения короля?» Один из членов собрания заявляет, что король всегда остается королем, и, следовательно, он неприкосновенен.

ДАНТОН. Человек, носящий звание французского короля, поклялся охранять конституцию, и после этого — бежал. И я с удивлением здесь слышу, что он до сих пор не лишен своей короны.

Этот человек, носящий звание короля французов, подписал документ, в котором он объявляет, что постарается изыскать средства для уничтожения конституции.⁹ Национальное Собрание должно употребить все свои силы для охраны общественной безопасности.

Необходимо обнародовать во всеобщее сведение названный документ. Если он не откажется признать подлинность этого документа, то он — преступник; в противном случае его придется считать слабоумным. Но, имея перед собой такую альтернативу — считать короля преступником или безумным, мне кажется, нам придется предпочесть последнее; иначе мы рискуем совершить величайшую ошибку перед лицом всего мира. Человек, носивший королевский титул, не может быть королем с того момента, когда он признан слабоумным, и нам необходим сейчас не регент, а опекунский совет.

Этот совет не может быть избран из членов законодательного корпуса. Надо созвать собрания по департаментам; для избрания выборщиков, а последние пусть, в свою очередь, выберут десять или двенадцать лиц, которые войдут в этот совет.

---

* Материалы о Вареннском кризисе: http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/varennnes.htm. – Редакторы *Vive Liberta*.

⁹ Имеется в виду письмо, оставленное Людовиком XVI в день его бегства из Парижа (20 июня 1791 г.); в этом письме король осыпает упреками Национальное Собрание, в самых резких выражениях говорит о конституции и о парижском населении и объявляет недействительными подписанные им по настоянию Собрания декреты. Текст письма см. в подборке документов: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf.

Члены совета, подобно членам Законодательного Собрания, должны переизбираться каждые 2 года.

2. По поводу домашних обысков

Законодательное Собрание, 28 августа 1792 года

20 августа прусская армия герцога Брауншвейгского¹⁰ осадила Лонгви, 23-го крепость капитулировала, несмотря на то, что была снабжена припасами и оружием. Пруссаки начали наступление на Верден. Коммуна¹¹ запретила выезд из Парижа. — Дантон предлагает собранию открыть ворота Парижа и дать Коммуне разрешение на производство домашних обысков в целях отобрания оружия и ареста подозрительных лиц.

ДАНТОН, министр юстиции¹², произнес речь приблизительно в следующих выражениях.

Временная национальная исполнительная власть поручила мне доложить Национальному Собранию о тех мерах, которые она признала необходимыми для спасения государства. В качестве народного министра, министра революции, я дам мотивировку этих мер.

Наши враги заняли Лонгви. Но Лонгви — это еще не вся Франция. Наши армии еще целы. Вы согласитесь, что опасения по поводу нашего положения сильно преувеличены, так как у нас еще есть армии...

Мощной конвульсией удалось нам сбросить деспотизм столице; судорожным движением всей нации мы отбросим деспотов. (Аплодисменты.) Мы отдали распоряжение о наборе 30 тысяч человек в парижском и в соседних департаментах. Некоторые люди, побуждаемые наилучшими намерениями, но слишком подозрительные вообразили в первый момент, что этот набор будет произведен только в Париже; они опасались, как бы центр революции не лишился своих лучших защитников. Это заблуждение было рассеяно, и я могу заверить, что секции¹³ прилагают величайшие усилия для набора своих контингентов. До сих пор велась поддельная война в стиле Лафайета; теперь вы должны начать войну настоящую — войну народа против деспотов. Настало время сказать народу, что он должен всей своей массой обрушиться на врага. (Аплодисменты). Когда корабль терпит крушение, экипаж бросает в море то, что может увеличить опасность. Точно так же все, что может вредить нации, должно быть выброшено из ее недр, все, что может послужить ей на пользу, должно быть передано в распоряжение муниципалитетов под условием вознаграждения собственников.

Наше положение таково, что все, что может служить нашему спасению, должно быть пущено в ход. Исполнительная власть немедленно назначает комиссаров, чтобы воздействовать на общественное мнение в департаментах. Она излагает, что вы, в свою очередь, также должны избрать комиссаров, чтобы совместное действие представителей обеих властей привело к благодетельным и быстрым результатам. (Аплодисменты)

---

¹⁰ Герцог Брауншвейгский — главнокомандующий союзной австро-прусской армией, вторгнувшейся во Францию в 1792 году. Выпущенная им прокламация с угрозами по адресу мятежных подданных Людовика XV содействовала росту республиканского движения и ускорила крушение монархии (10 августа 1792 года).

¹¹ Революционная коммуна, образованная после 10 августа делегатами парижских секций (о них см. ниже) и просуществовавшая до падения Робеспьера (27 июля 1794 г.).

** Подборка документов, характеризующих внешнеполитическую, военную и внутреннюю ситуацию во Франции летом 1792 года: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm.

¹² переворот 10 августа, в подготовке которого Дантон принимал деятельное участие, доставил ему пост министра юстиции в Исполнительном Совете, организованном Законодательным Собранием. Фактически Дантон стал во главе управления страной. Свой пост он покинул вскоре после избрания в члены Конвента, в октябре 1792 года.

¹³ С 1790 года Париж делился на 48 частей, или секций, в которых происходили первичные собрания граждан для городских и общегосударственных выборов, а также общие собрания для обсуждений различных местных дел. С течением времени секции значительно расширили круг своего ведения, образовали Центральный комитет секций, энергично вмешивались в текущие политические дела, вели борьбу с контрреволюцией, стремились урегулировать продовольственное дело секционные организации объединили наиболее радикальные демократические слои и играли крупную роль в большие революционные «дни эпохи» (10 августа, 31 мая, 2 июня и др.). О Парижских секциях см.: Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация, http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm.

Мы предлагаем вам объявить, что каждому муниципалитету вменяется в обязанность собрать всех граждан, какие только у него есть, способных носить оружие, снарядить их, снабдить всем необходимым и немедленно отправить на границы.

Мы еще раз просим собрание разрешить домашние обыски для подсчета имеющегося у граждан оружия.

До сих пор держали закрытыми ворота столицы, и на это были серьезные основания. Важно было захватить изменников, но если нужно их арестовать в числе даже 30 тысяч, то надо, чтобы это было сделано завтра же и чтобы завтра же Париж мог выступить сообща со всей Францией. Муниципалитеты должны получить полномочия задерживать всех подозрительных, но весь народ должен завтра же встать на вашу защиту и беспрепятственно поддерживать связь с жителями Парижа.

Разве мы имеем право ждать врага, укрывшись за стенами города, если наш авангард будет разбит?

Мы все должны пойти навстречу ему! Без этих мер, без обращения к народу вы ничего не достигнете.

В Париже должно иметься 80 тыс. годных к употреблению ружей. Прекрасно! надо, чтобы те, кто вооружен, помчались к границам.

Как народы, завоевавшие свободу, пользовались ею? Они устремлялись навстречу врагу, а вовсе не ждали его. Что сказала бы вся Франция, если бы Париж в оцепенении ждал прихода врагов?

Французский народ захотел быть свободным, и он будет свободным. Скоро сюда придут значительные силы. В распоряжение муниципалитетов предоставят все, что будет необходимо, обязавшись пред собственниками возместить причиненный им ущерб. Все принадлежит отечеству, когда оно в опасности!

Итак, мы требуем, чтобы вы дали нам полномочия производить домашние обыски, чтобы раздать защитникам отечества оружие, скрытое злонамеренными или глупцами, распорядиться затем об открытии ворот Парижа и возобновлении сношений с соседними департаментами при сохранении закона о паспортах.

В заключение мы просим Собрание избрать из своей среды комиссаров, и пусть они, совместно с исполнительной властью, призовут граждан от имени отечества на его защиту. (Аплодисменты)

3. Народное ополчение

Законодательное Собрание, 2 сентября 1792 года

«Парижская коммуна, извещенная о продвижении войск противника внутрь страны, показала пример истинного патриотизма», говорит Кондорсе¹⁴, предлагая собранию начать совместные действия и сообщая о чрезвычайных мерах, предпринятых ею для защиты столицы. Дантон, по соглашению с военным министром, выясняет меры, необходимые для того, чтобы сполна использовать энтузиазм населения столицы.

ДАНТОН (министр юстиции). С чувством глубокого удовлетворения я, как министр свободного народа, спешу сообщить вам радостную весть о том, что спасение отечества не за горами. Вся Франция пришла в движение, все горят желанием сразиться.

Вам уже известно, что Верден еще не в руках неприятеля; вы знаете, что гарнизон поклялся уничтожить всякого, кто посмеет заговорить о сдаче. Все граждане столицы разделятся на три отряда: одни, готовые двинуться к границам, — это те, кто имеет оружие, — другие будут рыть окопы, третьи составят огромную массу, ошетилившуюся пиками: их делом явится защита городов.

Париж готов всецело поддержать великие усилия народа. Сейчас, когда я говорю с вами, комиссары Коммуны выпускают торжественное воззвание, призывающее граждан вооружиться и идти на защиту родины.

---

¹⁴ Член Законодательного Собрания, а потом Конвента, один из редакторов жирондистского проекта конституции 1793 года, автор знаменитого «Эскиза исторической картины прогресса человеческого рода». Материалы о Кондорсе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#cnd>.

В этот решительный момент, господа, вы можете открыто признать, как велика заслуга Парижа перед всей Францией, в этот момент Национальное Собрание должно стать подлинным военным комитетом.

Мы просим вашего содействия в нашей работе; помогите нам направить по должному пути этот великий народный подъем, назначайте дельных комиссаров, которые будут нам помогать в этих великих мероприятиях. Мы требуем смертной казни для тех, кто откажется идти на врага или выдать имеющееся у него оружие. Необходимы меры беспощадные; когда отечество в опасности, никто не имеет права отказаться служить ему, не рискуя покрыть себя бесчестьем и заслужить имя предателя отчизны. Мы требуем, чтобы были изданы инструкции, указывающие гражданам их обязанности. Мы требуем, чтобы были посланы курьеры во все департаменты — оповестить граждан обо всех декретах, издаваемых вами. Набат, уже готовый раздаться, прозвучит не тревожным сигналом, — но сигналом к атаке на наших врагов. (Аплодисменты). Чтобы победить их, господа, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена! (Новый взрыв аплодисментов).

Предложения Дантона приняты и декретированы.

4. О праве собственности

Конвент, 21 сентября 1792 года

Тальен¹⁵ предлагает депутатам поклясться, что они не покинут собрания, не выработав программы управления страной на основе равенства и свободы.

ДАНТОН. Прежде чем высказать свое мнение о том, с чего должно начать свою деятельность Национальное Собрание, я прошу позволения сложить перед ним полномочия, вверенные мне Законодательным Собранием. Я получил их под грохот орудий, которыми жители столицы громили деспотизм.

Теперь, когда произошло соединение армий, когда произошло объединение представителей народа, я должен отказаться от своих прежних полномочий министра; теперь я только доверенный народа, и в качестве такового я говорю сейчас с вами.

Вам предложили принять присягу; действительно, необходимо, чтобы вы, в сознании громадной ответственности, принятой вами на себя, объявили в торжественной декларации народу, каковы те чувства и те принципы, которыми вы будете руководствоваться в своей работе. Вспомните, граждане, как вело себя первое Национальное Собрание, его несовершенство изданных им законов, его соглашения с тиранией. Не может существовать иной конституции, кроме той, которая текстуально и путем поименного голосования будет принята большинством первичных собраний.

Вот что вы должны объявить народу. Тогда исчезнет все ложные призраки диктатуры, нелепые слухи о триумvirате, весь этот вздор, придуманный для запугивания масс, так как конституционным законом будет признано лишь то, что будет принято самим народом.

После этой декларации вы должны будете принять другую, не менее важную для дела свободы и общественного спокойствия.

До сих пор народ всячески возбуждали, так как надо было его поднять на борьбу с тиранами, надо было дезорганизовать деспотизм. Теперь необходимо, чтобы законы были так же беспощадны к тем, кто посмеет посягнуть на завоевания народа, как был беспощаден сам народ, уничтожая тиранию.

Необходимо, чтобы закон наказывал всех виновных, и тогда народ вполне будет удовлетворен. (Аплодисменты)

Многие, даже самые честные граждане, выражали опасение, что пылкие друзья свободы способны нанести непоправимый вред общественному порядку, сделав преувеличенные выводы из своих принципов. Итак, решительно откажемся здесь от всяких крайностей, провозгласим, что всякого рода собственность — земельная, личная,

---

¹⁵ Член Якобинского клуба и Конвента, деятельный участник переворота 9 термидора, низвергнутого Робеспьера, играл видную роль в годы последовавшей затем реакции. [Материалы о Тальене: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#t1](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#t1).

промышленная — должна на вечные времена оставаться неприкосновенной. (Дружные аплодисменты)

Вспомним затем, что нам необходимо все пересмотреть, все переиздать, что и сама Декларация Прав не совсем безупречна, и что она должна подвергнуться пересмотру истинно свободного народа. (Новый взрыв аплодисментов)

Предложения Дантона приняты в следующей редакции:

Национальный Конвент постановляет:

1. Не должно существовать иной конституции, кроме той, которая будет принята всем народом;

2. Личность и собственность находятся под охраной французского народа,

Национальный Конвент объявляет, что неотмененные законы временно остаются в силе; лица, не отрешенные от должности, остаются при исполнении своих обязанностей; государственные налоги, ныне существующие, будут взиматься по-прежнему.

5. Республика единая и неделимая

Конвент, 25 сентября 1792 г.

По поводу предложений Тальена о том, чтобы на предстоящих выборах судьи избирались не исключительно из судебного сословия, поднимаются горячие дебаты. Во время дебатов Ласурс выступает с нападками на Париж и его депутатов. Ослэн продолжает в том же духе и призывает своих коллег предать анафеме всех тех, кто вздумал бы посягнуть на республиканскую свободу и политическое равенство Шум и крики достигают апогея, когда один из правых депутатов заявляет «Робеспьер — глава этого заговора; он стремится к диктатуре; он — главный бунтовщик! Свои планы он доверил Барбару!»¹⁶

ДАНТОН. Счастливый день для народа, счастливый день для Французской республики тот, который приносит с собой братские объяснения в недрах этого собрания среди лиц, которые его представляют; счастливый день, когда каждый из нас честно и открыто пообещает бороться со всяким личным авторитетом, который бы грозил превысить общий уровень равенства. Если есть виновные, если существует, в действительности, тот бесчестный человек, который хочет деспотически властвовать над народными представителями, его голова скатится на плахе, как только его преступление будет разоблачено. Здесь говорят о диктатуре, о триумвирате... Подобные обвинения не должны быть неопределенными и необоснованными; тот, кто бросил подобное обвинение, должен подписаться под ним. Я бы не задумался это сделать, хотя бы мои показания стоили жизни моему лучшему другу.

Не следует обвинять всех парижских депутатов в совокупности; я не буду стараться оправдать каждого депутата в отдельности; я не ответствен за них и буду говорить вам только о себе.

С полной готовностью я нарисую вам картину моей общественной жизни. В течение трех лет я делаю все, что считаю своим долгом делать для свободы, я стоял всегда в рядах ее самых отважных защитников. Будучи министром, я отдавал Совету все усердие, всю энергию гражданина, горящего любовью к своей стране; со всей горячностью моего темперамента я в нем поддерживал принципы равенства и свободы. Я заявляю, что личное честолюбие никогда не было двигателем моих поступков. Если кто-либо может бросить мне по этому поводу обвинение, пусть встанет и скажет.

Среди парижских депутатов, действительно, есть человек, чьи мнения для республиканской партии являются тем же, чем были мнения Руайю¹⁷ для партии аристократической. Этот человек — Марат.

---

¹⁶ Из лиц, упоминаемых во вступительной части, Ласурс был членом Законодательного Собрания и Конвента, входил в состав обоих комитетов — Комитета Общественного Спасения и Комитета Общей Безопасности, в Конвенте примкнул к жирондистам и выступал против Робеспьера и Дантона (см. речь последнего от 1 апреля 1793 года); Ослэн — парижский депутат Конвента и член Парижской Коммуны, голосовал за казнь короля и проводил декреты против эмигрантов; Барбару — марсельский адвокат, будучи членом Законодательного Собрания, посещал Якобинский клуб и поддерживал сношения с Робеспьером, в Конвенте сблизился с жирондистами и повел борьбу с радикально-демократическими элементами, коммуной и робеспьеристами. [Материалы о Барбару: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#brb](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#brb).

¹⁷ Аббат Руайю — редактор монархического листка «Друг короля».

Слишком долго меня обвиняли в том, что я был автором или вдохновителем писаний этого человека. Свидетелем, могущим удостоверить лживость этих обвинений, является ваш председатель. Он читал угрожающее письмо, посланное мне этим гражданином; он же был свидетелем ссоры, происшедшей между ним и мною в мэрии. Но я приписываю эти странные выходки преследованиям и невзгодам, которым подвергался этот гражданин. Думаю, что жизнь в подпольи, где ему пришлось скрываться, ожесточила его душу...

Совершенно верно, что самые лучшие граждане могут быть не в меру пылкими республиканцами — надо в этом признаться. Но не станем из-за двух-трех неуравновешенных людей обвинять весь состав парижской делегации. Что же касается меня, я не принадлежу Парижу, я принадлежу департаменту, на который всегда смотрю с чувством удовлетворения. Но никто из нас не принадлежит тому или другому департаменту, мы призваны защищать интересы всей Франции.

Переменим же тему наших прений, памятуя об общественных интересах. Бесспорно, нужен строгий закон против тех, кто стремится посягнуть на общественную свободу. Прекрасно, проведем этот закон! Проведем закон, грозящий смертной казнью всякому, кто выскажется в пользу диктатуры или триумvirата. Но, установив основы, обеспечивающие торжество равенства, уничтожим дух партийности, который нас погубит. Утверждают, что среди нас есть люди, имеющие намерение расчленить Францию. Рассеем эти нелепые идеи, установив смертную казнь их авторам. Франция должна быть неделимым целым; она должна иметь единое представительство. Граждане Марсели хотят протянуть руку гражданам Дюнкерка. Итак, я требую смертной казни для всякого, кто пожелал бы нарушить единство Франции, и я предлагаю постановить, что Национальный Конвент в основу управления, которое он установит, кладет единство представительства и исполнительной власти. Пусть дрожат австрийцы при виде этого священного единения; дрожат крамольники внутри страны и коронованные бандиты, возлагающие все свои надежды на наши разногласия! Установим эти основы, и тогда, клянусь вам, наших врагов ждет неминуемая гибель! (Аплодисменты)

6. Война королям

Конвент, 28 сентября 1792 года

Камилл Демулен¹⁸ выражает пожелание, чтобы Франция, подобно некогда победоносному Риму, предложила народам самим избрать своих правителей. — Луве¹⁹ предлагает Конвенту издать прокламацию, в которой пояснялось бы, что республика борется не с народами, а с деспотами; что, вступая на чужую территорию, она не посягает на суверенитет нации и всеми силами будет защищать ее независимость. Ласурс предлагает передать это предложение в Комитет.

Дантон. Хотя я принципиально разделяю то мнение, что всякий народ имеет право избирать соответствующее его желаниям правительство, я не согласен с выводами, сделанными одним из предыдущих ораторов. Я заявляю, что мы имеем право открыто сказать народам: у вас больше не будет королей! (Глухое волнение)

Французы не потерпят, чтобы народы, жаждущие свободы, имели правителей, которые не являются выразителями их интересов, и чтобы эти народы, воздвигая у себя троны, непрерывно поставляли нам новых тиранов, на борьбу с которыми мы должны будем расточать свои силы. (Ропот в собрании)

Посылая нас сюда, французский народ создал великий комитет всеобщего восстания народов против всех тиранов мира. (Аплодисменты на трибунах.) Выполним же нашу миссию, дадим созреть принципу и не будем торопить наших решений. Я предлагаю,

---

¹⁸ Демулен — блестящий журналист, один из основателей клуба Кордельеров, после 10 августа секретарь при министре юстиции Дантоне, в Конвенте примыкал к монтаньярам и в ряде памфлетов (наиболее известна «История бриссотинцев») подорвал популярность Жиронды; с осени 1793 г. присоединился к дантонистам в их борьбе против терроризма; был арестован и казнен вместе с Дантоном. [Материалы о Демулене: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem).

¹⁹ Луве — член Законодательного Собрания и Конвента, принадлежал к жирондистскому лагерю, резко выступал против Робеспьера, обвиняя его в стремлении к диктатуре. [Материалы о Луве: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#louvvet](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#louvvet).

чтобы Конвент, призывая народы к завоеванию свободы, указал им все средства для уничтожения тирании во всех ее формах и проявлениях.

Предложение передано в Комитет.

7. Париж — народная столица

Прокламация, нач. сентября 1792 года

Граждане!

Свергнутые нами правители Парижа хотели превратить Париж в город роскоши, богатства и наслаждений; пусть же волей ее новых властей столица делается городом трудящихся, ульем всей Франции.

Вопрос момента сводится к простому перемещению: надо поднять наверх то, что было внизу. Прежде богачи преобладали в Париже, — теперь место беднякам! Настал черед их владычества...

Надо отменить городские налоги; жизнь в Париже должна быть дешевле, чем где бы то ни было, и я ручаюсь вам, что через столетие, по естественному и неизбежному ходу событий, трудящийся класс составит три четверти парижского населения.

При таком положении вещей последнее решающее слово неминуемо будет произнесено в пользу республиканского устройства. Ведь, ни один трон не устоит перед напором народных волн, вздымающихся в столице сегодня, завтра, всегда!..

8. Установление республики и народная санкция

Конвент, 16 октября 1792 года

Манюэль²⁰ предлагает испросить народную санкцию на образование республики. — Дантон требует отклонения этой меры. — Камбон²¹ предлагает образовать комиссию из 83 членов, избранных из числа депутатов 83 департаментов для решения этого вопроса.

ДАНТОН. Здесь будто не знакомы с сущностью принципа, столь мудро установленного вами, а именно, что конституция должна быть представлена на утверждение народа только в законченном совершенно виде. Если этот принцип был признан единственным средством, способным сохранить свободу, единственно могущим поддержать гармонию и уберечь нас от слишком поспешных и необдуманных решений, почему же сейчас хотят уклониться от него? Здесь говорят, что, не зная истинных желаний народа по вопросу о республике, вы рискуете построить огромное здание на непрочном и химерическом фундаменте. Довод логичный, но мало обоснованный! — Ведь республика уже санкционирована народом, армией и гением свободы, который отвергает всех королей. (Единодушные аплодисменты всего собрания и на трибунах)

Итак, не имея более оснований сомневаться в том, что Франция желает быть и будет вечно республикой, приступим к созданию конституции, которая должна покоиться на этом принципе. И когда вы ее декретируете, когда торжественностью своих прений вы, так сказать, декретируете самое общественное мнение, тогда вы без труда получите одобрение народа, а согласованность всех частей вашего правительственного аппарата гарантирует прочность этой конституции. (Аплодисменты)

Установим тот принцип, что законы, утверждаемые Конвентом, каковы бы они ни были, должны рассматриваться, как законы безусловные; в противном случае нам грозит постоянная анархия и разложение республики.

²⁰ Манюэль — участник движения 20 июня и переворота 10 августа, прокурор Парижской Коммуны, в Конвенте во время процесса Людовика XVI высказался за обращение к народу, после казни короля сложил с себя звание депутата; был вскоре арестован и казнен.

²¹ Камбон выделился в Конвенте в качестве выдающегося финансиста, был членом первого Комитета Общественного Спасения и Комитета Финансов; в последнем занял руководящее положение, управляя финансами Франции, борясь с служебными злоупотреблениями и спекуляцией и принимая меры к улучшению курса бумажных денег (ассигнатов); в вопросах общей политики Камбон был противником Робеспьера и содействовал его падению. Он был одним из вдохновителей политики завоеваний, сменившей прежнюю политику революционной пропаганды. [Материалы о Камбоне: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon.](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon)

Основываясь на этих истинах, упрочивающих наше единство, которое одно может сделать нас непобедимыми, я требую перейти к очередным делам, не рассматривая предложения Камбона.

Конвент единогласно отвергает рассмотрение предложения Камбона.

9. Закон против эмигрантов

Конвент, 23 октября 1792 года

Бюзо²² предлагает Конвенту объявить, что французские эмигранты навсегда изгнаны с территории республики, а те из них, которые посмеют возвратиться, подлежат смертной казни.

ДАНТОН. Я вполне разделяю принцип, провозглашенный на этом собрании, и, с своей стороны, хотел бы добавить лишь следующее: Без сомнения, когда свобода в опасности, она жаждет крови тиранов; но когда свобода торжествует и заставляет трепетать своих врагов, она может устанавливать свои законы с полным спокойствием и хладнокровием. Приняв законность Бюзо, мы возьмем правильный курс.

Эмигранты сами себя осудили на изгнание. Ну, что ж? Мы объявляем вечным то изгнание, которому они сами себя подвергли! (Аплодисменты)

Взоры всей Европы обращены на вас; все ждут от вас законов, мудрость которых оправдает вынужденную жестокость нации; творите эти законы, и вся Европа преклонится перед вами. Говорят, многие эмигрировали по слабости воли: на мой взгляд, это – трусы! Тот, кто бросает свое отечество в момент опасности, лишается права на звание гражданина; и если бы он посмел возвратиться, родина могла бы сказать ему: ты покинул меня, несчастный, в дни грозной опасности, так удались же отсюда навсегда; не возвращайся больше в мое лоно: нас теперь разделяет непроходимая бездна! (Аплодисменты.) И если он посмеет ослушаться закона, то кара закона падет на его голову!

10. Ответ савойским республиканцам

Клуб якобинцев, 28 октября 1792 года

Эро-де-Сешель^{22а} сообщает, что 300 савойцев, после братской трапезы в честь нескольких членов Конвента, во время которой были провозглашены тосты за всемирную республику, при чем обе нации в течение долгих часов обменивались выражениями взаимной симпатии, явились в помещение клуба и просят допустить их на собрание. Их вводят; один из их ораторов поднимается на трибуну и высказывает пожелание тесного союза между «их клубом» и якобинцами. Председатель (Дантон), которому поручено высказать точку зрения собрания, отвечает им.

Граждане республиканцы, это торжество не будет единственным, отпразднованным нами вместе с савойцами, необходимо, чтобы оба народа слились воедино. Если мы рассмотрим естественные границы наших стран с точки зрения политической, то мы убедимся в необходимости согласования наших интересов. Тогда-то мы отпразднуем великое торжество объединения, столь желанного для нас всех. Савойцы, вы поклялись навсегда отречься от вашего короля. Сдержите это слово, а мы сдержим свое! (Все восклицают: «клянемся!») Слишком долго короли оскорбляли природу, считая себя выше ее; теперь они поняли, наконец, что были обязаны своим владычеством только невежеству и преступлению, вдохновителями которых они были. Они воображали до сих пор, что искусство существует лишь для того, чтобы прославлять их; они не предвидели того, что этот светоч, озаривший народы, бросит свет также и на троны, обнажит всю их

---

²² Бюзо — один из лидеров Жиронды и наиболее активных противников Горы и Робеспьера, против которого выступал с обычными у жирондистов обвинениями в диктаторских замыслах; исключенный из Конвента 2 июня, покончил самоубийством после неудачной попытки поднять в Нормандии восстание против Конвента. **Материалы о Бюзо:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#bzt>.

^{22а} Эро-де-Сешель — депутат от Парижа в Законодательном Собрании и в Коявенте, первоначально входил в партию левых монтаньяров (робеспьеристов), председательствовал в Конвенте в дни парижского движения, направленного против Жиронды (31 мая и 2 июня), редактировал якобинский проект конституции 1793 года и, в качестве члена Комитета общественного спасения, принимал участие во всех мероприятиях революционного правительства; примкнув затем к дантонистам, был осужден одновременно с Дантоном и Демуленом. **Материалы об Эро Сешеле:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#HS>.

гнусность и поможет изгнать тиранов, которые воздвигли эти троны и охраняли их при помощи наследственного деспотизма...

Друзья, мы объединились и все нам обещает незыблемость нашего союза. Расширим же наше братское единение, включим в него провинции; вернем веем народам их естественные права; пусть участь королей в целом мире станет грозным уроком для тех, кто посмел бы протянуть свою руку к короне.

Ответ председателя и речи многочисленных ораторов доводят энтузиазм собрания до апогея... Собрание настаивает, чтобы председатель обнял одного из новых братьев. Все бросаются к председательской трибуне, чтобы принять участие в этом новом выражении братского единения.

11. По поводу доклада Ролана

Конвент, 29 октября 1792 года

Робеспьер просит слова по поводу доклада Ролана.²²⁶ Его прерывают возгласы недовольства.

ДАНТОН. Председатель, оставьте слово за оратором, и я также прошу слова потом! Пора, чтобы все это разъяснилось.

Альбитт²³ и Тальен предлагают перенести прения по докладу министра на определенно назначенный для этого день.

Бюзо. Я протестую против этого предложения.

ДАНТОН. А я, наоборот, всецело поддерживаю его. Я уверен, что собрание без колебаний назначит на определенный ближайший день рассмотрение столь важного вопроса, как заслушанный нами доклад министра. Настало время, наконец, узнать, кто наши товарищи; пора и нашим товарищам узнать, что они должны думать о нас.

Нельзя скрывать, что в собрании существует немало взаимного недоверия между его членами. Если то, что я говорю, истина и вы все ее знаете, то позвольте мне сделать из нее необходимые выводы.

Необходимо, чтобы это недоверие перестало существовать и, если среди нас имеются его виновники, чтобы им было воздано по заслугам. (Бурные аплодисменты)

Я заявляю Конвенту и всей нации, что я отнюдь не люблю Марата. Я откровенно скажу, что испытал на себе его темперамент, он не только вспыльчив и брюзглив, но и неживчив.

После подобного признания, да будет мне позволено сказать, что я тоже стою вне всяких партий и заговоров. Если кто-либо сможет доказать, что я замешан в каком-нибудь комплоте, пусть объявит об этом сейчас же во всеуслышание. Если же, напротив, верно, что моя мысль принадлежит только мне, и что я твердо решил скорее умереть, чем быть причиной раздоров в республике, я прошу выслушать полностью мои мысли о нашем теперешнем политическом положении.

Нельзя отказать в филантропии и в чувстве гуманности министру внутренних дел и всем честным гражданам, когда они сокрушаются над бедствиями, неизбежно связанными с великой революцией. Конечно, они вправе требовать наказания по всей строгости народного правосудия для тех, кто явно служит своим личным интересам, вместо того, чтобы служить революции и свободе.

---

²²⁶ Жан-Мари Ролан де Ла Платьер — министр внутренних дел в жирондистском министерстве (весной 1792 г.), получившем отставку после резкого обличительного письма Ролана Людовику XVI, возвратился после 10 августа на прежний пост (во Временном Исполнительном Совете), в Конвенте старался дать преобладание жирондистской политике над монтаньярской, вел борьбу с Коммуной и революционными течениями в парижском населении, вызывая нападки со стороны Марата и Робеспьера и, в свою очередь, выступая против последнего. Доклад Ролана 29 октября 1792 года, послуживший поводом к речи Дантона «весь был сплетен из направленных против Парижа обвинений» (Жорес), обличал незаконные акты Коммуны и «принципы мятежа и убийств», проповедуемые в парижских собраниях. После падения Жиронды Ролан скрывался и покончил самоубийством в конце 1793 года. [Материалы о Ролане: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#rInd](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#rInd).

²³ Альбитт — адвокат по профессии, депутат от департамента Нижней Сены в Законодательном Собрании и Конвенте, один из выдающихся ораторов эпохи.

Но как могло случиться, что один министр, который не может не знать обстоятельств, приведших к изложенным им событиям, забывает те принципы и истины, которые другой министр развивал пред нами по поводу тех же событий?

Вспомните, что теперешний министр юстиции сказал вам о бедствиях, неразрывно связанных с революциями.

Другого ответа я не могу дать и министру внутренних дел. Если каждый из нас, каждый истинный республиканец имеет право требовать суда над теми, кто стал бы возбуждать революционные движения только для удовлетворения личной мести, то тем более нельзя упускать из виду, что никогда троны не рушились без того, чтобы под их обломками не было погребено несколько мирных граждан.

Никогда еще революция не совершалась без того, чтобы полное разрушение существующего порядка вещей не оказывалось роковым для отдельных лиц. Нельзя возлагать ответственность за подобные явления ни на Париж, ни на другие города, в которых могли произойти такие же бедствия. Последние могли, конечно, явиться и результатом мести отдельных лиц, — этого я не отрицаю. Но — еще вероятнее явились следствием всеобщего возбуждения умов, национальной лихорадки, творившей в то же время чудеса, которым будет удивляться потомство.

Итак, я утверждаю, что министр действовал под влиянием чувства, которое я уважаю, но что его страстная любовь к порядку и законности заставили его увидеть повсюду обширные государственные заговоры в том, что, быть может, является просто сцеплением мелких интриг, мелких как по их сущности, так и по средствам их осуществления. (Ропот)

Проникнитесь той мыслью, что в республике не может быть заговоров. Есть затаенные страсти, могут быть отдельные преступления, но нет таких больших комplotов, которые могли бы причинить ущерб свободе. (Продолжительный ропот)

И где же те люди, которых обвиняют в заговорах, в стремлении к диктатуре или к триумvirату? Пусть назовут их!

Да, мы должны соединить все усилия, чтобы прекратить эти раздоры, вызванные чувством озлобления и личными предубеждениями, а не пугать себя призраками вымышленных химерических заговоров, существование которых было бы чрезвычайно трудно доказать.

Я призываю поэтому к открытому выяснению всех сомнений, разъединяющих нас; я настаиваю, чтобы прения по докладу министра были перенесены на определенный день, потому что я хочу, чтобы факты были разносторонне расследованы, и чтобы Национальный Конвент мог принять меры против лиц, которые окажутся виновными.

Я должен заметить, что совершенно правильны раздававшиеся здесь протесты против рассылки по департаментам писем, косвенно обвиняющих членов этого собрания. Ролану следовало бы отослать письмо, в котором говорится об убийствах, министру юстиции или государственному обвинителю, для препровождения в трибунал, где, без сомнения, выяснилось бы, что все эти страшные проекты являются пустой выдумкой. (Ропот.) Я заявляю это определенно, потому что пора это сказать: все, кто твердит о заговоре Робеспьера, являются в моих глазах или людьми предубежденными, или дурными гражданами. Пусть все, кто не разделяет моего мнения, позволят мне сначала высказаться подробно, а затем могут возражать.

Я не осудил никого и готов опровергнуть все обвинения. Чувствуя в себе достаточную для этого силу и сознавая свою правоту, я прошу назначить обсуждение этого доклада на следующий понедельник.

Я прошу отложить до понедельника, так как необходимо, чтобы члены собрания, желающие выступить обвинителями, имели время убедиться в правдивости своих обвинений, собрав нужный материал. Отсрочка нужна и для тех, кто пожелает опровергнуть обвинения — они смогут приготовить свои возражения и, в свою очередь, доказать неосновательность клеветнических обвинений.

Итак, честные граждане, которые жаждут только правды, которые хотят увидеть в истинном свете людей и их поступки, узнают скоро, кого они должны ненавидеть и к кому относиться с братским доверием: ведь только братство — и ничто другое — способно вывести Конвент на верный путь — к величию и славе! (Рукоплескания)

12. О содержании духовенства

Конвент, 30 ноября 1792 года

По поводу шартрских волнений, во время которых депутаты Мор и Биротто подверглись серьезной опасности, Биротто заявляет: «Легко представить себе, каковы будут волнения, вызванные декретом о прекращении выдачи содержания священникам, если один намек на возможность этого вызывает подобное возбуждение». На некоторых скамьях раздается ропот неудовольствия.

Дантон. Я прошу спокойно выслушать оратора, так как и я разделяю его точку зрения. Можно потрясти всю Францию до основания слишком поспешным применением к жизни философских принципов, которые мне лично очень дороги, но для восприятия которых народ и, главным образом, жители деревни недостаточно созрели.

Граждане, разрешите мне добавить мои личные соображения к тем мыслям, которые были высказаны предыдущим оратором.

Разумеется, для Конвента было большим ударом известие о том, что его комиссарам было нанесено народом большее оскорбление, чем мог бы нанести им Лафайет, изгнанный из пределов Франции.

Не будем закрывать глаза на то, что роялисты... (аплодисменты) да, я утверждаю, что именно роялисты и фанатики, рассеянные по всей республике, стремятся к тому, чтобы сделать свободу ненавистной для народа. Граждане, необходимо остановить развитие зла — а для этого следует пресечь его в корне. Народный суверенитет был оскорблен в лице ваших комиссаров; от имени народа надлежит покарать это преступление. Опираясь на авторитет народа, вы должны покарать со всей строгостью закона дерзкую секту, которую они считают заблудшей, и которую я называю преступной. Среди заговорщиков есть, несомненно, люди, сбившиеся с верного пути; но нельзя сомневаться в виновности вождей, Донельзя сомневаться в том, что они приобрели сторонников, уверяя их, будто вы хотите уморить народ голодом, будто вы вовсе не заботитесь о его благе... Благо народа! Да, кто же усумнится в том, что вы стремитесь только к нему! Разве не вы уничтожили королевскую власть? Разве не вы заявили во всеуслышание, что не признаете иной конституции, кроме той, которая будет принята народом? Разве вы не посвящаете все свое время, день за днем, охране всех самых заветных интересов нации?

Народ обманут — вы должны открыть ему глаза. Проект Камбона²⁴, усердно толкуемый фанатиками, предателями и злостно настроенными невеждами, всплыл на поверхность.

Предложение было мотивировано философскими идеями, которые мне дороги. Но человек, обиженный судьбой, ищет удовлетворения в мимолетных утешениях. При виде богача, удовлетворяющего все свои желания и потворствующего всем своим прихотям, в то время как он сам должен ограничить потребности самым необходимым, бедняк ищет утешения в вере. Он верит в то, что в другой жизни он будет с излишком вознагражден за все свои земные страдания, и это служит ему великой поддержкой. Оставьте ему это заблуждение. Отложите всякие разговоры о морали и философии до того момента, пока народ настолько просветится, что сможет в достаточной мере уразуметь истинную ценность религиозных верований. Подождите до того времени, пока у вас будут такие проповедники морали, которые смогут вдохнуть в молодую еще душу народа полное понимание его былых заблуждений.

Д А Н Т О Н . ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

Государственное издательство Украины. 1924

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

²⁴ Дантон имеет в виду внесенное Камбоном 13 ноября от имени финансового комитета предложение вычеркнуть из государственного бюджета расходы на католический культ, в том числе и на содержание священников, ибо, говорил он, «Комитет решил провести в жизнь принцип, согласно которому каждый трудящийся получает уплату за свой труд, но не от государства, а от тех, кто этим трудом пользуется». Известно, что не только Дантон, но и ряд других видных деятелей Конвента (Робеспьер, Кондорсэ), равно как и большинство в Якобинском клубе, высказались против проекта, главным образом, из опасения возбудить фанатизм крестьянства и повредить делу революции.

Но в настоящий момент, когда народ находится в состоянии варварства, попытка отнять у него его идеи и его заблуждения была бы преступлением против нации. Подождем, пока свет просвещения озарит хижины бедняков. Я лично не знаю другого божества, кроме бога вселенной, и иной веры, кроме веры в справедливость и свободу. Но крестьянин, кроме того, верит еще в человека-утешителя, в котором он видит святого, потому что ему он обязан в своем детстве, в зрелые годы и под старость несколькими мгновениями счастья, потому что душа этого несчастного требует нежности и пламенно привязывается ко всему, что носит печать величия.

Да, оставьте ему его заблуждения, но просвещайте его. Скажите ему вполне определенно, что задача Конвента — не разрушать, а усовершенствовать, что он преследует фанатизм именно потому, что хочет свободы религиозных мнений. Пусть народ не боится потерять то единственное, что привязывает его к земле в том случае, если он не обладает земными благами.

Другим поводом, вызывающим волнение в народе, является в данный момент процесс короля. С нетерпением ждут приговора над бывшим королем. Убежденные республиканцы возмущаются нашей медлительностью в разрешении этого вопроса. Роялисты, не совсем потерявшие надежду, безмерно волнуются, надеясь спасти короля. Партии спорят. Роялисты не щадят материальных средств. Республиканцы грозят оружием. Эта борьба противоположных стремлений и усилий рождает смуту. И вот богач-капиталист, учитывая обстоятельства, захватывает все в свои руки и усмехается, радуясь всеобщему бедствию; народ возмущается и грозит ему расправой.

Достаточно одного слова Конвента, и вновь воцарится успокоение. Скажите народу просто и ясно: у вас останутся ваши священники до той поры, пока вы сами перестанете считать их необходимыми для вашего счастья. Суд над бывшим королем состоится в самом близком будущем, и Конвент готов итти на всякие жертвы, необходимые для поддержания вашего существования. Со всей строгостью закона он покарает тех, кто осмелится посягнуть на его права.

Побольше доверия, побольше осторожности, побольше твердости — и Республика будет спасена. (Аплодисменты)

13. О порядке суда над королем

Возобновляются прения по поводу постановления муниципалитета. Дантон хочет обратить внимание собрания на вопрос, требующий разрешения.

ДАНТОН. Я предлагаю Конвенту постановить, что решение по поводу участи Людовика будет вынесено им безотлагательно.

Это предложение единодушно принимается. Четыре часа утра. Идет обсуждение вопроса, какое большинство необходимо для постановления приговора.

ДАНТОН. Первый вопрос, который мы должны обсудить — это вопрос о том, будет ли приговор над Людовиком произнесен простым голосованием.

Здесь высказывались мнения, что этот вопрос — вопрос первостепенной важности, и не может быть разрешен обычным порядком. Я спрашиваю, если для решения судьбы целой нации было достаточно простого большинства, если простым большинством голосов была создана республика и уничтожена королевская власть, то почему решение судьбы одного человека, и притом заговорщика, должно быть обставлено более строгими и торжественными формальностями? Разве это вопрос более важный?

Мы выносим постановление, как представители народа, призванные им временно для выражения его воли... (Смех. Ропот.) Да, временно, так как власть принадлежит только народу. Но когда вы произносите приговор над какими-либо лицами, то разве вы ждете народной санкции для того, чтобы привести его в исполнение? Когда вы декретируете войну, то это постановление, которое в сущности является смертным приговором для нескольких тысяч французов - разве условное? Разве кровь течет условно?

Ваши постановления проводятся в жизнь без предварительного одобрения народа. Это установлено и притом настолько твердо, что другие заговорщики, сообщники Людовика, несмотря на то, что мы представляем собою лишь временное правительство республики, подвергались смертной казни без какого-либо обращения к народу, а просто в силу приговора чрезвычайных судов.

А тот, кто является душой всех заговоров, нуждается в исключительных мерах? Для него уже сделано исключение тем, что вы стали его судьями. Народ возложил на вас эту миссию; вы не имеете права умалять свое звание.

Если бы бывший король предстал перед трибуналом, его участь решалась бы обыкновенным большинством голосов; здесь, я повторяю, вы не можете, вы не должны вынести приговор иначе как простым большинством. Я предлагаю перейти к порядку дня, оставив сделанное по этому вопросу предложение без последствий.

Далее происходит третье поименное голосование по следующему вопросу: какого наказания заслуживает Людовик, бывший король французов?

Я не хочу быть в толпе «государственных людей»²⁵, которые не знают, что с тиранами не договариваются, которые не знают, что, королей поражают только в голову, которые не знают, что Франции нечего ждать от Европы и надо полагаться только на силу нашего оружия. Я голосую за смерть тирана!

14. По поводу испанского дипломатического вмешательства

Конвент, 16 января 1793 года

Верньо²⁶, занимая председательское место, заявляет, что пред ним лежат два письма: одно — от защитников Людовика, другое — от министра иностранных дел и официальная депеша испанского правительства. Гарран де Кулон берет слово. Дантон прерывает его, начиная говорить одновременно.

ДАНТОН. Я заметил, что в момент, когда началось поименное голосование...

ЛУВЕ. Ты еще не король, Дантон! (Сильный ропот.) Почему такая привилегия! Я предлагаю призывать к порядку каждого, прерывающего оратора.

Дантон. Я требую, чтобы этот наглец, который говорит, что я еще не король, был призван к порядку и исключен временно из Конвента. Так как Гарран²⁷ заявляет, что просил слова раньше меня, то я ему уступаю.

ГАРРАН ДЕ КУЛОН. Председатель, я продолжаю и предлагаю выслушать защитников Людовика после подсчета голосов.

ДАНТОН. Я не протестую против того, чтобы были выслушаны защитники Людовика, но только после того, как приговор будет произнесен, так как я убежден, что нового мы от них ничего не узнаем, и что они не сообщат вам фактов, способных изменить ваше решение.

Что же касается Испании, то, признаюсь, я удивлен дерзостью правительства, позволяющего себе попытку оказать давление на ваше решение. Если бы все были одного мнения со мной, мы все голосовали бы за объявление Испании войны. Как! Они не признают нашей республики! Ей хотят диктовать законы! С ней не считаются, ей желают предписывать условия, хотят участвовать в решениях ее представителей!

Во всяком случае, если угодно, выслушайте этого посланника, но пусть председатель даст ему ответ, достойный народа, выразителем мысли которого он явится. Пусть он

²⁵ «Государственные люди», «защитники имуществ», «люди порядка» — иронические клички, которыми наделялись буржуазные элементы Конвента — жирондисты. Дантон намекает при этом на попытку Жиронды спасти короля путем передачи приговора на утверждение народа.

²⁶ Верньо — один из лидеров Жиронды и самых блестящих ораторов революционной эпохи, в Законодательном Собрании — непримиримый противник двора и привилегированных, выступил весной 1792 года с настоящей обвинительной речью против короля и требовал смертной казни для эмигрантов, в Конвенте энергично вел борьбу с «триумвирами» — Робеспьером, Маратом, Дантоном, — выступал против Коммуны и возражал против учреждения революционного трибунала; после 2 июня разделил судьбу исключенных из Конвента жирондистов. Материалы о Верньо: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vrn>.

²⁷ Гарран де Кулон — член Законодательного Собрания, Конвента (в котором выступал много раз по ряду вопросов), впоследствии — Совета Пятисот и Сената в эпоху консульства.

скажет, что победители Жемаппа²⁸ не унижат завоеванной славы и что они найдут в себе достаточно силы не только победить, но и стереть с лица земли всех королей Европы, устраивающих заговор против нас.

Граждане! Остерегайтесь хитростей, которыми вас хотят побудить изменить ваши решения. Наши враги не остановятся ни перед чем. Они будут придумывать различные предлоги для того, чтобы добиться отсрочки: либо это будут политические соображения, либо важные переговоры, не вполне законченные, или еще не начатые.

Прочь! Прочь все постыдные предложения: никаких соглашений с тиранами! Будьте достойны народа, который оказал вам честь своим доверием и который осудит своих представителей, если они это доверие обманут.

Собрание единогласно, после прений, переходит к порядку дня, оставив без рассмотрения депешу испанского двора²⁹.

15. Революционная война

Конвент, 27 января 1793 года

20 января, в 5 часов вечера одним из бывших королевских гвардейцев был убит в ресторане Лепельтье де Сен-Фаржо³⁰. На следующий день, по инициативе Мора, возникают в собрании дебаты. Члены собрания сообщают об угрозах, ими полученных, и собрание требует принятия целого ряда мер: частью в честь Лепельтье (торжественные похороны, погребение в Пантеоне и т.д.), частью в целях защиты республики (домашние обыски, подчинение полиции Конвенту и т.д.) Дантон присоединяется к предложению о погребении Лепельтье в Пантеоне, призывает членов Конвента сплотиться в виду грозящей каждому из них опасности; обращаясь к жирондистам, он указывает на необходимость для Ролана покинуть министерский пост в виду совершенных им политических промахов, после чего переходит, как он сам выражается, «к вопросам высшего порядка».

ДАНТОН (продолжает). Недостаточно отсечь голову тирану; настало время направить все наши мысли, всю нашу энергию на дело войны.

Будем воевать с Европой, но оставим наши взаимные распри. Поймите мою мысль: война, которую мы ведем, должна вестись способами, достойными такого народа, как французская нация. Для того, чтобы сберечь кровь народа, нужен его труд. Нужно вести войну, не щадя сил и средств: если бы последняя кампания велась не с такой неразумной экономией, то, быть может, война была бы уже окончена.

Ваши комиссары, посланные в Бельгию, сделают вам доклад; вы убедитесь в том, что ваши армии совершили чудеса, хотя и терпели невероятные лишения.

Не бойтесь ничего на свете; мы видели французских солдат; каждый из них убежден в том, что он один сильнее 200 рабов. Энергия и республиканский дух армии столь сильны, что если бы сказать отряду в 300 солдат: надо либо погибнуть, либо идти на Вену, они ответили бы: мы идем на смерть или завоюем Вену.

С таким народом надо иметь только мудрых законодателей, которые сумели бы держать бразды правления в руках. Ведь нация стоит выше вас; ведь нет отдельных гениальных людей в великом народе, истинный гений живет в самом народе. Итак, поднимитесь сами на высоту, которой требует революция, и поднимите весь народ на высоту, на которой ему подобает стоять.

---

²⁸ При Жемаппе (в Бельгии) французские войска под начальством Дюмурие одержали решительную победу над австрийцами; эта победа открыла французам дорогу в Бельгию (18 ноября 1792 г.).

²⁹ Депеша, о которой идет речь, была прислана испанским поверенным в делах при правительстве республики; в нем предлагалось посредничество Испании между Францией и державами, участниками коалиции, в том случае, если суд над королем будет отсрочен.

³⁰ Лепельтье де Сен-Фаржо — член Конвента, голосовавший во время процесса короля за смертную казнь и убитый одним роялистом, был автором двух замечательных докладов об уголовном кодексе и о народном просвещении. Последний доклад был прочитан в Конвенте Робеспьером после смерти автора и касается организации начальной школы; в основу плана положен принцип единой общественной школы с обязательным совместным обучением и совместным воспитанием детей в школьных домах-коммунах. Относительно этого плана Дантон высказывается в своей речи 13 апреля 1793 года (см. ниже). **Материалы о Ле Пелетье:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>.

Реорганизуйте ваши армии, внесите порядок в финансы, потому что, ведь, прежде чем создать конституцию, необходимы средства для победы над врагом. Нация существует, если она умеет одерживать победы, подобные тем, какие выпали на нашу долю в нашу последнюю кампанию.

16. Аннексия бельгийских областей

Конвент, 31 января 1793 года

По предложению Камбона, поддержанного Ласурсом, собрание декретирует присоединение к Франции бывшего «Ниццкого графства». Дантон поднимается на трибуну и предлагает издать аналогичный декрет для бельгийских провинций, которые пожелали бы присоединиться к республике.

ДАНТОН. Не только от своего имени, но и от имени бельгийских патриотов и комиссаров Конвента, находящихся в Бельгии, я прошу вас вынести такое же постановление, какое вы вынесли по поводу Ниццы.

Я не рассчитываю на ваш энтузиазм, но исключительно на ваш разум, на желание соблюсти интересы Французской республики.

Я ожидал услышать доклад вашего дипломатического комитета; в сущности, что нового мог бы он дать? Декретировав временное государственное устройство Бельгии, соответственно французским законам, разве вы тем самым уже не решили вопроса о ее присоединении? Что сказать о политике великого народа, который, даруя свободу другому народу, дал бы ему государственное устройство, соответствующее принципам этой свободы, и затем предоставил бы его собственным силам. Такое поведение было бы преступным, оно было бы убийственным.

Вы совершили великое дело одним уже тем, что сказали народам, населяющим Бельгию, особенно область Льежа: мы вас организуем по нашему образцу. Этим самым вы дали им уверенность в том, что согласитесь на присоединение их к Франции, когда они вам это предложат. Отлично! сегодня они предлагают вам это почти единогласно всесторонне обсудив вопрос о том, чего они могут бояться и на что они могут рассчитывать.

Я утверждаю, что напрасно высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничены ею со всех четырех сторон горизонта — со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев. Границы нашей республики должны закончиться у этих пределов, и никакая сила на земле не помешает нам достигнуть их.

Вам угрожают короли, вы объявили им войну; вы бросили им перчатку, и этой перчаткой была голова тирана. (Общий смех)

Мы приближаемся к тому великому моменту, когда весь мир увидит последний мощный подъем вашей энергии. Этот подъем восторжествует над всем.

Нам угрожают: Англия собирается с силами и готова напасть на нас; и все же свобода воцарится и в этой стране.

В тот день, когда вы назначите, следуя данному совету, комиссаров Национального Конвента, которые опросят все коммуны республики: «сколько у вас людей? Сколько у вас оружия? Сколько у вас припасов?» — тогда вы сможете бросить всю Францию на ваших врагов.

Можете ли вы еще колебаться относительно приказа, которого требует чувство справедливости и гуманности. Не нужно никаких докладов там, где все уже известно, где все исчерпано.

Не заблуждайтесь; простолюдин и земледелец Бельгии хотят этого присоединения, для доказательства я вам приведу один пример - мы появились в Намюре на собрании временных представителей. Жителей деревни ввели в заблуждение по поводу смысла вашего декрета. Когда мы разъяснили честным жителям деревни, этим добродетельным земледельцам, этим истинным сынам родины и свободы, что они все получили избирательное право, они поняли, что изгнание касалось только врагов свободы, они приветствовали вашу мудрость и потребовали выполнения вашего декрета от 15 декабря.

Можно сказать еще больше: результат отмены феодальных прав и податей, установленных деспотизмом, таков, что мы были вынуждены выставить вооруженную силу для охраны сборщика прежних податей, так как народ требовал возврата налогов, которые он платил тирании. Так что же, скажете вы, что эти люди не созрели для свободы, что они не понимают своих интересов?

Интересы народа заключаются в том, чтобы не позволять угнетать себя, в том, чтобы не служить своим трудом тиранам. Если они вполне сознают свои права и интересы, они достойны присоединения к нам.

Обратите внимание на то, что от немедленного присоединения буквально зависит торжество свободы в Бельгии, потому что излюбленный метод приверженцев старого режима заключается в том, чтобы уверить население в вашем нежелании прибегнуть к этой мере. И только благодаря колебаниям слабых умов, благодаря их страхам по поводу этой аннексии, усиливается австрийская партия в Брюсселе.

Пусть присоединение Льежа станет фактом! Как только эта весть дойдет до Бельгии, к вам со всех сторон устремятся аналогичные петиции, тогда мы введем французские законы, священники и мятежные аристократы будут изгнаны из свободной страны и после этой чистки у нас будут новые люди, новые средства, — будут истинные республиканцы. Европа увидит, что наши принципы не химеричны, так как мы даем этому доказательство. Осуществите присоединение, и вы приобретете в бельгийцах людей достойных вас, людей которые покончат с приверженцами Австрии и соединят свое оружие с нашим для разгрома общих врагов. Я предлагаю Национальному Конвенту декретировать присоединение Льежской провинции к республике Французской. (Со всех сторон раздаются возгласы «На голосование! на голосование!»)

17. О политическом положении

Конвент 10 марта 1793 года

Положение становится все более угрожающим, из армии приходят самые неутешительные вести Льеж занят не приятелем, осада Маастрихта должна была быть снята. Собрание сильно возбуждено Робеспьер произносит длинную речь по поводу политического положения Дантон поднимается на трибуну. Высказав одобрение планам и действиям Дюмурье³¹, командующего французскими войсками в Голландии, он продолжает:

ДАНТОН. Хотим ли мы свободы? Если нет, то нам всем остается погибнуть, если хотим, то все пойдем на фронт, раз это необходимо! (Аплодисменты. Слышны возгласы «Да, да!»)

Рассмотрим наше политическое положение. Где скрывается главный рычаг, приводящий в движение неприятельские войска? В английском кабинете. Питт³² превосходно понимает, что, поставив на карту все, он не должен щадить сил, поэтому расходуются колоссальные суммы, расточается золото, приносятся громадные жертвы для того, чтобы уничтожить французскую свободу.

Но овладеем Голландией, и Карфаген будет разрушен Англия будет завоевана для свободы. Коммерческая аристократия, возмущенная тем, что английское министерство при соединилось к коалиции деспотов, и увидав крушение своей торговли, первая постарается свергнуть министерство Питта, которое думало, что старый режим сможет восторжествовать над гением свободы, парящим над миром.

---

³¹ Дюмурье — близкий к Жиронде, а впоследствии к Дантону, политический и военный деятель, в качестве главнокомандующего северной армией остановил прусское наступление у Вальми, разбил австрийцев при Жемаппе и завоевал Бельгию, весной 1793 года, после военных неудач в Голландии, решил осуществить задуманный раньше план восстановления королевской власти, вступил в переговоры с австрийским командованием и обратился к армии с прокламацией о походе на Париж но не встретил сочувствия и принужден был бежать. Измена Дюмурье ускорила падение жирондистов, которые считались покровителями мятежного генерала. [Материалы о Дюмурье: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr).

³² Питт (младший) — выдающийся английский государственный деятель, под влиянием которого Англия с 1793 г приняла участие в борьбе континентальных держав с Французской республикой.

Если это министерство будет свергнуто в силу интересов самой торговли, друзья свободы, которые в Англии имеются, возьмут власть в свои руки; эта партия не умерла, она ждет вас и если вы исполните свой долг, если вся Франция восстанет против врага — английские республиканцы протянут вам братскую руку, и мир будет освобожден. (Аплодисменты)

Граждане, у вас нет времени для разговоров, — необходимо действовать. Вы издали декрет, который вдохнет энергию во все сердца. Пусть ваши комиссары отправятся в путь немедленно, в эту же ночь, пусть они скажут этому подлому классу, пусть скажут богачам: ваши богатства должны пойти на пользу отечества, как идет наш труд; у народа есть только кровь, — он ее расточает; а вы, жалкие трусы, жертвуйте вашими богатствами! (Бурные аплодисменты со всех сторон)

Подумайте, граждане, о блестящей судьбе, ожидающей вас! Как! Целый народ вам служит рычагом, разум и свобода — точкой опоры, и вы не сможете перевернуть весь мир?.. Нужно иметь характер, выдержку. Да! Мы должны сознаться, что характера нам не хватило. Я оставляю в стороне все личные страсти; они мне абсолютно чужды. У меня одно стремление — общее благо. Ссылаюсь на всех, кто это мог бы подтвердить.

Я был уже в подобном положении, когда неприятель находился на французской земле. Я говорил им, этим мнимым патриотам: ваши распри пагубны для дела свободы. Я вас всех презираю, вы все — изменники. Победим врага, а тогда будем заниматься спорами. (Шумные аплодисменты на трибунах.) Я говорил: что для меня моя добрая слава, пусть даже мое имя покроется дозором, лишь бы Франция была свободна! Я согласился прослыть кровопийцей! Будем пить, если нужно, кровь врагов человечества, чтобы Европа, наконец, стала свободной!

Вы одни можете создать эту свободу: мир надеется получить ее из ваших рук.

Высказывают опасения, что ваше Собрание потеряет своих лучших представителей? Пустые страхи! Жалкие оправдания! Идите, сейте повсюду бодрость, и вы выполните ваше назначение! Вы свято исполните свой долг, сказав народу: Следуйте призыву, который мы несем с собой! Да погибнут наши враги! Национальный долг будет покрыт за счет врагов народа; восстановится равновесие между ценой товаров и стоимостью денег и тогда народ, по крайней мере, сможет воспользоваться плодами свободы.

Подумайте об этом! Пусть богатые прислушаются к этим словам! Надо, чтобы наши победы оплачивали наши долги, или же чтобы их оплачивали богачи, притом в кратчайший срок. Нация — в очень тяжком положении. Количество денежных знаков, находящихся в обращении во Франции, непомерно велико.

Народ возбуждали интригами — это верно; Англия пустила в ход все средства, лишь бы сбить его с пути; но действительно нет реального соответствия между заработком бедняков и ценой на продукты.

Необходимо сделать большое усилие и нанести решительный удар: займем Голландию, объединим партию английских патриотов, двинем в бой всю Францию, и отечество будет спасено! Ваша слава перейдет в века. Исполните веление судьбы, прочь все мелкие страсти и распри, пойдем вперед за волной свободы! (Общие аплодисменты)

18. Учреждение революционного трибунала

Конвент, 10 марта 1793 года

Барер³³ просит отложить до следующего дня вопрос об учреждении трибунала. «Отсрочку на голосование» слышится с мест. Возникают горячие прения по вопросу о том, будут ли присяжные назначаться из числа граждан всех департаментов. Дельма³⁴ предлагает немедленно закончить прения, дабы не задерживать отправки комиссаров. Конвент постановляет, что присяжные будут

---

³³ Барер — юрист по образованию, член Учредительного Собрания и Конвента, был близок к жирондистам, но впоследствии перешел на сторону монтаньяров, председательствовал в процессе короля; в качестве члена Комитета Общественного Спасения принимал деятельное участие в терроре и был постоянным докладчиком Комитета в Конвенте по военным делам; во время переворота 9 термидора изменил робеспьеристам, тем не менее, в эпоху реакции был привлечен к суду и приговорен к ссылке; впоследствии был политическим агентом Наполеона. [Материалы о Барере: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB).

³⁴ Дельма — член Конвента и Якобинского клуба, участвовал в термидорском перевороте, но выступал противником последовавшей затем реакции.

будут назначаться им из числа граждан всех департаментов. Раздаются голоса: «закройте заседание, уже 6 часов!» Председатель. «Заседание закрыто». Дантон вскакивает на трибуну.

ДАНТОН. Я предлагаю всем честным гражданам не покидать своих мест!.. (Все присутствующие безмолвно остаются на местах.)

Как, граждане! Неужели в момент грозной опасности, в тот момент, когда наше положение таково, что если бы Миранда был разбит, — а это весьма возможно, — Дюмурье, окруженный неприятелем, вынужден был бы сдаться; неужели, я повторяю, вы могли бы разойтись, не приняв решительных мер, каких требует от вас спасение народного дела? Поймите же, сколь важно принять своевременно юридические меры, которые карали бы контр-революционеров; ибо трибунал необходим именно для них; для них этот трибунал дач-жен заменить верховный трибунал народной мести.

Враги свободы переходят в наступление; всюду разбитые, они ведут подпольную работу провокации. Видя честного гражданина, занятого у своего очага, ремесленника, занятого в своей мастерской, они имеют глупость верить в то, что они составляют большинство. Хорошо же! Вырвите их самих из рук народной мести — этого требует гуманность... (Голос: «Сентябрь!»³⁵ Общее возмущение. Со всех сторон раздаются возгласы: «К порядку нарушителя тишины!»)

Дантон (продолжает). Определить состав политического преступления крайне трудно, но, если человек из народа, совершивший преступление частного характера, наказуется немедленно, и, если, с другой стороны, столь трудно наложить руку на политическое преступление — разве нет необходимости в создании исключительных законов, не имеющих в гражданском кодексе, которые поразили бы мятежников и покарали виновных.

В данном случае благо народа требует чрезвычайных мер, грозных законов. Я не вижу середины между обычными юридическими формами и революционным трибуналом

История подтверждает эту истину, и как как в этом собрании посмели напомнить о кровавых сентябрьских днях, о которых каждый честный гражданин вспоминает с трепетом, я позволю себе громогласно утверждать, что, если бы в то время существовал революционный трибунал, народ в те ужасные дни не запятнал бы себя беспощадно пролитой кровью. Я буду утверждать, и меня поддержат все свидетели тех кровавых событий, что никакая человеческая сила не имела власти удержать взрыва народной мести.

Используем же ошибки наших предшественников. Сделаем то, чего не сделало Законодательное Собрание.

Будем страшными, чтобы избавить народ от необходимости быть страшным. Организуем трибунал не как благо — это невозможно — но как наименьшее возможное зло, и пусть народ знает, что меч закона неотвратимо обрушится на головы всех его врагов.

Когда мы покончим с этими важными вопросами, я призову вас снова к решению вопросов о войне, о посылке комиссаров, о министерстве, которое вы должны организовать. Ведь нельзя обманывать себя, мы действительно нуждаемся в министрах; возьмем хотя бы для примера морского министра: обладая всеми достоинствами честного гражданина, он не умел создать флота в стране, где все можно было легко создать, благодаря имеющимся в ней необходимым ресурсам; наши фрегаты не могли выйти в море, и Англия захватывает наши суда.

Итак, момент настал: будем щедры на людей и на деньги, развернем все средства национального могущества, но вручим руководство этими средствами людям, которые будут находиться в постоянном общении с нами, и, таким образом, у нас будет возможность следить за точным выполнением мер, нами выработанных в интересах общественного блага.

---

³⁵ Намек на массовые убийства в парижских тюрьмах начала сентября 1792 года; в организации этих убийств враги, в особенности, жирондисты, обвиняли Дантона, в то время министра юстиции.

Вы представляете собой орган, никем не назначенный, и вы можете все создать и назначить сами. Будьте осторожны, граждане, вы отвечаете перед народом за его армию, за его кровь, за его ассигнации; так как, если поражения наших армий настолько понизят стоимость этих денег, что народ лишится всяких средств существования, кто тогда сможет остановить его гнев и его месть? Если бы тогда, когда я вам предлагал, вы поспешили полностью развернуть все нужные силы, то сегодня неприятель был бы далеко уже отброшен от границы вашей родины.

Поэтому, я требую, чтобы революционный трибунал был организован немедленно, чтобы исполнительная власть в своей новой организационной форме получила необходимые ей для решительных и энергичных действий средства. Я не требую никаких мер, которые могли бы способствовать дезорганизации, я предлагаю только средства, могущие усовершенствовать наш аппарат.

(Раздается голос: «Ты действуешь, как король!»)

ДАНТОН. А ты рассуждаешь, как трус! (Слышатся возгласы, призывающие к порядку нарушителя тишины.)

ДАНТОН (продолжает). Я прошу Конвент обсудить мои доводы и отнестись с презрением к позорным и оскорбительным прозвищам, которыми меня осмеливаются награждать.

Я предлагаю, чтобы тотчас же, по принятии мер общественной безопасности, ваши комиссары отправились к месту своего назначения. Мы не должны слышать больше упреков в том, что они теряют время, находясь в этом зале. Вместо этого они должны отправиться в различные департаменты и там своей агитацией будить в гражданах любовь к свободе.

А если они сетуют на невозможность участвовать в выработке полезных декретов и в борьбе с вредными, пусть припомнят, какую пользу родине принесет их пребывание на местах.

Итак, я делаю вывод: сегодня решаются вопросы об организации трибунала, организации исполнительной власти; завтра начинаются решительные военные действия. Завтра же ваши комиссары должны отправиться в путь, завтра же вся Франция, как один человек, должна подняться на врага! Надо оккупировать Голландию и освободить Бельгию, надо сокрушить мощь Англии; пусть друзья свободы восторжествуют над этой страной; пусть наши победоносные армии принесут всем народам свободу и счастье и пусть весь мир будет отомщен!

Дантон сходит с трибуны под гром аплодисментов.

По предложению Малларме³⁶ собрание прерывается на один час.

Заседание закрывается в 7 часов.

На чрезвычайном заседании в тот же день вечером был утвержден декрет о создании и организации революционного трибунала³⁷.

19. Как спасти Францию

Конвент, 27 марта 1793 года

Альбитт жалуется на проволочки в деле устройства Чрезвычайного Уголовного Трибунала.

ДАНТОН. Конвент есть орган революционный; он должен отвечать духу народа.

Настало время объявить войну нашим внутренним врагам. Возможное ли дело, граждане, чтобы Национальный Конвент безмолвствовал, когда повсюду назревает гражданская война. Да, граждане, прежняя аристократия дерзко поднимает голову. Вы учредили трибунал, который должен карать смертью преступников, и ваш трибунал до сих пор не организован!

³⁶ Малларме — монтаньяр, один из участников кампании против жирондистов, закончившейся их удалением из Конвента, комиссар Конвента при рейнской и мозельской армиях.

³⁷ Первоначально под названием «Чрезвычайного Уголовного Суда». Согласно ст. I закона 10 марта, «в Париже учреждается Чрезвычайный Уголовный Суд, которому подсудны всякое контр-революционное предпринятие, всякое покушение на свободу, равенство, единство и неделимость». См. тексты декретов об учреждении Трибунала: http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_terr.pdf.

Что же скажет на это народ, готовый весь подняться на врага? (Со всех концов зала слышится: «Да, да!» Аплодисменты.) Что же скажет народ, который видит и понимает это? (Слышатся возгласы: Правильно!). Мелкие страсти волнуют его представителей, и в то время, как они должны бы направить всю свою энергию и против внутреннего и против внешнего врага.

Граждане, я должен, наконец, сказать вам правду, — и скажу вам ее без утайки. Какое нам дело до той болтовни, какую распускают насчет человека, достаточно сильного для того, чтобы ничего не бояться и высказывать правду! Да, вы не исполняете своего долга! Вы говорите, что народ систематически вводят в заблуждение? Да, конечно, есть такие преступные люди, которые вводят его в заблуждение; но если бы вы, в то время, когда вы свободны от исполнения своих обязанностей рассеивались, с целью агитации, по всему Парижу, этот самый народ внял бы голосу разума; помните, что революция может быть совершена только самим народом: республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства, равно как и все заговоры, направленные к восстановлению королевской власти или установлению всякого иного образа правления, несовместимого со свободой, равенством и верховенством народа, и независимо от того, принадлежат ли обвиняемые к военным или гражданским должностным лицам или же к простым гражданам». Декретом 29 октября 1793 г. этому чрезвычайному суду было присвоено официальное название «Революционного Трибунала» он — орудие революции, а вы призваны руководить этим орудием.

Напрасно вы станете уверять, что народные общества переполнены гражданами, сеющими нелепые слухи и тяжкие обвинения. Что ж! Если это справедливо, почему вы не остановите и не вразумите их? Думаете ли вы достигнуть цели, обзывая этих чрезмерных патриотов сумасшедшими? Революции разжигают все страсти. Великий народ в революции подобен металлу, кипящему в горниле: статуя свободы еще не отлита, металл еще только плавится; если вы не умеете обращаться с плавильной печью, вы все погибнете в пламени. (Продолжительные аплодисменты):

Разве вы не понимаете, что необходимо сегодня же издать декрет, который заставил бы содрогнуться; врагов нации! Надо объявить, что во всех муниципалитетах все граждане будут вооружены пиками за счет контрибуции, внесенной богачами (нужно заставить их платить, тогда их имущество останется неприкосновенным).

Надо заявить во всеуслышание в тех городах и департаментах, где возникали бунты, что тот, кто осмелится призывать контр-революцию, высказывать преступные мнения, навлекая тем самым бедствия на свою родину, будет объявлен вне закона. (Аплодисменты)

Я предлагаю, чтобы трибунал, созданный для борьбы с контр-революционерами, принял за дело немедленно, без всяких проволочек.

Я предлагаю Конвенту объявить всему миру, объявить французскому народу, что он — орган революции, что он решил упрочить свободу всеми возможными средствами, что он твердо решил задушить всех змей, терзающих лоно отчизны, и раздавить врагов народа, издав, если того потребуют обстоятельства, самый беспощадный революционный закон.

Я хочу, чтобы это заявление не осталось пустым словом, но прозвучало голосом людей, которые твердо уяснили себе миссию, возложенную на них народом. Объявите сами войну аристократам; скажите, что общественное спасение требует законов, выходящих за пределы обыденных мероприятий. Покажите себя беспощадными, покажите себя революционерами, как сам народ, и вы спасете его.

Народ пойдет вместе с вами, и тогда все будет спасено; потому что—не сомневайтесь в этом, граждане, — народ, который хочет стать поистине великим, должен, подобно личностям, пройти тяжелую школу страданий. Нельзя отрицать того, что у нас были неудачи; но — подумайте только! — когда вся Европа объединилась для того, чтобы вас погубить, и старый деспотизм нашел опору в самом же народе, чтобы отсрочить свою гибель, подумайте, если бы в тот момент вам сказали: тиран погибнет, сраженный мечем закона, неприятель будет изгнан, вы соберете стотысячную армию в

в Майнце, вы захватите часть неприятельской территории, вы овладеете Турнэ³⁸ — всякий француз, услышав это, понял бы, что наша свобода восторжествует. И что же! несмотря на все перенесенные удары, разве не таково наше теперешнее положение? Так может ли оно казаться безнадежным?

Теперь вы можете судить о наших безграничных ресурсах! Но мы должны умело их использовать. Вы потеряли драгоценное время в бесцельных прениях; вы позволили вести себя по ложному пути. Вам сказали, что революция окончена, что те, кто продолжает ее, — мятежники и бунтовщики. И что же! Эти самые мятежники гибнут теперь под ножом убийц!

Вот что погубило нас. Система худшая, чем аристократия, клеймила перед лицом всей Франции всякого человека с сильной волей именем чудовища и преступника. А Франция безмолвствовала. Она не знала, на каких людей, на какие идеи она может опереться. Пора выйти из этой политической летаргии! К счастью, свет разгорается все ярче! Мы начинаем узнавать друг друга. Марсель знает, что Париж стремится к свободе и что он никогда не хотел анархии, как это утверждали! Марсель называет себя Горой республики. Она растет, эта Гора, и лавины свободы обрушатся с грохотом на заговорщиков, жаждущих тирании и порабощения. (Всеобщие аплодисменты)

Я не хочу напоминать вам об отдельных фактах, я не буду перечислять вам тех преследований, которым подвергались патриоты; если бы мне было свойственно входить в детали, я бы вам рассказал о генерале, который вначале пользовался большой популярностью, а потом пришел к печальному концу; его погубили, вооружив его против народа.

Я процитирую вам один факт, о котором прошу вас немедленно позабыть. Ролан писал Дюмуре, который показал это письмо мне и Делакура³⁹. Вы должны соединиться с нами, чтобы уничтожить эту парижскую партию, особенно Дантона. (Ропот возмущения)

Судите сами, граждане, каким примером мог служить и какое ужасное влияние мог оказывать человек с воображением настолько извращенным, чтобы высказывать такие мысли, при чем этот человек стоял во главе республики; но оставим все это и опустим завесу над прошлым. Я предлагаю вам образовать священный союз для спасения свободы. Деспоты во время наших споров сомкнули свои ряды, стали одерживать победы, объединимся же и мы! Вот что нам надо сделать, и Франция присоединится к нам.

Итак, прекратим наши распри. Я не требую дружеских объятий, я знаю, что личные антипатии непреодолимы, но дело идет о нашем спасении, и я убежден, что нанести удар национальному представительству это значит совершить величайшее преступление, а посему я даю клятву умереть, защищая своего злейшего врага.

Я хочу, чтобы это священное чувство воспламенило все сердца, чтобы каждый член Собрания сознал, хотя бы в своих интересах, ради собственного спасения, что прежде всего необходимо избавиться от наших внутренних врагов, так как, если мы не спасем Республики, то неизбежно станем жертвами наших страстей или нашего невежества.

Но что я говорю! Республика бессмертна. Враг может одержать кое-какие успехи, может взять одну-другую крепость, но он сам истощит свои силы на французской земле.

Я видел новые подкрепления, притекающие со всех сторон к границам; это истинные дети свободы. Во всех департаментах, которые я объезжал, я видел ту преданность родине, которая является ужасным предсказанием для наших врагов. Наши враги имели успех; в то время, как мы рассуждали, их деспоты стянули свои силы и принудили нас отступить. Но отступив и прикоснувшись снова к родной земле француз, подобно сказочному великану, ощутит в себе новые силы! (Аплодисменты)

Я прошу вас, граждане, принять предлагаемый мной закон, но я подчеркиваю то, что выше закона: нужно, чтобы вы стали близки народу; необходимо, чтобы каждый человек, в ком живет хоть искра священного огня свободы, чтобы каждый человек, который хочет

---

³⁸ Турнэ — бельгийская крепость, дважды — в 1792 и 1794г.—переходившая в руки французов в эпоху революционных войн.

³⁹ Делакура — депутат Законодательного Собрания и Конвента от департамента Эры и Луары, примыкал сначала к жирондистам, потом к монтаньярам; вместе с Дантоном выполнял обязанности комиссара при северной армии и, вместе с ним, был осужден в 1794 году.

быть французом, не отдалялся от народа; народ нас породил; мы не отцы его, мы его дети! (Аплодисменты).

Итак, если этот отец заблуждается, мы должны просветить его, отдать ему нашу любовь и наши заботы. Разъясним ему наши стремления, наши средства защиты, наши силы; скажем ему (не ради лести), что он непобедим, если захочет быть единым.

Граждане, поделимся нашими знаниями, не станем уклоняться от выполнения нашего долга, не будем ненавидеть друг друга, сольемся с чувствами народа!... Если мы ближе подойдем к нему, если мы примем участие в народных обществах⁴⁰, не взирая на то, что там можно встретить много недочетов (что делать! нет совершенства на земле), то, верьте, в результате получится такое сочетание сил, действий и взаимной помощи в борьбе с врагом, которое обеспечит нации новые триумфы и новые успехи.

Я прошу поставить на голосование мое предложение, которое, во 1-х, заключается в том, чтобы вооружить всех французов хотя бы пиками; затем привести в действие Революционный трибунал; кроме того, прошу вас издать и разослать во все департаменты декларацию к французскому народу о том, что вы будете так же беспощадны, как и он, что вы создадите законы, которые навеки уничтожат рабство, и что отныне нет ни мира, ни перемирия между вами и внутренним врагом. (Бурные аплодисменты)

Предложение Дантона немедленно декретируется среди общих аплодисментов.

20. Объявление войны Жиронде

Конвент, 1 апреля 1793 года

Дантон вернулся из Бельгии. Он видел измену Дюмурье, поражение армии и чувствует более чем когда-либо необходимость тесного единения Конвента с Францией. Он хочет, по его словам, протянуть «оливковую ветвь мира» - направо и налево Жестокие нападки Ласурса, вызванные запросом Пеньера, разрушают его планы. Наконец, вечером в клубе Якобинцев он дал обещание «поднять завесу» Потрясенный тем, что он видел на границах, ожесточенный смертью своей жены и злобными нападками против него, он объявляет войну Жиронде.^{40a}

ДАНТОН (на трибуне). Прежде всего я должен отдать вам справедливость, как истинным друзьям народа, вам, граждане, сидящие на этой Горе (оборачиваясь к скамьям левого крыла): вы лучше видели вещи, чем я.

Я долго думал, что, при всей стремительности моего характера, я должен был смягчать средства, какими меня наделила природа, и в трудных обстоятельствах, в какие я был поставлен в виду возложенного на меня поручения, держаться умеренности, которую, мне казалось, предписывали мне обстоятельства. Вы обвиняли меня в слабости, и вы были правы: я признаю это перед лицом всей Франции!

Кто же здесь обвинители? Да это те самые люди, которые всякими ухищрениями и вероломством упорно пытались избавить тирана от карающего меча закона. (Возгласы с мест: «Это правда!») Ропот на правых скамьях. Граждане, эти самые люди имеют дерзость выступать теперь в роли обличителей...

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

Государственное издательство Украины. 1924

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

⁴⁰ Народные общества, филиальные отделения Якобинского клуба (числом свыше 40 тыс.), были активными органами революционного правительства на местах, при помощи которых оно воздействовало «а общественное мнение, в целой Франции; народные общества являлись настоящим центром революционной агитации, которую развивала партия якобинцев, и в то же время, наравне с «Революционными Комитетами», обслуживали центральное правительство в деле осуществления различных политических и административных задач.

^{40a} «Непостижимое», по выражению одного из современников (Левассер), обвинение против Дантона, выдвинутое Ласурсом с целью «представить страшного монтаньяра тайным приверженцем Дюмурье», не шло дальше «предположений» и «вероятий», как признавал и сам Ласурс. Поведение комиссаров (Дантона и Делакура) при армии Дюмурье казалось ему «непонятным»; Дантон без видимых причин медлил с арестом генерала превозносил его военные таланты; возвращение Дантона в Париж, в то время как его товарищ оставался при армии, не объясняется ли их желанием держать в своих руках «оба конца нити заговора?» и т.п. Пеньер, автор запроса о бельгийских событиях, член партии Жиронды, известный сделанным Конвенту предложением «признать Марата человеком психически больным». Обширная речь Дантона приводится здесь в отрывках.

Ваших комиссаров называли виновниками дезорганизации армии. Мы — виновники дезорганизации? Мы, собравшие французскую армию, мы, изгнавшие врага из многих важных пунктов! А если бы тот, кто говорил, что мы явились, чтобы посеять смуту, был свидетелем нашего поведения, ему пришлось бы сознаться, что мы так же презирали австрийские пушки, так же, как будем презирать клевету и интриги врагов свободы...

И вот за то, что я был слишком благоразумен и осмотрителен, за то, что обо мне искусно распустили слухи, будто я создал себе партию приверженцев и стремлюсь стать диктатором или королем, за то, что я не хотел, отвечая моим противникам, вызывать слишком острые столкновения, распри и быть виновником раздоров в этом Собрании, теперь меня обвиняют в том, что я презираю и принижаю Конвент!

Унижать Национальный Конвент! Да кто же больше меня неустанно стремился поднять его достоинство и укрепить его авторитет? Разве я не говорил с уважением даже о моих врагах? (Обращаясь к правой стороне собрания.) Я спрашиваю вас, мои вечные обвинители...

Чтобы мы желали короля! Да ведь именно те, кто имел глупость и трусость щадить короля, только и могут быть подозреваемы в желании восстановить трон. Только те, кто все время старался восстановить Дюмуре против народных обществ и против большинства Конвента, только они и называли наши настойчивые просьбы о помощи малодушием, только они, не скрывая, хотели поразить Париж за высказанный им патриотизм, вооружить против него все департаменты...

(Большинство членов Собрания поднимается и указывает на правое крыло. «Да, да, они хотели это сделать!»)

Дантон. Да, они одни, только они — соучастники заговора, и это они меня обвиняют. Хорошо же! Я вижу, что не может быть больше мира между Горой, между патриотами, требовавшими смерти тирана, и презренными людьми, которые клеветали на нас по всей Франции, чтобы его спасти!

(Большинство членов левой части собрания поднимаются с мечь и аплодируют. Слышатся возгласы: «Мы спасем отечество!»)

Нас обвиняют в том, что мы волнуем весь Париж. Хорошо! Мы раскрыли перед народом всю нашу жизнь — жизнь людей, идущих смелым шагом к Революции. Мне приписывают преступные замыслы, осыпают меня самыми ужасными эпитетами, не щадят ничего, лишь бы нас обвинить, а теперь хотят, вдобавок, нас запугать! О, нет! (В левой части залы раздаются бурные аплодисменты, их поддерживают и на трибунах)

Можно ли было хоть на миг поверить такой нелепости, будто я мог соединиться с Дюмуре? Против кого восстает Дюмуре? Против Революционного трибунала: а я настоял на создании этого трибунала. Дюмуре хочет уничтожить Конвент? Когда с этой же целью был предложен созыв первичных собраний, кто, как не я, воспротивился этому? Если бы я действовал в согласии с Дюмуре, разве же я противодействовал бы его финансовым мероприятиям в Бельгии? Разве я разрушил бы его проект о созыве трех сословий?

Кому Дюмуре объявляет войну? Народным обществам. А кто из нас сказал, что без народных обществ, без помощи народной массы, спасенья нет?

Разве такие заявления согласуются с поступками Дюмуре, и не находите ли вы, что в соучастии следует обвинить прежде всего тех, кто спешил оклеветать посланных в Бельгию комиссаров, чтобы обречь заранее их миссию на неудачу? (Аплодисменты.) Кто торопил посылку комиссаров? Кто ускорил набор солдат, кто способствовал наполнению армии?

Это сделал я; и пред лицом всей Франции я заявляю о том, что наиболее энергично работал по пополнению армии — я. Разве я, подобно Дюмуре, клеветал на солдат свободы, которые целыми массами идут на подкрепление остатков наших разбитых армии? Разве я не говорил, что эти неустрашимые люди заражали своим патриотизмом, почерпнутый ими на родине, всю армию? Разве я не говорил, что эта часть армии, пока находилась на чужой территории, не проявляла прежней силы, но, подобно сказочному великану, едва вступив ногой на землю свободы, она возродится во всей своей республиканской доблести? Разве так говорит человек, желающий дезорганизовать? А разве мое поведение не было поведением; гражданина, который хочет оберечь вас от всей Европы?

Когда же перестанут вызывать все эти призраки и химеры, которые рассеиваются тотчас при свете истины, при первом же определенном и ясном разъяснении!

Я требую, чтобы следственная комиссия немедленно приступила к работе, чтобы она расследовала подробно поведение каждого депутата со дня открытия Конвента; я требую, чтобы она с особой тщательностью расследовала поведение тех депутатов, которые, уже после издания декрета о неделимости Республики, стремились ее расколоть; поведение тех, кто постоянно клеветал на лучших граждан после провала их предложения об обращении к народу, и, если здесь, как я полагаю, большинство истинные республиканцы — они сделают должные выводы.

Я требую, чтобы Конвент расследовал поведение этих отравителей общественного мнения во всех департаментах, и тогда мы увидим, что следует думать о людях, которые имели дерзость предлагать местным властям арестовать комиссаров Конвента; что следует думать о людях, которые хотели граждан и администраторов сделать судьями над депутатами, посланными вами в департаменты, чтобы поднять народный дух, и ускорить рекрутский набор. Тогда станет ясно, кто были те, которые вначале имели дерзость вступать в переговоры с королевской властью, а затем, разочаровавшись, по их словам, в народной силе, задумали спасти обломки этой власти. Надо раз навсегда запомнить, что, кто хотел спасти личность короля, тем самым обнаружил намерение спасти идею роялизма. (Аплодисменты большей части собрания)

Все выяснится; и тогда никого нельзя уже будет обмануть уверением, будто трон был разрушен нами для того, чтобы создать на его месте новый. Кто решился сразить одного короля, тот, ясное дело, становится с тех пор смертельным врагом всех королей...

Я требую, чтобы комиссия расследовала не только действия комиссаров, но и поведение тех, кто своими письмами и своей преступной и дерзкой корреспонденцией пытались доказать, что Республикой руководят лишь презренные люди;

я требую, наконец, чтобы комиссия назвала имена тех, кто развращал умы народа, кто хотел вооружить департаменты против Парижа, — имена тех, кто хотел спасти тирана.

Я требую, чтобы мое предложение было поставлено на голосование, и тогда все увидят (аплодисменты), боюсь ли я обвинителей. А я... я укрепился в цитадели разума и выйду из нее с орудием истины, чтобы превратить в прах веек моих врагов.

Дантон сходит с трибуны, сопровождаемый бурей аплодисментов большей части собрания и граждан. Некоторые члены крайней левой бросаются к нему, чтобы заключить его в объятия. Аплодисменты долго не прекращаются.

21. К учреждению Исполнительного Комитета

Конвент, 4 апреля 1793 года

Иснар⁴¹ внес проект об учреждении Исполнительного Комитета из 9 членов Конвента, облеченного правом отрешать от должности всех агентов исполнительной власти.

ДАНТОН. Я прошу слова по вопросу о порядке прений. Как бы различны ни были высказанные здесь мнения, для всех ясно, что большинство Конвента стоит за республику. (Многочисленные возгласы: «все за республику!») Мы хотим отразить и уничтожить заговор королей; сознавая истинную сущность обстоятельств и размеры грозящей нам опасности,

---

⁴¹ Иснар примыкал в Законодательном Собрании к левому крылу жирондистов, энергично боролся с контрреволюционной политикой двора, с эмигрантами и «неприсяжным» духовенством, в Конvente подал голос за казнь короля без обращения к народу и без отсрочки, был непримиримым противником крайних левых группировок Конвента и Парижской Коммуны. Он председательствовал в Конvente в тот день (25 мая 1793 г.), когда депутация Генерального Совета Коммуны потребовала освобождения Гебера, арестованного по распоряжению Комиссии двенадцати. Известна его угроза по адресу Парижа (см. ниже № 28) в ответ на это требование, вызвавшее целую бурю в Конvente и усилившее враждебное отношение демократических слоев к Жиронде. После 2 июня Иснару удалось бежать; он возвратился в Конвент в эпоху термидорской реакции, принял деятельное участие в белом терроре, приветствовал водворение монархии и примирение Франции с католицизмом. **Материалы об Иснаре:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#isnard>.

мы понимаем, что нам нужно героическое напряжение сил для проведения всех мер, каких потребует общественное благо. Мы хотим создать орган, который устрашал бы королей; мы понимаем, что для создания армии и подбора новых вождей нам необходима новая власть, всецело находящаяся в руках Конвента, власть, которой он может руководить по своему усмотрению и которую он может упразднить, если это покажется ему нужным; но, по моему мнению, столь важный вопрос должен быть основательно разработан и обдуман.

Я считаю, что республика, преследуя диктаторов и триумвиров, не только имеет право, но даже обязана создать грозную власть. Ярость бури, колеблющей государственный корабль, так велика, что для его спасения недостаточно действовать только по всем правилам искусства.

Отбросим всякую мысль об узурпации. Да и кто может быть узурпатором? Вы видели, как этот человек, несмотря на одержанные им победы, вооружил против себя всю Францию. Департамент, в котором он родился, уже требует его головы.

Сплотимся же, сплотимся по-братски; дело идет о благе и спасении нас всех. Если заговорщики восторжествуют, то смерть грозит всякому, носящему имя патриота, к какому бы направлению он ни принадлежал. Я предлагаю передать проект этого декрета в комиссию и отложить его обсуждение до завтра.

Постановление об отсрочке принимается.

22. К вопросу о расширении прав Революционного Трибунала

Конвент, 5 апреля 1793 года

По предложению Пеньера Конвент возбуждает обвинение в заговоре против некоего Дюрена. Шарлье делает заявление, что это постановление ненужно, так как государственный обвинитель должен обладать правом самостоятельного привлечения к суду виновных. Ланжине возражает.

ДАНТОН. Национальный Конвент пожелал создать для спасения государства Революционный Трибунал; он находил это необходимым для устрашения заговорщиков всех видов и всех степеней. Теперь надо установить, должен ли этот трибунал судить всех виновных без приказа, исходящего от Конвента.

Конечно, если бы обстоятельства данного времени не были столь грозными, если бы не было ясно, что значительная часть населения не вполне благонадежна, если бы мы находились в таком благоприятном положении, что имели бы против себя лишь незначительное количество внутренних врагов, то я сказал бы вам: соблюдайте свои постановления. Ни один виновный в преступлении против нации не может быть предан суду без вашей санкции.

Но имейте в виду, граждане, что вы не достигли бы своей цели, если бы захотели следовать во всем принятой вами первоначально системе. Вы сами это поняли — и упразднили комиссию для разработки докладов об обвинительных декретах. Если вы постановите, что следствие не может быть начато прежде, чем не будет декретирован обвинительный акт, то у вас накопится такое количество этих декретов, что вам придется отказаться от всех других дел за недостатком времени.

Я спрашиваю вас, хотите ли вы избежать кровавых расправ, вызываемых народной мстью... (Возгласы прерывают оратора) Если вы, кроме того, хотите показать себя сильными и грозными в отношении врагов народа, я предлагаю вам дать ему трибунал, который будет самостоятельно творить правосудие, — и тогда вам не в чем будет упрекнуть себя.

Имейте в виду, что, давая общественному обвинителю право самостоятельного обвинения, вы не навлечете на себя никаких нареканий.

И кто эти государственные преступники? Почему надо создавать для них особые законы? Существуют ли особые законы для других преступлений? Разве необходимо предварительное следствие общественного обвинения против всех других преступников? (Его прерывают словами: «имеется обвинительное жюри!»).

Мне подсказывают, что существуют присяжные обвинители. Совершенно верно, я это знаю, но как можно сравнивать учреждение, функционирующее в условиях нормальной государственной жизни, с необходимостью создать в данный тревожный момент трибунал, на обязанности которого будет лежать пресечение заговоров и преступлений, направленных против общественной безопасности? Я решительно заявляю, что заговорщику нет пощады; я утверждаю, что следствие само по себе обставлено достаточными гарантиями; я уверен в том, что в то время, как общественный обвинитель приступит к следствию над обвиняемым, последний, если он действительно невиновен, сможет с достаточной ясностью доказать свою невинность, так как ему предоставлены все средства защиты, хотя бы и не было налицо обвинительного жюри.

И, кроме того, разве интересы государства не должны стоять впереди интересов частных лиц? Организуйте это учреждение только так, чтобы невинный не мог пострадать, укрепите этот трибунал и придайте ему необходимую мощь и активность, дабы он мог свести на нет все ухищрения наших врагов.

Конечно, если бы деспотизм восторжествовал, мы скоро увидели бы во всех департаментах военные суды, которые не пощадили бы головы ни одного из патриотов, даже тех, кто проявил сбой патриотизм в довольно скромном виде.

Не станем подражать деспотизму в его жестокости; но, если вами приняты все меры, чтобы виновный был отличен от невинного, к чему же это снисхождение к тем, кто хотел бы потопить всю нацию в ее собственной крови? Я взываю к необходимости спасти весь народ. Он может найти свое спасение только в вашей энергии, в вашей стойкости.

Итак, никакой пощады заговорщикам! Я предлагаю перейти к порядку дня, отвергнув предложение об издании обвинительных декретов против заговорщиков. И я снова повторяю мое первоначальное мнение о том, что количество преступников, вызвавших войну в приморских департаментах, столь велико, что Конвент принужден был бы отвлечь свое внимание от других больших задач, если бы на его обязанности лежало декретировать обвинения против всех подсудимых.

Поэтому я предлагаю совершенно отменить предложенный проект.

Вполне понятно, что Конвент не найдет удобным, чтобы кто-либо из его членов был приведен в трибунал ранее, чем он сам, в случае виновности депутата, произнесет свой приговор, так как члены Конвента должны остаться неприкосновенными — это необходимо для народного блага. Таким образом, вы сможете согласовать свои действия с требованиями целой нации для того, чтобы уничтожить врагов.

Я прошу поставить мое предложение на голосование. Прочь страхи, прочь малодушие! Я убежден, что народ поймет ваше желание дать ему истинное правосудие и доверится вашей энергии и мудрости. (Крики: «на голосование!» Аплодисменты)

23. Народная гвардия и дешевый хлеб — опоры революции

Конвент, 5 апреля 1793 года

Делакруа вносит предложение о недопущении в армию лиц из бывших привилегированных сословий, ни в качестве волонтеров, ни в качестве офицеров, и о комплектовании армии исключительно санкюлотами. Предложение принимается единогласно.

ДАНТОН. Декрет, который вы издали, покажет народу и всему миру, каким путем можно навеки обессмертить республику: нужно призвать народ на ее защиту. У вас будет армия из санкюлотов (долгие аплодисменты во всех концах зала)... но этого недостаточно; надо, чтобы в то время, когда вы идете на бой с внешним врагом, внутренние враги, аристократы, стояли под угрозой санкюлотских пик. (Аплодисменты возобновляются)

Я предлагаю создать народную гвардию, которая будет содержаться на средства нации. Санкюлоты сумеют нас защитить.

Я хочу внести еще одно предложение: необходимо, чтобы по всей Франции цены на хлеб стояли в правильном соотношении к заработку неимущих; недостающее будет оплачено из кармана богачей. (Аплодисменты)

Этим декретом вы одновременно обеспечите народу и его существование, и его достоинство; вы побудите его всецело примкнуть к революции, вы приобретете его уважение и его любовь. Он скажет: наши представители дали нам хлеб, они сделали для нас больше всех наших прежних королей.

Я прошу вас поставить на голосование оба внесенных мною предложения и отослать их в комитет для выработки методов их выполнения, но я требую вашего принципиального согласия немедленно.

Оба предложения принимаются при аплодисментах всего собрания.

24. Конвент не вмешивается во внутренние дела других государств

Конвент, 13 апреля 1793 года

С трибуны оглашаются письма, которыми обменялись Фридрих Саксен-Кобургский, главнокомандующий австрийской армией в Голландии и полномочные представители Конвента при северной армии. В письмах неопределенно упоминалось о мирных переговорах. Робеспьер требует смертной казни для малодушных, которые предложили бы мир с врагами республики. Но и этого недостаточно», добавляет он, «я требую, чтобы они были объявлены вне закона».

ДАНТОН. Необходимо правильно понять сделанное только что предложение и не давать ему такого широкого толкования, какое совершенно не предполагалось его автором.

Я предлагаю принять его в следующей форме: «Смертной казнью наказывается всякий, кто предложит республике заключить мир с неприятелем, ранее предварительного признания им суверенитета французского народ».

Граждане, настало время, чтобы Национальный Конвент показал Европе свое умение согласовать требования политики с республиканскими принципами. В один из моментов воодушевления и подъема вы издали декрет⁴², мотивы которого были, несомненно, превосходны, так как вы в нем возлагали на себя обязательство оказать поддержку народам, стремящимся к освобождению от ига тиранов⁴³. Этот декрет, изложенный в столь неопределенных выражениях, обязал бы вас поддерживать даже горсточку патриотов, которым вздумалось бы устроить революцию в Китае. Граждане, нам прежде всего следует подумать об охране нашего государственного существования и об усилении мощи французской нации. Дайте только республике окрепнуть, и тогда Франция, одним примером своего просвещения и своей энергии, привлечет к себе взоры всех народов.

Но в вашем теперешнем положении есть и благоприятные стороны, несмотря на все тяжести испытания, перенесенные нами. Измена Дюмурье представляет удобный случай для очистки армии от негодного элемента. Враги будут вынуждены признать, что нация добивается только свободы, так как генерал-победитель, обещавший нашим врагам предать всю свою армию и часть народа, принес им в дар только свою жалкую особу.

Граждане, гений свободы привел в движение колесницу революции, весь народ везет ее, и она остановится у грани, проведенной разумом.

Вынесем решение не вмешиваться в дела наших соседей; но постановим также, что республика будет существовать, и приговорим к смертной казни всякого, кто предложит мир, не основанный на принципах нашей свободы и независимости.

Дантон вносит предложение, единогласно принятое собранием в следующей форме:

Национальный Конвент, от имени французского народа, заявляет о своем полном невмешательстве в государственные дела других правительств; но одновременно он заявляет, что скорее согласится быть погребенным под собственными развалинами, чем допустит

---

⁴² Декрет 19 ноября 1792 года.

⁴³ Декрет 19 ноября 1792 года. «Национальный Конвент объявляет от имени французского народа, что он предоставляет братскую помощь всем народам, которые захотят восстановить свою свободу, и поручает исполнительной власти отдать военачальникам приказ об оказании помощи этим народам и о защите граждан, терпящих притеснения за дело свободы или находящиеся под угрозой таковых. Настоящий декрет обнародовать в переводе на все языки». См. международные документы эпохи Великой французской революции: <http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#mid>.

вмешательство какого-нибудь другого государства во внутренние дела республики и чье-либо воздействие на создаваемую Национальным Конвентом конституцию.

Конвент постановляет карать смертью всякого, кто предложит вести переговоры или заключить мир с каким бы то ни было враждебным государством прежде, нежели оно торжественно признает независимость французской нации, ее суверенитет, неделимость и единство республики, основанной на свободе и равенстве.

25. Налог на богатых

Конвент, 27 апреля 1793 года

Департамент Эро предлагает произвести набор в пределах департамента, а для покрытия расходов по содержанию этой армии учредить в главном городе департамента экстраординарный фонд в размере 5 миллионов, который должен находиться в распоряжении окружного сборщика налогов. Эта сумма, которая в случае необходимости должна быть добыта посредством принудительного займа, обязательного для богачей, послужила бы также для оказания помощи неимущему классу. Собрание постановляет одобрить это предложение.^{***}

ДАНТОН. Вы только что постановили выразить одобрение по поводу мер, принятых департаментом Эро. Отныне это постановление коснется всей республики, и данные меры должны быть повсеместно проведены в жизнь. Я знаю, что их назовут делом фанатиков, энтузиастов. Да, для создания республик энтузиазм необходим. Пора перестать бросать клички агитаторов и анархистов тем пламенным поборникам свободы, которые приводят нацию в движение. Честь и слава этим агитаторам, возбуждающим гнев народа против его врагов! (Аплодисменты)

Употребим все силы, всю энергию, но создадим какой угодно ценой, создадим Французскую республику. Когда храм свободы будет достаточно устойчив, народ сумеет украсить его. Пусть лучше погибнет Франция, но мы не вернемся к рабству. (Аплодисменты)

Но пусть не думают, что мы хотим стать варварами. Создав и укрепив свободу, мы сумеем ее украсить. Сами деспоты позавидуют тому блеску и красоте, которыми мы ее окружим; но пока государственный корабль в опасности, достояние отдельных лиц должно быть достоянием всех, во имя сохранения самого общества.

И пусть в республике перестанут толковать об аграрных законах. Народ справедлив; народ в массе обладает гораздо большим чутьем и проникновением в деле революции, чем те, кто мнит себя великими людьми. В великой нации не замечают великих людей, точно так же, как в огромном лесу не замечают высоких деревьев.

Если разум народа на вашей стороне, то нечего тревожиться о том, хватит ли средств и сил.

В департаментах разнесся слух, что народ домогается аграрного закона, а здесь злые языки постараются очернить меры, принятые департаментом Эро; пойдут разговоры о том, что мы совершаем насилие над собственностью, облагая податью богачей. Да, ведь, обложив богача податями, мы тем самым окажем ему большую услугу; для крупного землевладельца или капиталиста гораздо выгоднее сделать большое пожертвование, чем допустить неприятеля завладеть нашей территорией. Чем крупнее будут жертвы, тем больше уверенности в том, что собственность будет сохранена и останется неприкосновенной. (Аплодисменты.) Это призыв ко всем людям, обладающим нужными средствами для того, чтобы позаботиться о народном благополучии, если им дорог созидательный и преобразовательный гений Франции. Итак, что сделано департаментом Эро, то сделает вся Франция. Париж откликнется на призыв этого департамента, и этот клич, как эхо, прокатится по всей стране.

Какие неисчерпаемые средства приобретает таким образом Франция! В Париже кроются несметные богатства. Что же, отлично! Изданным вами декретом из этой губки будут выжаты все соки. (Аплодисменты.) Таким образом народ совершит революцию за счет своих внутренних врагов; и этим он окажет им же услугу, научив их ценить свободу.

---

^{***} См., например, статью: В.Гавриличев. ЯКОБИНЦЫ и ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ НАЛОГИ на БОГАТЫХ весна—осень 1793 год: http://vive-liberta.narod.ru/journal/gavrillc_nalog.pdf.

У баловня судьбы останется еще достаточно преимуществ, и когда он поймет, что свобода совсем не такова, какой она ему представлялась вначале, что она не относится враждебно к радостям жизни, что простолюдин, преданный республике и обладающий некоторыми способностями, имеет также право пользоваться благами жизни, тогда богач, не имея больше оснований опасаться за свое имущество, неизбежно станет на сторону революции. В совершенном обществе принципы свободы должны идти рука-об-руку с принципами разума.

Парижский департамент мобилизует новые военные силы; он предоставит новый контингент солдат. Именно по поводу этого контингента я хочу просить, чтобы он был использован надлежащим образом. Нам необходимо усмирить, во что бы то ни стало, волнения в Вандее и в Севрском департаменте. («Да, да!»)

Мы далеко не в безнадежном положении. Гордая стойкость нашей национальной гвардии в северных департаментах уже доказала нашим врагам, что овладеть этими департаментами они не смогут; скоро вы узнаете, что эта лига королей распадется, так как они не забыли все же своей прежней взаимной ненависти и бывшего соперничества, и, если бы ваш Исполнительный Совет обладал большей самостоятельностью в своих действиях, то, может быть, эта лига была бы уже уничтожена.

Я говорю о том, что нужно дать правильное направление тем силам, которые выставит Париж против внутреннего врага. Я предлагаю Конвенту декретировать, чтобы войска, набранные в Париже для пополнения резерва, были посланы в департамент Вандеи. Эти резервы, которые решено создать, не будут более нужны, и, прежде всего, вы не уклонитесь от своей первоначальной цели, если направите эти самые силы в департаменты, где происходят мятежи, так как нам необходимо восстановить спокойствие внутри республики.

Я предлагаю декретировать, чтобы из всего нового набора, который будет произведен департаментами, 20 тысяч человек были отданы в распоряжение военного министра для подавления возникающих мятежей.

Предложение Дантона принято единогласно.

26. Новый набор волонтеров

Конвент, 8 мая 1793 года

Положение в Вандее становится угрожающим. Депутация департамента Эндр и Луары сообщает Конвенту о бедствиях, которые терпит страна и об успехах мятежников. Возникают прения по поводу средств борьбы с ними. Барайон поднимается на трибуну: «Я не думаю предлагать мер, удобных для трусов, которые умеют только разглагольствовать, оставаясь на местах. Я предлагаю произвести всеобщий набор по всей республике и послать по два комиссара в каждый департамент для проведения в жизнь этой меры; я предлагаю также объявить амнистию всем этим несчастным, заблудшим людям... (ропот на скамьях Горы) при условии, что их вожди будут изгнаны из пределов республики. Эти люди только ожидают прощения для того, чтобы вернуться в лоно отечества; мера, предлагаемая мною, благоразумна и политична. Увидав вашу силу и ваше великодушие они бросят оружие и вернуться к домашнему очагу». Дантон развивает мысль Барайона.

ДАНТОН. ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

ДАНТОН. Старая истина, подтвержденная историей и людьми, что великая нация в разгар революции и даже гражданской войны все же страшна для своих врагов. (Аплодисменты)

Следовательно, не впадая в панику по поводу нашего положения, мы должны видеть во всем происходящем только подъем национальной энергии, который мы можем еще обратить на защиту свободы.

Вся Франция содрогнется... (Аплодисменты.) Двенадцать тысяч линейных войск, взятых из рядов ваших армий, где они немедленно будут заменены новобранцами, отправятся в Вандею. К этой армии присоединится парижский отряд. А мы, с своей стороны, пустим в ход наряду с этой материальной силой политические средства. Этот политический прием заключается в том, чтобы разъяснить людям, сбитым с верного пути предателями, что нация вовсе не желает проливать их кровь, но, наоборот, хочет просветить их и вернуть в лоно отечества. (Аплодисменты)

Деспоты подчас бывают очень искусны в своих приемах. В Бельгии, например, император правит народом с величайшей мягкостью и, как будто, даже оказывает предпочтение тем, кто с наибольшей энергией восставал против него. Не следует ли и нам взять с него пример для того, чтобы вернуть свободе ее детей? Надо учредить комиссию, задачей которой являлось бы помилование тех из восставших, кто подчинится добровольно, до применения военной силы.

Приведя в исполнение это мероприятие, необходимо пустить в дело вооруженные силы Парижа.

Два соображения одно время заставляли задумываться над принятием этой меры: интриги аристократов и опасения самих патриотов.

Последние не учли того обстоятельства, что в Париже останется мощный резерв; этот резерв состоит из 150 тысяч граждан; повседневные занятия отвлекали их до сих пор от общественных дел, но вы должны привлечь их к участию в секции, возмещая им убытки за потерянное ими время. Именно эти граждане в момент грозной опасности восстанут на врагов и очистят от них страну свободы. (Аплодисменты)

Богач должен отдавать свое золото, потому что он недостоин бороться за свободу; пусть он платит побольше, а простолудин пусть идет с оружием в руках на Вандею. Существуют секции, насчитывающие в своих рядах капиталистов; было бы несправедливостью, чтобы граждане только этих секций воспользовались всем, что удастся выжать из этих «губок». Национальный Конвент должен назначить по два комиссара для каждой секции, для наблюдения за ходом набора. Секциям, давшим полный контингент, они должны заявить, что деньги, полученные от обложения богатых, будут разделены между всеми поровну. В тех же секциях, где в течение трех дней не наберется нужного количества, комиссары должны собрать граждан и заставить их тянуть жребий. Этот способ имеет, конечно, некоторые неудобства; но все же он менее неудобен, чем все остальные способы.

Я возвращаюсь к декрету, который вы издали, и требую немедленного его проведения в жизнь. Вы отдали распоряжение о формировании во всех больших городах санкюлотской гвардии, состоящей на жалованьи. Эта организация окажет поддержку всем неимущим гражданам.

Я требую, чтобы эти меры были проведены в жизнь возможно скорее, и я ручаюсь вам, что, произведя набор в Париже, введя строгую согласованность всех своих действий и использовав в благоприятную для себя сторону даже бедствия родины, Национальный Конвент убедится в том, что все старания наших врагов возбудить против него Францию приведут лишь к усилению его мощи.

Пред вами непочатые богатства национальной энергии; если вы сумеете направить эту энергию на верный путь, отечество будет спасено, и объединившиеся против вас ко роли сами придут к вам с предложением почетного мира. (Аплодисменты)

27. О пленных в гражданской войне

Конвент, 10 мая 1793 года

Некоторые секции Парижа не были обследованы накануне, не взирая на декрет собрания от 8 мая. Камбон предлагает комиссарам, не выполнившим своего долга, исправить эту ошибку к вечеру. Он прибавляет, что необходимо двинуться на мятежников и последовать примеру департамента Шер, который выставил тысячу человек и собрал миллион для этой цели.

ДАНТОН. Дело заключается не только в том, чтобы выступить против мятежников: необходимо принять меры, которые помогли бы отличить истинных виновников от людей, введенных в заблуждение или вовлеченных в заговор против их воли.

Эта война будет бесконечной и потребует больше крови, чем война с внешним врагом, если вы не примете в этом смысле особых мер.

Я настаиваю на том, чтобы смертная казнь применена была только к вождям и к подстрекателям мятежа и чтобы комиссарам резервной армии дано было право рассылать по домам тех арестованных, которые окажутся только заблудшими; они расскажут своим братьям, что отчизна не наказывает тех из своих друзей, которые ее терзают, сами того не сознавая.

Это предложение единогласно принимается.

28. В защиту революционного Парижа

Конвент, 25 мая 1793 года

Депутация Генерального Совета Коммуны появляется в собрании Она говорит о заговоре, раскрытом комиссией двенадцати, и требует освобождения Эбера или немедленного суда над ним. Иснар в резкой форме возражает депутации, его речь, прерываемая возгласами собрания, заканчивается следующими словами: «Если бы Конвент был захвачен заговорщиками я заявляю вам от имени всей Франции... я заявляю вам, что Париж был бы вычеркнут из списка городов Республики... Вся Франция восстала бы против него и скоро, быть может, на берегах Сены напрасно искали бы то место, где стоял Париж».

ДАНТОН. Председатель, я прошу слова, для того, чтобы вам возразить! (Дантон получает слово.)

Если бы председатель протянул Коммуне пальму мира с таким же подъемом, с каким он недавно развертывал здесь боевое знамя пред процессией доблестных воинов, я бы приветствовал его ответ. Но я хочу выяснить, каковы могут быть политические последствия только что выслушанной речи.

Достаточно долго уже осыпали Париж клеветой... (Аплодисменты левой части собрания и трибун. С правой стороны слышен ропот возмущения. Многочисленные возгласы: «Нет, обвинения направлены не против всего Парижа, а против нескольких негодяев, находящихся в нем».)

Вы хотите доказать, что я ошибся? (Многочисленные возгласы: «Да!») Я явился на эту трибуну не для того, чтобы оправдывать Париж; он в этом не нуждается... (Аплодисменты.), я хочу говорить в интересах всей Республики.

Необходимо уничтожить то неблагоприятное впечатление, которое может произвести на департаменты ответ председателя. Что значит это трагическое заклинание, брошенное президентом Парижу? Мне представляется странным, что здесь рисуют картину гибели Парижа, который будет уничтожен департаментами, если этот город в чем-то провинится... («Да», восклицает большинство членов, они бы это сделали. — Ропот в крайней левой части собрания).

Я хорошо знаком с ораторскими приемами... (Ропот в правой части собрания.) В ответе председателя проскальзывает чувство раздражения. Зачем представлять себе, что скоро, может быть, на берегах Сены не останется следов Парижа? Председатель должен гнать от себя такие мысли! Ему следует предлагать нам только образы, внушающие надежды и братские чувства. Пусть Республика знает, что Париж никогда не отступит от своих принципов; пусть она знает, что, разрушив трон тирана, запятнанного преступлениями, Париж не воздвигнет его вновь для нового деспота.

Пусть знают также, что представителям народа приходится лавировать между двумя рифами. Те, кто служат какой-либо партии, приносят народу и ее хорошие и ее дурные стороны; если бы в партии, служащей народу, оказались преступники, народ сумел бы наказать их; но запомните ту великую истину, что, если надо выбирать между двумя крайностями, гораздо лучше решительно стать на сторону свободы, чем свернуть на дорогу к рабству. Если мы уничтожим нежелательный элемент, у нас останутся только истинные республиканцы.

С некоторого времени патриотов стали притеснять в секциях. Мне хорошо знакома наглость врагов народа. Но они не долго будут пользоваться перевесом. Аристократы, охваченные бешеной злобой, охотно задушили бы все признаки свободы. Но народ выйдет из заблуждения и сметет их с своего пути. (Аплодисменты)

Как же поступать нам, законодателям, стоящим в центре событий? Обуздаем всех дерзких клеветников, но прежде всего обратимся против аристократов, ибо они неисправимы. (Аплодисменты.) Вы, пылкие люди, служащие народу и преданные его благу, не бойтесь лицемерного модерантизма, надвигающегося на нас; прибавьте осторожность к свойственной вам энергии и все враги народа будут раздавлены.

Среди истинных граждан есть не в меру горячие головы; но разве можно вменять им в преступление энергию, направленную на служение народу? Если бы не было людей с пламенным темпераментом, если бы сам народ никогда не решался на насилие, не было бы и революции, и народу никогда не удалось бы разбить своих цепей... (Продолжительные аплодисменты.) Надо объединить все департаменты и ни в коем случае не озлоблять их против Парижа. Как! Этот огромный город, обновляющийся изо дня в день все новыми пришельцами из тех же департаментов, Париж способен посягнуть на народное представительство! Париж, который первым сломал железный скипетр, способен осквернить ковчег завета, доверенный его рукам! Нет! Париж любит революцию; за жертвы, которые Париж принес свободе, он заслужил признательность всех добрых французов.

Таковы ли и ваши чувства? Если да, то проявите их. Велите опубликовать ответ вашего председателя, но заявите при этом, что Париж никогда не переставал быть верным сыном Республики. Парижская Коммуна имеет за собой немалые заслуги пред Республикой (сильный ропот в большей части собрания)... большая часть жителей Парижа сослужила великую службу... (аплодисменты во всех концах зала), а это большинство, ведь, почти весь Париж. (Аплодисменты продолжаются)

Благодаря этой декларации, нация по достоинству оценит Предложение о перенесении заседаний Конвента в другой город. (Аплодисменты.) Все департаменты составят о Париже это мнение, какого он заслуживает и какое они в сущности о нем имеют. Париж, я повторяю это снова, будет всегда достоин служить блюстителем народного представительства.

Когда будет сорвана маска с тех, кто играет в патриотизм... (аплодисменты во всех концах зала) и кто служит опорой для аристократов, Франция встанет и сокрушит своих врагов. (Аплодисменты)

29. Об одной секционной петиции

Конвент, 28 мая 1793 года

Секция «французских гвардейцев» вносит в Конвент петицию, в которой говорится, что «пора уничтожить шайку негодяев, прикрывающихся маской патриотизма, пора усмирить неугомонное меньшинство». Она добавляет, что депутаты могут рассчитывать на ее помощь в случае опасности: «Тогда все увидят, с одной стороны, мужество честных граждан, с другой — трусость и коварство нескольких негодяев. Вы слишком долго оставляли в руках народа орудия революции. Народом руководит кучка ловких агитаторов, которые используют его, как орудие для удовлетворения своих страстей, и его именем оказывают содействие планам честолюбцев, оставляющих нам свободу для того, чтобы снова поставить над нами самодержца». Петиционеры требуют установления свободной конституции, которая охраняла бы личные и политические права граждан. Президент отвечает и приглашает лиц, подавших петицию, присутствовать на заседании. Вносится предложение опубликовать петицию.

ДАНТОН. Я протестую против этого. Нет человека, более, чем я, уважающего право петиций; я вполне согласен с основным пунктом петиции, только что заслушанной вами. Мы все сознаем необходимость установления конституции, и в этом отношении я разделяю пожелания этих граждан. Но разве вы допустите опубликование петиции, в которой говорится, что необходимо отнять у народа «орудия» революции? Если я точно уловил смысл этой фразы, слова «орудия революции» означают возможность собираться для обсуждения политических дел.

Но, право, граждане, подавшие петицию, требуют от нас невозможного, так как мы — лишь исполнители воли народа. Французский народ достоин того, чтобы держать в своих руках орудия революции, которые он в любой момент готов обратить против своих врагов. Французский народ, при желании, в один миг уничтожит этими орудиями тех тупоумных людей, которые делают различие между народом и гражданами.

Было бы бессмыслицей отдать распоряжение о напечатании петиции, в которой «несколько честных граждан» из секций подвергают жестокой критике поступки меньшинства. Они гордятся тем, что имеют за собой большинство Конвента, и, ведь, эти люди не видят, что как раз за вами вся Республика, огромное подавляющее большинство, примером чему может служить Париж. («Да, да!» раздаются возгласы среди одной части собрания).

Настало время, чтобы народ перешел от обороны к нападению и направил свое оружие против приверженцев умеренной партии; пора вступить нам на твердый путь; пора укрепить судьбы Франции; пора доказать нашу смелость; пора дружно сплотиться против всех тех, кто своими заговорами стремится уничтожить Республику!

Однажды мы уже проявили энергию и мужество и победили! Париж не погибнет. К блестящей судьбе Республики присоединится слава этого великого города, который тираны стремились уничтожить. Париж всегда будет грозой врагов свободы, и его секции, в дни испытаний, когда весь народ объединится в них, употребят все силы на уничтожение тех подлых фельянтов, тех трусливых «умеренных», которые сейчас торжествуют минутную победу. (Аплодисменты части собрания и с трибун)

Собрание отклоняет предложение об опубликовании.

30. Открытое или тайное голосование

Конвент, 12 июня 1793 года

Статья 6 главы V Конституции по вопросу о первичных собраниях так сформулированная «выборы производятся закрытой баллотировкой», вызывает длительные дебаты. С одной стороны, слышатся мнения, что открытое голосование более соответствует принципам свободы, так как оно яснее подчеркивает всеобщее равенство и укрепляет в гражданах мужество испытанных республиканцев, с другой стороны, высказывается мысль, что только закрытая баллотировка дает избирателям полную свободу, отнимая у богатых возможность оказывать давление на собрание. Тюрью и Делакура стремятся примирить обе точки зрения, предлагая дать каждому гражданину право вотировать согласно его желанию. «Это решение», по словам «Республиканца», «должно было, естественно, удовлетворить всех. Несмотря на это, некоторые члены собрания восстали против этого решения с совершенно непостижимым жаром и упрямством. Но Дантон скоро заставил их умолкнуть силой своего убеждения».

ДАНТОН. Мы все признаем принцип, освященный Декларацией Прав. Этот принцип гласит, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение и свою мысль. Этот принцип должен, в особенности, применяться в тех случаях, когда народ выражает свою волю на первичных собраниях. Мы все хотим обеспечить ему это право. Не станем навязывать одному гражданину закон, который отвечает желаниям другого. Какой странный способ осуществлять свободу, заставляя граждан безмолвно опускать записки в избирательный ящик! Гласность — это лучшая защита народа, и разве достоин свободы тот, кто не имеет мужества гласно высказать свое мнение? Разве в вашей среде существует другой способ выборов? Общественная совесть — вот единственная узда, которую могут выносить свободные люди.

Вы не можете, вы не имеете права запретить гражданину, который не умеет писать, голосовать устно. Я не требую, чтобы вы сделали обязательным подобное голосование; но оставьте тем, кто находит это удобным, право устного голосования. Разве вы, граждане, не почувствовали бы себя оскорбленными, если бы вас заставили прибегнуть к этой жалкой скрытности? Свет и гласность — вот необходимая повседневная пища свободы. (Аплодисменты.) В начале революции, если бы предложили избрать министра открытым голосованием, поднялся бы крик, что мы ниспровергаем все основы; но вечный разум, который скоро воцарится в целом мире, уже нас осенил и завоевал свои права, слишком долго остававшиеся непризнанными.

Оставьте же для робких граждан право выражать свое желание письменно; но пусть свободный человек получит право открыто назвать того гражданина, которого он считает достойным своего доверия. Ищите политическое право в разуме и справедливости; в противном случае вы окажетесь лишь жалкими кропотелями негодных конституций. Пусть наша конституция явится делом всенародной мысли и, значит, мысли каждого из нас, и тогда она станет великой книгой человечества.

Наконец, после долгих возражений, предложение ставится на голосование и статья принимается в следующей редакции: выборы производятся открытой или закрытой баллотировкой, согласно желанию каждого избирателя; ни одно первичное собрание не имеет ни в коем случае права предписывать однородный способ голосования.

31. Восстание 31 мая ****

Конвент, 13 июня 1793 года

Делакруа докладывает, что власти Кальвадоса арестовали двух комиссаров, посланных Конвентом, и держат их в качестве заложников. Он предлагает поступить точно также с депутатами вышеуказанного департамента, так как Дульсэ (бывший маркиз) сказал ему за этим же столом, что при малейшем проявлении произвола со стороны комиссаров он напишет, чтобы их арестовали и, может быть, чтобы их даже убили Дульсэ, который в течение часа обдумывал свой ответ на обвинение, брошенное ему Лакруа, по словам «Республиканца» и, не умея извернуться, сознается в том, что он, действительно, написал, чтобы арестовали комиссаров, и затем переходит к сплетням о Париже, сплетням, которые уже часто повторялись, но которые, конечно, замолкнут после громового выступления Дантона против гнусных клеветников, пытающихся бросить тень на этот великий город. «Этот оратор», как справедливо заметил Камилл Демулен, «похож на Нил, он бывает особенно прекрасен тогда, когда выступает из берегов», и сегодня можно было иметь новое этому доказательство.

ДАНТОН. Я прошу слова.

(Дульсэ говорит, что он останется при своем мнении.)

ДАНТОН. Я сейчас дам вам ответ.

(Дульсэ предлагает поручить Комитету Общественного Спасения представить доклад, где дело получило бы беспристрастное освещение.)

ДАНТОН. Настал момент, когда мы поистине создаем французскую свободу, давая Франции республиканскую конституцию. Момент напряженного творчества в жизни политической, так же как и в физической, всегда сопровождается болезненными разрушительными явлениями. Грозовые тучи собрались над нами, гром грохочет. Прекрасно! Пусть среди громов и молний родится великое дело, которое обессмертит французскую нацию.

Вспомните, граждане, о том, что происходило во дни лафайетовского заговора. Мы были тогда в таком же положении, в каком находимся и ныне. Вспомните, каков был тогда Париж, патриоты были притесняемы и гонимы; нам угрожали величайшие бедствия. Теперь мы находимся в таком же положении. Кажется, будто все творцы свободы стоят на пороге гибели. Заговор Лафайета был очень быстро раскрыт. Теперь новые враги народа сами выдали себя, они бежали, переменяв имя и звание, раздобыв фальшивые паспорта. (Аплодисменты)

Бриссо, глава подлой секты, которую мы уничтожим, этот человек, гордившийся своим мужеством и нищетой, обвиняя меня в том, что я купаюсь в золоте, теперь оказался негодяем, которому не удастся избежать меча правосудия и которому народ воздал по заслугам, арестовав его, как опасного заговорщика.

Утверждают, что восстание в Париже явилось причиной волнений в департаментах. Я громогласно заявляю всему миру, что эти события окружают ореолом славы наш великий город.

Я утверждаю перед лицом всей Франции, что если бы не прогремели пушки 31 мая, если бы не было этого восстания, заговорщики восторжествовали бы и стали диктовать нам законы. (Продолжительные аплодисменты в большей части собрания и на трибунах)

Пусть ответственность за это восстание падает на нас. Я сам его вызвал, заявив, что если бы в Конвенте была сотня людей, подобных мне, мы не покорились бы насилию и основали свободу на незыблемом фундаменте.

Припомните о том, что говорят, будто волнение, назревавшее в департаментах, прорвалось наружу только после происшедших здесь событий. Так знайте же что мы имеем документы, из которых видно, что еще до 31 мая департаменты разослали циркуляр, приглашающий сплотиться против нас. (Многочисленные возгласы: «Это верно!»)

Что же нам следует делать теперь? Слиться воедино со всем парижским населением, со всеми честными гражданами, чистосердечно рассказать обо всем случившемся.

**** См. А.Гордон. Падение жирондистов: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm.

Всем известно, какой опасности подвергался я; всем известно, что именно на мою грудь были направлены дула ружей, что мы своими телами прикрывали тех, кто находился под угрозой.

Нет, жители Парижа не хотели отнять у свободы ни одного из ее лучших борцов. Они сделали то, что считали лучшим для себя — они подняли восстание.

Пусть вас не страшат обвинения, брошенные департаментами Парижу, эти обвинительные послания — дело рук нескольких интриганов, а не всех честных жителей департаментов. Вспомните все обвинения, направлявшиеся против Парижа в защиту тирана. (Аплодисменты). Париж — есть центр, который все во Франции объединяет, он станет фокусом, в котором соберутся все лучи французского патриотизма и испепелят его врагов.

Я требую, чтобы вы честно высказались по вопросу о восстании, имевшем столь счастливые результаты.

Народ видит, что эти люди, которых обвинили в желании упиться его кровью, сделали за восемь дней больше для счастья народа, нежели отягощенный вечными интригами Конвент за все время своего существования... (Аплодисменты.) Вот результаты, о которых надо довести до сведения жителей департаментов. Это честные люди; они будут рукоплескать вашим мудрым мероприятиям. Бежавшие преступники сеют страшные слухи повсюду на своем пути; они все преувеличили и исказили; но прозревший народ даст мощный ответ обманщикам, обратив против них свое мщение.

Что касается занимающего нас теперь вопроса, то я думаю, что надо принять общие для всех департаментов меры.

Надо предоставить 24 часа в распоряжение администраторов, которые захотели бы отказаться от своего заблуждения, не давая пощады агитаторам. Необходимо, чтобы в департаментах, где патриотические коммуны ведут борьбу с аристократической администрацией, эта администрация была отрешена от должности и, заменена истинными республиканцами. Я прошу, наконец, Конвент объявить во всеуслышание, что, не будь восстания 31 мая, свобода прекратила бы свое существование. (Аплодисменты)

Граждане, отрешитесь от всякой слабости, сделайте это торжественное заявление французскому народу; скажите ему, что многие все еще желают возвращения аристократов; скажите ему, что эта разбойничья шайка доказала свое нежелание конституции; скажите ему, чтобы он выбирал между Горой и этими крамольниками; скажите французским гражданам: требуйте ваших неотъемлемых прав; сплотитесь вокруг Конвента; приготовьтесь принять конституцию, которую он выработает; эта конституция, как я уже сказал, является батареей, бьющей картечью по всем врагам свободы — она беспощадно уничтожит их всех. Приготовьте вооруженную силу и направьте ее против наших вандейских врагов. (Аплодисменты.) Подавите мятеж в этой части Франции, и у нас воцарится мир.

Народ, ознакомившись с этим последним периодом Революции, не позволит больше себя обмануть. Мы не услышим больше клеветы на город, создавший свободу, на город, который не погибнет вместе с ней, но восторжествует в лучах свободы и останется, вместе с ней, навеки бессмертным. (Бурные аплодисменты)

32. По поводу брожения в армии

Конвент, 6 июля 1793 года

Левассер поднимается на трибуну и говорит: «Вот письмо от генерала Бирона, в котором сообщается, что два батальона деп.Жиронды, находящихся в вандейской армии, хотят покинуть армию и вернуться домой. Необходимо принять меры. Я предлагаю объявить тех, кто покинет армию, изменниками отечеству». Делакруа: «Я предлагаю их предварительно разоружить».

ДАНТОН. Невозможно издать подобный декрет. Виновны не батальоны, вина падает на тех нескольких негодяев, которые сеют смуту в армиях; я предлагаю, чтобы, в виду этого, военный министр произвел расследование относительно этих подозрительных элементов и представил вам доклад. Не следует клеветать на батальоны; точно так же нельзя сказать, что бунтуют департаменты, вернее сказать, что их администраторы ловкие плуты, которые хотят захватить в свои руки национальную власть.

Нет места для сомнений, воля народа ясна; поведение Бюзо осуждено. — Граждане, вы создали народную конституцию, она будет закреплена народом, и вся Франция сплотится вокруг нее.

Если в то время, когда Франция не имела еще правительства, внешние враги не смогли овладеть территорией республики, какова же будет мощь французского народа, когда ему придется защищать конституцию, созданную его руками?

Оживите народные общества, так как нельзя допустить, чтобы развивающаяся законодательная работа была заражена «модерантизмом», этим презренным «бриссотизмом», который чуть было не погубил нас. Необходимо, чтобы законодательный аппарат был в руках людей, способных одновременно охранить бессмертное создание, которое вы дали Франции, и руководить революционным движением.

Я предлагаю отсрочить обсуждение всех предложений относительно батальоне в впредь до получения нами более точных сведений. Я предлагаю также, чтобы, посылая в Париж двух депутатов, для передачи протокола голосования о конституции, каждое первичное собрание отправляло по два вооруженных гражданина, которые образовали бы в Париже центральную армию резерва для восстановления мира внутри страны и для посылки в те пограничные пункты, где Республике грозит наибольшая опасность. (Аплодисменты)

После некоторых прений, Конвент принимает первое предложение и отправляет второе на рассмотрение Комитета.

33. Об аннулировании королевских ассигнаций

Конвент, 31 июля 1793 года

Шабо⁴⁴ докладывает о том, что ассигнации «с изображением тиранам идут с 10-процентной надбавкой среди коммерсантов Лиона, Бордо, Марселя и Парижа Он предлагает постановить, чтобы, начиная с нынешнего дня, королевские ассигнации ценностью в 50 ливров и выше принимались в уплату только при продаже национальных имуществ и чтобы к январю будущего года они все были аннулированы. Камбон предлагает декретировать, что королевские ассигнации стоимостью в 100 ливров и выше принимаются только в платежах по продаже национальных имуществ, недоимок по сбору налогов и в покрытие принудительного займа. «В виду того, что этот вопрос возбужден на заседании Конвента, прибавляет он, необходимо принять немедленно соответствующие меры. Если вы аннулируете сегодня ассигнации в 50 ливров, вы вызовете потрясение; но я не вижу опасности в аннулировании ассигнаций свыше 100 ливров». Вносится предложение поставить проект Камбона на голосование. Некоторые из членов Конвента требуют отсрочки предложения.

ДАНТОН. Я прошу слова против отсрочки.

(Базир предлагает, чтобы вопросы, касающиеся финансов и государственного кредита не решались на одном заседании и требует предварительного рассмотрения предложения Камбона.)

ДАНТОН. Я возражаю против предложения Базира о предварительном рассмотрении вопроса. Более полугода назад я говорил вам о том, что в обращении находится слишком много денежных знаков. Необходимо, чтобы крупные капиталисты выплачивали национальный долг.

Кто выносит на своих плечах все народные бедствия, кто проливает свою кровь в защиту свободы, кто борется с финансовой и буржуазной аристократией. — Это те, у кого нет королевской ассигнации в сто ливров.

Действуйте беспощадно; что вам за дело до ропота аристократов! Если мера, принимаемая вами, окажется великим благом, народ благословит вас. (Аплодисменты)

Здесь говорили, что этот закон получит таким образом обратное действие. Но, ведь, это — закон политический, а разве те политические законы, которые смели с лица земли деспотизм, не имели обратного действия? И кто же из вас их осудит?

---

⁴⁴ Шабо и ниже упоминаемый Базир — монтаньяры (последний в своем отрицательном отношении к террору сходиллся с дантонистами) были обвинены в подделке декрета относительно Кампании Обеих Индий, в делах которой оба участвовали, привлечены к суду одновременно с Дантоном и, вместе с ним, казнены 5 апреля 1794 года.

Здесь говорили, что тот, у кого имеется только одна ассигнация в сто ливров, будет разорен, так как он будет вынужден продать свою ассигнацию. Но я ручаюсь вам, что он на этом выиграет, так как цены на предметы первой необходимости понизятся. Притом у революционеров таких ассигнаций не бывает.

Берите пример с природы: она заботится только о сохранении рода; и вы не думайте об отдельных личностях. (Аплодисменты.) Если бы деспотизм восторжествовал, он уничтожил бы все, созданное свободой. Итак, не оскорбляйте зрения республиканцев изображением тирана, чья голова скатилась под мечом свободы. Европейские деспоты будут говорить: что это за мощная нация, которая одним декретом восстанавливает народное благосостояние, облегчает народные бедствия, возрождает национальный кредит и подготавливает новые силы для борьбы с врагами!

Эта мера не новая. Камбон давно обдумывал ее. Вы обязаны ее принять. Если вы ее отвергнете, то происходящие по этому вопросу прения лишь породят в дальнейшем затруднения и лишат этот закон его драгоценных преимуществ.

Я не большой знаток финансов; но я твердо знаю, в чем благо моей родины. Богачи трепещут в ожидании этого декрета, а то, что губительно для них, может быть только к выгоде народа. (Аплодисменты)

Вздорожание продуктов есть результат чрезмерного количества находящихся в обращении ассигнаций; пусть национальная губка впитает в себя эти излишки, и равновесие будет восстановлено. Я прошу принять предложение Камбона.

34. О дворянах и священниках

Клуб якобинцев, 31 июля 1793 года

Республиканское общество в Калэ письменно обращается к своим братьям якобинцам с просьбой приложить все усилия к тому, чтобы ко дню «братства» (10 августа) все учреждения гражданские, судебные и военные были окончательно очищены от шайки разбойников, именуемой аристократами. Эбер поддерживает эту просьбу. Вносится предложение включить сюда и священников. Гебер возражает, что «все меры, принимаемые против священников, вызывали большие волнения»: они не стоят во главе армии и принимать против них спешные меры не вызывается необходимостью. Слышны требования о переходе к порядку дня. Дантон поднимается на трибуну.

ДАНТОН. До сих пор вся Франция была обязана своей революцией, конституцией и свободой только вам. Вы не останавливайтесь на пути, так как вам предстоит еще оказать услуги родине. И только якобинцы, только вы можете спасти Республику.

Теперь не время прислушиваться к голосу человеколюбия, требовавшего от нас пощады для заблудших. Мы не должны больше делать уступок врагам революции, мы должны смотреть на них только как на изменников. Железо должно прийти на помощь разуму; с железом в руках патриоты защитят свое дело, и появление французской конституции будет возведено властителем Европы грохотом наших орудий.

Принципы великого разума гласят, что не следует поручать выполнение дела тем, в чьих интересах погубить его. Вы не должны доверять охрану вашей свободы аристократам.

Но разве все они должны быть преданы анафеме? Неужели среди них не найдется преданных слуг отечества?

Когда в Риме член патрицианского рода хотел добиться звания трибуна, он должен был быть предварительно усыновлен каким-либо плебеем, для того, чтобы потерять все права и привилегии своего сословия, чтобы он навсегда остался среди народа и безвозвратно слился бы с ним.

Разве не могли бы мы последовать этому примеру по отношению к тем, кто заслужил право быть нашим товарищем? Разве вам пришлось бы когда-нибудь пожалеть о том, что Лепельтье, этот добродетельный человек, этот гражданин-патриот, погибший от руки убийц, подавший голос за смерть тирана, человек, которому вы обязаны знаменитым планом народного образования, этим вечным памятником человеческой мудрости, единодушно принятым Конвентом — неужели вы могли бы когда-нибудь пожалеть о том, что приняли его в свою среду? Итак, усыновленный каким-нибудь честным гражданином—он стал бы нашим братом.

Что касается священников, то из слов Гебера вы поняли, что не настал еще момент для их полного уничтожения, что они еще нужны народу, хотя все их сословие нам ненавистно, хотя все сознают лживость тех истин, которые они проповедают народу, истин, над которыми они сами смеются. Что ж — если нужно — примиритесь пока с их существованием и постарайтесь только ограничить это зло.

Необходимо учредить надзор и над министрами. Эти министры, которых мы призвали по желанию народа, теряют свою энергию, едва приступив к исполнению своих обязанностей. Небрежность, полная апатия, вызванная подчас преступными побуждениями, охватывают их на пороге Исполнительного Совета.

Например, Гара⁴⁵, который достоин всяческих похвал за свое, порой решительное, патриотическое и истинно-революционное поведение, Гара отказался, несмотря на мои настояния и убеждения, принять самые необходимые теперь меры, единственно способные просветить народ. Гара не желает сделать для Республики то, что Ролан делал для своей партии, а, именно, разослать по департаментам революционные прокламации, а вслед за ними послать людей, способных разъяснить их народу и указать ему его истинные интересы.

Следите за всеми министрами, без исключения. Все они нуждаются в этом двигателе. Мы должны заняться проведением в жизнь еще более важной меры: необходимо, чтобы после 10 августа грозная армия в 300 тысяч человек была отправлена к границам и в Вандею. Двинемся дружно на врага и поклянемся вернуться только победителями или погибнуть на поле брани.

35. На смерть Марата ****

Конвент, 3 августа 1793 года

Депутация от Революционного Общества допускается к решетке Конвента Она просит Конвент прислать делегацию в составе 24 членов на гражданский праздник, устраиваемый завтра, по инициативе Общества, в зале Свободы по поводу открытия памятника Марату. Председатель Конвента (Дантон) отвечает депутации.

ДАНТОН. Марат был охвачен революционной лихорадкой; он был прав, так как он хорошо знал, на какие злодеяния способны враги революции. Его смерть принесла еще больше пользы делу свободы, нежели его жизнь, так как она показала, откуда нам грозят убийцы.

Мы все, как и он, готовы скорей умереть, чем допустить восстановление тирании. (Аплодисменты)

Национальный Конвент приглашает вас принять участие в его заседании.

Избирается депутация.

36. О подозрительных

1793 года

В заседание Конвента допускается депутация комиссаров первичных собраний. Они требуют, чтобы Конвент призвал весь народ к оружию для спасения Республики. «Мы просило, прибавляют они, арестовать всех подозрительных лиц и отправить их затем к границам, как авангард грязной массы санкюлотов, поставив их в первые ряды. Женщины, старики и дети подозрительных будут оставлены в качестве заложников под охраной жен и детей санкюлотов. Мы требуем, чтобы наше предложение было немедленно в принципе декретировано и чтобы завтра же Комитет Общественного Спасения представил вам редакцию постановления. Не даруйте виновным никакой амнистии. Окружите себя мощью народа; пусть он весь опомнится, и тогда перед ним рассеется, как сон, толпы тиранов».

ДАНТОН. Делегаты первичных собраний изложили перед нами свой проект о возбуждении террора против внутренних врагов. Ответим на высказанное ими пожелание. Нет, мы не дадим амнистии изменникам!.. Честный человек не милует злодея...

⁴⁵ Гара — министр юстиции (преемник Дантона с октября 1792 года), в момент произнесения речи занимал пост министра внутренних дел.

**** См. о Марате: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>.

Дадим исход народной мести, опустив меч закона на головы заговорщиков; но надо умело воспользоваться этим грозным моментом. Вам говорят, что необходимо провести поголовное ополчение. Да, конетао, но надо провести его в строгом порядке.

Барер подал вам прекрасную идею, сказав, что комиссары первичных собраний должны стать чем-то в роде народных представителей, обязанных возбуждать энергию граждан для защиты конституции. Если каждый из них толкнет на врага хотя бы двадцать человек, а комиссаров должно быть около восьми тысяч, то родина будет спасена.

Я предлагаю облечь их необходимыми полномочиями, дабы они могли обратиться с этим призывом к народу и чтобы, в согласии с правительственными органами и честными гражданами, они произвели учет хлебных запасов, оружия и количества людей, годных для нового набора; Комитет Общественного Спасения должен взять на себя руководство этим великим начинанием. Надо, чтобы для наших врагов конституция была подписана под грохот пушек.

Я обратил внимание на достойную всякой похвалы энергию лиц, присланных нам национальными секциями; я убежден, что все они поклянутся по возвращении домой передать этот импульс своим согражданам. (Аплодисменты, все присутствующие на заседании комиссары встают и восклицают: «Да, мы клянемся!»)

Пришел момент, когда все мы должны дать великую и последнюю клятву: умереть или уничтожить тиранов. (Снова слышатся восклицания: «Да, мы клянемся!». Этот возглас многократно повторяется во всех концах зала и на трибунах)

Я предлагаю подвергнуть аресту всех действительно подозрительных людей; но эту меру надо проводить с большей осмотрительностью, чем это делалось доньше, когда, вместо того, чтобы захватывать больших преступников, настоящих заговорщиков, арестовывали совершенно незначительных людей.

Не требуйте, чтобы их вели на врагов; они окажутся там более опасны, нежели полезны. Заключение их в тюрьмы, они будут нашими заложниками.

Я предлагаю Национальному Конвенту, который должен быть полон сознанием своего достоинства, так как он обладает теперь всей полнотой власти, декретировать постановление о том, чтобы комиссарам первичных собраний было вменено в обязанность произвести учет оружия, продовольствия, запасов снаряжения и произвести новый набор ополчения в количестве 400.000 человек, направив их против наших врагов на севере. (Аплодисменты)

После кратких прений, Конвент декретировал постановление об аресте лиц, объявленных подозрительными, и уполномочил комиссаров обратиться с воззванием ко всем честным гражданам своих департаментов

37. Школьные дома-коммуны

Конвент, 13 августа 1793 года

В порядке дня стоит вопрос о народном образовании Грегуар⁴⁶ в длинной речи обсуждает следующий вопрос предполагается ли создать учреждения, где дети будут получать общее образование, будут иметь одежду, стол и квартиру за счет Республики: «система, возглавляемая великими именами, так как ее творцами были Минос, Платон, Ликург и Лепельтье. Расходы, необходимые для этих учреждений, пугают многих; другие опасаются затруднений и неудобств, связанных с их организацией, опираясь, главным образом, на невозможность для земледельцев посылать в эти школы своих детей; «дети — это источник их богатства, и было бы жестокостью и несправедливостью отрывать их от родного дома» Грегуар рисует картину деревенского дома без детей. Бреар заявляет, что земледелец охотнее всего оставит своего сына дома, тогда как человек честолюбивый, желающий, чтобы его сын играл впоследствии видную роль в Республике, предпочтет послать его в школу; отсюда — новое неравенство Дантон берет слово.

---

⁴⁶ Грегуар, бывший священник, требовал в Учредительном Собрании отмены дворянских привилегий, в первом заседании Конвента поддержал предложение о провозглашении Республики, требовал отмены рабства колониях и дарования гражданских прав евреям; в качестве члена Комитета Народного Просвещения, выступив с обширным планом реорганизации школы, много сделал для устройства во Франции публичных библиотек и для охраны памятников старины и искусства.

ДАНТОН. Подготовка для будущих поколений системы воспитания, достойной свободы, — не меньшая заслуга перед родиной, чем освобождение Франции и победа над ее врагами. Вот цель, которую поставил себе Лепельтье. Он исходил из того принципа, что все полезное для общества должно быть принято теми, кто подписался под общественным договором. Итак, если просвещение человечества есть благо, то наш товарищ, павший жертвой тирании, оказал неоценимую услугу человечеству.

Какова же задача законодателя? — Он должен согласовать принципы с требованиями момента.

В виде возражения против данного плана приводились доводы отцовской любви. — Конечно, необходимо уважать природу, даже в ее уклонениях; но, если мы не декретируем принудительного обучения, мы не должны лишать образования детей бедняков.

Главные затруднения лежат в финансовом вопросе; но я уже неоднократно говорил о том, что нельзя назвать излишними издержками средства, идущие на пользу общества, и я прибавлю к этому то соображение, что сыновья народа будут воспитаны за счет излишков людей, обладающих непомерными богатствами сомнительного происхождения.

Я взываю к вам, великие республиканцы! Вложите в это дело весь пыл вашего воображения; вложите в него всю силу вашего характера: необходимо дать народу образование на средства государства. Засеивая великое поле республики, вы не должны задумываться над стоимостью этого посева. После хлеба образование является самой насущной потребностью народа. (Аплодисменты)

Я прошу поставить здесь следующий вопрос: будут ли организованы за счет нации учреждения, куда каждый гражданин сможет посылать своих детей для получения ими общественного образования?

(Члены Конвента Шарлье и Гюйомар протестуют против принудительного воспитания, во имя привязанности детей к родителям Робеспьер высказывается в пользу плана Лепельте. Один из членов восклицает «уничтожьте все школы, вы ведь уже уничтожили академии!»⁴⁷)

ДАНТОН. Век философии, век разума, ставшего достоянием широких масс, был подготовлен ничтожными монахами; первые семена революции брошены во время Людовика XIV; старые академии, коллегии, иезуитские школы, несмотря на царившие в них предрассудки, передали нам священное достояние науки и благородное стремление к свету и знанию.

Республика жила в умах людей еще за двадцать лет до ее провозглашения. Правда, Корнель посвящал свои произведения Монторону⁴⁸, но тот же самый Корнель создал Сиду и Цинну и говорил языком настоящего римлянина; и тот, кто сказал: «Что значит царский сан пред званием гражданина!» — был истинным республиканцем.

Итак, приступим смело к делу общественного просвещения. Домашнее воспитание ограничивает кругозор; общественное воспитание расширяет его.

В качестве возражения здесь была нарисована картина отцовской любви. Я также отец, больше отец, чем аристократы, которые возражают против общественного воспитания; ведь многие из них далеко не уверены в том, что их дети принадлежат именно им. (Смех.) И вот, когда я рассматриваю себя не как отдельную личность, а как часть великого целого, я испытываю какой-то душевный подъем: мой сын принадлежит не мне, а Республике; она укажет ему путь, на котором он лучше всего послужит ей.

Здесь говорили о страданиях земледельца, который не захочет расстаться со своими детьми! — Что же, не принуждайте его; оставьте ему свободу выбора. Организуем школы, куда он, если пожелает, сможет посылать детей только по воскресеньям.

Учреждения образуют нравы. Если вы хотите совершенно пересоздать государство, не организовав сначала школы, у вас никогда не будет истинного просвещения.

---

⁴⁷ Революция упразднила ряд академий, существовавших при старом порядке (Французская Академия, Академия Наук, Академия надписей и изящной словесности, Академия живописи и скульптуры и др.), их имущество было национализировано. Большая часть членов старых академий вошла в различные отделения Национального Института, основанного в 1795 году.

⁴⁸ Пьер ди Пюже, сеньер де Монторон, председатель финансовой палаты в Монтобане, покровительствующий Корнелю.

Необходимо дать возможность каждому человеку развить те моральные качества, которые даны ему природой. Для этой цели вы должны создать общественные, необязательные для всех учебные заведения, не останавливаясь перед второстепенным затруднением. Богатые будут платить и не останутся в убытке, так как смогут воспользоваться этими учреждениями и для своих детей.

Я предлагаю вам декретировать со всеми необходимыми поправками организацию национальной школы, где дети будут получать бесплатно образование, стол и квартиру, и, сверх того, устройство таких школ, куда могли бы посылать своих детей учиться те граждане, которые предпочитают оставить их при себе дома.

Конвент декретирует организацию национальных учебных заведений, где дети будут получать образование и содержаться на средства Республики; для детей тех граждан, которые не захотят или не смогут отдавать детей в эти учреждения, будет создан кадр специальных преподавателей. Утверждение этого декрета встречается аплодисментами.

38. О реквизициях

Конвент, 14 августа 1793 года

Барер предлагает и собрание принимает проект следующего декрета: представителям первичных собраний вменяется в обязанность по возвращении домой пропагандировать среди сограждан идею единства и неделимости Республики, вырывать с корнем зародыши роялизма, следить за действиями администраторов-федералистов⁴⁹, разъяснять гражданам опасности, перед которыми стоит родина и ее средства защиты, и побуждать французскую молодежь встать поголовно на ее защиту».

ДАНТОН. Обращаясь к народному мужеству, взывая к патриотизму нации, вы, как мне кажется, пошли по правильному пути, и Комитет Общественного Спасения представил доклад, достойный этого учреждения. Комитет нарисовал пред нами картину опасностей, грозящих нашей родине, наметил средства для ее защиты, указывал на жертвы, которые должны принести ей богатые, — но он нам не сказал всего.

Если бы тираны угрожали нашей свободе, мы превзошли бы их в дерзости и отваге, мы опустошили бы французскую землю ранее, чем они вступили бы в ее пределы, и богачи, эти презренные эгоисты, первые стали бы жертвами народного гнева. (Громкие аплодисменты. «Да, да!» слышны возгласы во всех концах зала и с трибун)

Вы, слушающие меня, граждане комиссары, повторите эти слова богачам ваших общин. Скажите им: На что вы надеетесь, несчастные? Подумайте, что стало бы с Францией, если бы враг овладел ею? — Представьте себе наилучший исход: регентство в руках какого-нибудь глупца, руководящего несовершеннолетним королем, борьба честолюбий иностранных держав, раздробление территории — все это скоро уничтожило бы ваше благосостояние; порабощение отняло бы у вас гораздо больше, чем все те жертвы, которые вы можете принести для сохранения свободы. (Аплодисменты)

Нужно, чтобы именем Национального Конвента, олицетворяющего собой народный гнев... (аплодисменты) депутаты первичных собраний реквизировали бы богатства имущего класса в тех случаях, когда энтузиазм и убеждения не произведут должного действия. Соединим пыл апостола свободы с неумолимостью слуги закона, — и мы достигнем наивысшего подъема нашей мощи.

Я требую, чтобы Конвент дал более определенные и широкие полномочия комиссарам первичных собраний для того, чтобы они успешнее могли провести реквизицию богатств имущего класса. (Аплодисменты)

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

Государственное издательство Украины. 1924

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

⁴⁹ Федералистами называли депутатов-жирондистов (и их сторонников вне Конвента), стремившихся подорвать преобладание революционного Парижа и выдвигавших, в разрез с централизаторской программой якобинцев, принцип равноправия всех 83 департаментов Франции (Париж — всего лишь 1/83 страны!) и широкой местной автономии по образцу Сев.-Америк. Соединенных Штатов. В борьбе с федералистами якобинское большинство Конвента декретировало 10 мая 1793 г. «единство и нераздельность» Республики. Падение партии жирондистов вызвало в ряде департаментов, преимущественно на юге, так называемое федералистическое движение против Конвента и якобинской диктатуры.

Я прошу также назначить комиссаров из среды Конвента, чтобы они, согласовав свои действия с действиями делегатов первичных собраний, привели в боевую готовность национальную военную силу, позаботились об ее снабжении и повели ее к единой цели.

Тираны затрепещут, когда до них дойдет весть об этом великом народном подъеме, и ужас, наведенный приближением этих огромных масс, послужит оправданием всех наших действий.

Я прошу поставить мои предложения на голосование и принять их. Я уверен, что только подобными средствами возможно согнать деспотов с земли свободы.

Предложение Дантона декретируется под гром аплодисментов.

39. Учет хлебных запасов

Конвент, 17 августа 1793 года

От имени Комитета Общественного Спасения Дорнье вносит проект об устройстве провиантских складов для обеспечения армии продовольствием. Запасы могут быть созданы посредством введения особого натурального налога в виде определенного количества мешков зерна с каждого arpана. Этот проект находят невыполнимым, в виду неодинаковой урожайности почвы в разных местностях Ру-Фазильяк предлагает ограничиться следующим постановлением: будет произведен учет хлебных запасов во всей Республике, каждая семья получит количество, нужное для ее существования, излишки будут свезены в государственные склады. Бреар выражает пожелание, чтобы проект подвергся более тщательному рассмотрению, и предлагает возвратить его в Комитет.

ДАНТОН. Я не возражаю против отсылки проекта в Комитет, но хочу напомнить Конвенту великую истину, а именно, что всякое правительство, которое не умеет обеспечить народу продовольствие, рискует погибнуть. Я напоминаю Конвенту, что нужно принять все меры для того, чтобы удовлетворить народ в этом основном вопросе; напоминаю о необходимости произвести полный учет всех имеющихся в Республике хлебных запасов. (Аплодисменты.) Я вполне сознаю все трудности выработки закона, предназначенного для борьбы со всеми видами скупки продовольствия; тем не менее необходимо провести его в жизнь, хотя бы пришлось прибегнуть к жестоким мерам; необходимо, чтобы всякий гражданин, владеющий запасами зерна и утаивший их, подвергся наказанию более строгому, нежели конфискация; нужно установить за это не менее 10 лет тюремного заключения, надо подготовить все, чтобы победно закончить эту кампанию и принять меры для подготовки следующей кампании, если бы к этому представилась необходимость. Наши враги, стараясь воспрепятствовать этому делу, способствуют перепродаже наших хлебных запасов. Единственный способ покончить с спекуляцией — это произвести точный учет запасов. Все меры, раз они приняты для спасения народа, священны. Пусть приказ сопровождается угрозой телесного наказания. Примите широкие меры, поручите комиссарам произвести учет и передайте проведение в жизнь этой меры и надзор Исполнительному Совету.

Я предлагаю, чтобы первой мерой в этой области, декретированной Конвентом, была общая перепись всех хлебных запасов Республики. Затем, принимая во внимание спешность этого вопроса, Конвент должен поручить Комитету представить к завтрашнему дню план, в котором будет указан порядок проведения в жизнь реквизиции, в соответствии с урожайностью различных департаментов. (Аплодисменты)

Конвент принимает постановление об учете хлебных запасов во всей Республике. Установлено 10 лет тюремного заключения и конфискация запасов тех лиц, которые и т.д.

40. Марсельская торговая буржуазия

Конвент, 31 августа 1793 года

Адъютант генерала Карто, гражданин Боннар появляется на трибуне. Он сообщает Конвенту о подавлении марсельского восстания и передает два письма, одно — от комиссаров Конвента, второе от генерала. Последнее письмо заканчивается так «Сегодня утром мы вошли в Марсель, где я нашел следы варварства мятежников; пушки расставлены почти по всем улицам, дома изрешечены ядрами; преступники пустили в ход все, что только может измыслить контр-революционная ярость». После прочтения этого письма, говорит «Auditeur national», Дантон

выступил с резким протестом против тех, кто выступали под видом горячих патриотов вначале революции, а теперь перешли на сторону аристократии, когда увидели, что могут занять ее место.

ДАНТОН. Я прошу разрешения высказаться по поводу известий из Марселя. Французская нация дала хороший урок коммерческой аристократии. Надо, чтобы этот урок не пропал даром, а для того, чтобы он произвел должное впечатление, необходимо щедро награждать тех, кто возвратил Марселю свободу, и наказать мятежников с такой строгостью, которая отбила бы у всех охоту подражать им.

Для всех очевидно, что коммерсанты, которые радостно приветствовали революцию, теперь, воспользовавшись наследием аристократии и духовенства, провоцируют контр-революцию средствами еще более гнусными, чем те, к которым прибегали оба первые сословия. Их притязания — виной тому, что Франция принуждена бомбардировать собственные города.

Надо быть такими же неумолимыми по отношению к ним, какими мы были по отношению к привилегированным; я предлагаю Конвенту поручить Комитетам Общественного Спасения и Законодательному представить ему проект тех мер, которые следует принять для взыскания убытков, причиненных этой войной, с тех, кто поддерживал в Марсели контр-революцию, а также выработать меры наказания, которые достойно покарают этих преступников. (Аплодисменты)

Предложение Дантона принимается в следующем виде:

«Национальный Конвент поручает Комитету Общественного Спасения представить ему проект декрета, определяющего способы вознаграждения патриотов Марселя за убытки, понесенные ими, при чем средства для этого должны быть взяты из имущества контр-революционеров, их притеснявших, а также представить проект тех мер, в силу которых все участники контр-революционного движения понесли бы немедленное строгое наказание».⁵⁰

41. Твердые цены на хлеб

Конвент, 3 сентября 1793 года

«Республиканец» пишет: «в порядке дня стоит вопрос о продовольствии. Некоторые из членов Конвента проявили свою отеческую заботу в этом ответственном вопросе, так как народу необходимо дать хлеб прежде, чем дать ему законы. При этом они проявили большие познания в области политической экономии. Одни из членов, притом немногочисленные, защищали проект максимума продовольственных цен, другие опирались на доводы, целесообразность которых особенно отстаивал Тюрьо».

ДАНТОН. Я прошу слова по вопросу о порядке прений. Необходимо, чтобы Конвент сделал выбор между интересами барышников и интересами нации, притом этот выбор должен быть сделан сегодня же.

Тюрьо превосходно развил перед вами ряд убедительных соображений, говорящих в пользу утверждения закона о максимуме; пусть те, кто не согласны с ним, заявят об этом с трибуны, а мы постараемся их опровергнуть. Природа не позабыла о нас; и мы не должны забывать о народе — не то он сумеет и сам постоять за себя.

---

⁵⁰ В «Историческом и политическом журнале» от 1 сентября (издатель речей Дантона, Фрибур, им не воспользовался) имеется несравненно более яркое и, повидимому, более точное воспроизведение этой речи, из которой приводим следующий отрывок (см. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1914, t.XV, p.88): «Когда необходимо нанести сокрушительный удар, место якобинцев в первых рядах. Народ уже давно влачит плачевное существование. Народ — и он один — сражался за свободу, и в награду получил меньше всех. Лавочники и богачи хотели революции только для того, чтобы воспользоваться привилегиями дворян и священников, присвоив их богатства. Теперь в их руках шесть миллиардов. Так что же! если они отказываются нам помочь в уплате государственных долгов и в устранении огромной массы ассигнаций, благодаря которым цены на продукты выросли до неслыханных размеров, если на долю санкюлотов не досталось от революции никаких выгод, нам ничего не остается, как начать против капиталистов и банкиров такую же точно революцию, какую мы проделали в союзе с ними против аристократии и церкви». (Аплодисменты на трибунах, присутствующие встают с возгласами: «Да здравствует Дантон!»)

Мы вынесем это постановление в интересах самих аристократов, для спасения их жизни; ибо во время беспорядков, которые вспыхнули вследствие бедствий голода, народ, который знает своих врагов, прежде всего расправится с аристократами.

Я предлагаю декретировать предложенный закон на этом же заседании, а завтра — приступить к его выполнению. (Аплодисменты)

(Конвент постановляет прекратить прения и декретирует предложения Тьюро. После предложения одного из членов, чтобы максимум не был одинаковым для всех частей Республики, прения возобновляются.)

ДАНТОН. Все это мелкие придирки; вы должны издать общий закон, потому что законодатель считается только с общими интересами. Народ, который всегда справедлив, не обратит внимание на те ничтожные затруднения, какие могут возникнуть в департаментах, где предельные цены в настоящий момент ниже тех, которые вы установите; но тот же народ будет приветствовать закон, обеспечивающий продовольствием и армию и всю Республику.

Повторяю: мы должны иметь в виду лишь общий интерес. Превратите в закон то, что здесь предлагается, и мы накормим армию, народ не останется без хлеба, а аристократы — аристократы раскошелятся еще раз!

42. К созданию секционной армии

Конвент, 5 сентября 1793 года

Председатель сообщает, что парижские рабочие, во главе с Генеральным Советом Коммуны, ходатайствуют о допущении на собрание. Их допускают, и Шомет от их имени требует создания революционной армии, декрет о которой уже издан. «Законодатели, говорит он, вы заявили, что революция будет продолжаться во Франции до тех пор, пока независимость страны не будет обеспечена; не нужно допускать, чтобы этот декрет остался без последствий; Геркулес ждет, вложите в его могучие руки палицу...» Возникают прения. Бильо-Варенн предлагает использовать народный энтузиазм и требует немедленной организации секционной армии, а также принятия ряда мер, которые устранят препятствия, тормозящие правительственную работу. Дантон появляется на трибуне. Аплодисменты собрания и граждан встречают его и мешают ему, в продолжение нескольких минут, начать речь.

ДАНТОН. Я разделяю мнение многих членов собрания, в частности, Бильо-Варенна, относительно того, что необходимо использовать великий порыв народа, сплотившегося вокруг нас. Я знаю, что когда народ предъявляет свои требования, когда он предлагает идти против своих врагов, надо применять те методы, которые он выставляет, так как их диктует гений самой свободы.

Я считаю нужным, чтобы Комитет Общественного Спасения высказался по этому поводу, чтобы он выработал и предложил нам меры для осуществления этого проекта; но я не вижу необходимости откладывать утверждение декрета о революционной армии. (Аплодисменты)

Расширим, по возможности, эти мероприятия. Вы только что заявили перед лицом всей Франции, что страна еще находится в стадии революции. Отлично! нужно довести эту революцию до конца. Пусть не пугают вас попытки контрреволюционеров поднять восстание в Париже. Конечно, они стремятся погасить самый яркий очаг свободы; но огромная масса истинных патриотов, санкюлотов, сотни раз устранившая своих врагов, еще жива; она каждый миг готова броситься в бой. Умейте управлять ею, и она снова разрушит все козни врагов.

Недостаточно иметь революционную армию; вы сами должны быть революционерами. Сплотите граждан в секциях так, чтобы смутьяны не могли в них пробраться. Подумайте о том, что ремесленники, живущие за счет своих трудов, не могут посещать собрания секций; подумайте также, что если секции не будут посещаться истинными патриотами, в них возникнут интриги. Издайте декрет о созыве по два раза в неделю общих собраний секций; пусть гражданин, присутствующий на этих политических собраниях, получит должное вознаграждение за время, отнятое им для этого от работы. (Аплодисменты.) Не мешает также заявить всем нашим врагам, что мы каждый миг готовы дать им решительный отпор. Представим всей Европе внушительный образ народа, вооружившегося для защиты своей свободы, готового скорее погибнуть, чем отказаться от нее.

Вы декретировали выдачу военному министру в его распоряжение 30 миллионов для изготовления оружия. Декретируйте, что это усиленное изготовление оружия не прекратится до тех пор, пока нация не снабдит каждого гражданина ружьем. Пусть в мастерских не прекращаются удары молота, кующего железо! Заявим о нашем твердом решении иметь столько же ружей и почти столько же пушек, сколько у нас имеется санкюлотов. (Аплодисменты)

Пусть Республика сама вложит ружье в руки каждого гражданина, истинного патриота. Пусть она скажет ему: Родина вручает тебе это оружие для защиты; ты должен предъявлять его каждый месяц, а также по первому требованию национальных властей. Пусть ружье будет самым священным для нас предметом; пусть каждый легче расстанется с жизнью, чем с ружьем. (Аплодисменты)

Я предлагаю декретировать выдачу суммы не менее 100 миллионов для производства оружия всех родов; если бы у нас было достаточно оружия, мы все выступили бы против врага. Нам служит препятствием лишь недостаток оружия. Пусть же Франция вся превратится в гигантский военный стан, оцетинившийся штыками и уставленный огненными жерлами! Для родины, находящейся в опасности, всегда хватит граждан, готовых ее защитить. (Снова аплодисменты)

Но прежде всего нужно наказать тех внутренних врагов, которые находятся уже в ваших руках, и тех, кто еще на свободе. Народ должен знать, что он скоро будет от них избавлен. Для этого надобно разделить революционный трибунал на достаточное количество отделений (слышатся голоса «это уже сделано!») для того, чтобы каждый день какой-нибудь аристократ, враг народа или агент союзных держав платился головой за свои преступления. (Аплодисменты). Я прошу поставить на голосование:

Во-первых, предложение Билью.

Во-вторых, проект декрета о том, чтобы секции Парижа устраивали чрезвычайные собрания по воскресеньям и четвергам и чтобы каждый гражданин, участвующий в этих собраниях, мог по желанию, в случае материального недостатка, получить вознаграждение в размере 40 су за каждое собрание.

В-третьих, декрет Конвента о выдаче в распоряжение военного министра 100 миллионов для изготовления оружия и, главным образом, ружей; это чрезвычайное производство должно получить все льготы и необходимые средства для того, чтобы его работа не прекращалась, пока Франция не вложит ружье в руки каждого честного гражданина.

Далее я предлагаю выработать план возможно большего расширения деятельности Революционного Трибунала.

Пусть народ видит, что Республика карает его врагов, пусть он видит, что Конвент заботится о его нуждах. Народ велик, и в данный момент он дает вам яркое доказательство своего величия: хотя он и страдает от искусственно созданных бедствий, подстроенных для того, чтобы привести его к контр-революции, он все же понимает, что терпит все лишения во имя собственной свободы, и при таком же положении вещей всякое деспотическое правительство давно было бы свергнуто. (Аплодисменты)

Таков характер француза, воспитанный четырьмя годами революции.

Да будет воздана тебе хвала, великий народ. Ты соединяешь настойчивость с величием; ты упорно добиваешься свободы; ради нее ты голодаешь и за нее ты проливаешь кровь; ты достоин завоевать ее. Мы пойдем вместе с тобой. Твои враги погибнут; ты будешь свободен.

Весь зал заражается бурными аплодисментами. Раздаются многократные возгласы: «Да здравствует Республика!» Все граждане в зале и на трибунах встают, повинувшись общему порыву; одни поднимают кверху руки, другие машут шляпами. Всеобщий энтузиазм царит в собрании.

Все три предложения Дантона приняты. Слышатся новые возгласы, снова зал оглашается криками: «Да здравствует Республика!»

43. О «политических средствах»

Конвент, 6 сентября 1793 года

Конвент находится под впечатлением ужасных известий, им полученных. Лион по-прежнему оказывает сопротивление республиканским войскам. Тулон, «подкупленный золотом Питта»,

передался на сторону англичан. Декретируется послание к южным департаментам, и заседание закрывается, но в этот момент Дантон берет слово.

ДАНТОН. Если это верно, что никакие превратности судьбы не ослабят нашего мужества, то я должен снова повторить то, что я сказал министрам и Комитету, а именно, что нужно к национальной энергии присоединить политические средства.

Пятьдесят миллионов находятся в распоряжении Комитета. Как же он не постиг того, что с четырьмя миллионами можно было возратить Тулон Республике и повесить всех флотских офицеров-аристократов.

Надо бить врага всяким оружием; надо применять его собственные средства; необходимо уметь использовать даже пороки людские. Время не терпит, надо применить эти новые меры для спасения народного дела. (Аплодисменты)

Если бы мы уделили больше внимания народным обществам, если бы патриоты, состоящие их членами, в качестве миссионеров обошли с проповедью свободы нашу страну, тогда, конечно, ваши враги не были бы такими дерзкими. Достаточно нескольких миллионов, умело распределенных, для того, чтобы уничтожить их всех путем революционных мероприятий.

Комитет опасается упреков за тайные расходы; но мы должны отбросить всякие мелкие счета, всякую боязливость.

Я предлагаю, чтобы Комитет сделал нам доклад о политических мерах, которыми он не может пользоваться.

Я не состою и никогда не буду состоять в каком-либо комитете; но я заявляю, что Комитет Общественного Спасения состоит из истинных патриотов, а тот, кто осмеливается клеветать на него, — по моему мнению, либо плохой гражданин, либо человек заблуждающийся.

Я возвращаюсь к основной мысли моей речи: употребите, наконец, против ваших врагов политические и революционные меры. Если вы не пустите в ход эту пружину на помощь вашей конституции, тогда я скажу вам, что вы не умеете управлять страной и недостойны того народа, который сделал вас своими представителями. (Аплодисменты)

ГАСТОН. У Дантона революционная голова; он один может исполнить свою идею; я предлагаю против него самого включить его в состав Комитета Общественного Спасения.

Это предложение встречено аплодисментами и декретируется.

44. Революция и террор

Конвент, 26 ноября 1793 года

В Конвент являются делегации от различных коммун и передают в его распоряжение ценности, взятые из упраздненных церквей, священники, сложившие свой сан, заставляют Конвент тратить немало времени на выслушивание их заявлений. Дантон просит слова и предлагает положить конец этим нескончаемым «анти-религиозным маскарадам», после чего переходит к теме о революционном правительстве и терроре.^{*****}

ДАНТОН. Народ требует, чтобы мы дали ему законы, он хочет пользоваться всеми благами нашей конституции.

Я требую прежде всего немедленного доклада о заговоре, якобы существовавшем за границей. Надо тщательно разыскивать его авторов и соучастников даже в недрах нашего собрания. Надо преследовать изменников везде, под каким бы видом они ни скрывались.

Но постараемся различать, где кончается заблуждение и где начинается преступление. Народ требует, чтобы террор был поставлен в порядок дня; но он хочет, чтобы террор был применен к действительным врагам Республики и только к ним, т.е. к аристократам, эгоистам, заговорщикам и изменникам, агентам иностранных правительств; но народ не хочет, чтобы всякий, кто родился без революционного пыла, в силу одного этого считался виновным; если он не уклоняется от своего долга, если он не замышляет преступления, народ готов поддерживать даже слабого гражданина...

***** См, например: А.Олар. Христианство и Французская революция, 1789-1802: http://enlightment2005.narod.ru/arc/aulard_relig1.pdf.

Единственно, чего народ хочет теперь, это — сильного и энергичного правительства. Эта энергия исходит от самого народа: ведь каждый год он будет избирать своих представителей, своих администраторов, одним движением он сметет со своего пути тех, кто посмел бы посягнуть на его величие.

В широкой политической перспективе, мы представляем собой в сущности только национальную комиссию, труды которой освящаются одобрением народа. Пусть каждый из нас ни на минуту не упускает из виду всю широту этих задач; пусть Комитет Общественного Спасения отрешится от мелочных забот. Принесем народу плоды его конституции; ведь все великое, в революции совершил он сам. Его представители должны склониться перед ним; но пусть они в то же время стремятся подняться на ту высоту, на которой стоит народ. Вперед сомкнутыми рядами! Не медля обсудим законы, которые нужно издать; пусть Конвент поручит своим комитетам в кратчайший срок сделать доклад о последнем заговоре. За дело — и без проволочек! Создадим республиканскую власть! Больше энергии, больше единства революционному правительству! Покараем виновных и покараем беспощадно — и народ признает, что мы достойны его.

Я требую представления доклада по поводу раскрытого недавно заговора и проекта организации временного правительства.

ФАЙО.⁵¹ Я не возражаю против предложения Дантона, но я заявляю, что у него вырвались, несомненно случайно, выражения, которые меня удивляют; он признал ту великую истину, что народу принадлежит верховная власть, но в то время когда народ должен быть неумолимым, Дантон призывает его к милосердию. (Многочисленные возгласы: «Дантон не говорил этого!»)

ДАНТОН. Я не говорил этого, я не произнес слова «милосердие»; я не высказывал мысли, что надо быть снисходительными к виновным. Наоборот, я требовал создания сильного и революционного правительства. Я призывал к спасительной твердости до того момента, когда верховенство народа будет повсюду признано. Притом я далек от посягательства на свободу чьих-либо мнений.

ФАЙО. Дантон говорил о проекте создания правительства; можно подумать, что нынешнее правительство является пробным, и его можно заменить другим. Я заявляю, что я стою за республику.

ДАНТОН. Республиканская конституция принята, и я — убежденный республиканец; я говорил только о временном революционном правительстве, вопрос о котором стоит в порядке дня и будет подвергнут обсуждению и рассмотрению Собрания; я, с своей стороны, предложу ему самые энергичные революционные меры.

Конвент при единодушных аплодисментах принимает предложения Дантона.

45. Конвент и его комиссары

Конвент, 1 декабря 1793 года

«Республиканец» пишет: «Конвент — это единственный центр правительства, только он имеет право издавать законы; между тем некоторые из его комиссаров, в своем революционном пылу, видя перед собой только конечную цель, превысили свои полномочия, приговаривая к смертной казни граждан, которые отказываются обменивать имеющиеся у них металлические деньги на ассигнации; об этих постановлениях было сообщено Конвенту, и он их аннулировал».

ДАНТОН. Камбон сделал нам торжественное заявление, которое сейчас необходимо повторить; а именно: у нас в государственной казне имеется достаточно золота для приобретения хлеба и оружия в таком количестве, каким только нас сможет снабдить торговля.

В виду этого, мы не должны совершать никаких необдуманных шагов в области финансов. Необходимо относиться с сугубой осмотрительностью к тому, что спасло республику. Как ни стремились наши враги вызвать падение ассигнаций, это им не удалось, так как ценность ассигнации обеспечена всем земельным фондом республики.

---

⁵¹ Файо, вандейский депутат, монтаньяр робеспьерист, непримиримый противник жирондистов, а потом — дантонистов.

Мы должны подробно рассмотреть и всесторонне обсудить план, предложенный Комитетом. Я говорил об этом с Камбоном и разъяснил ему все затруднения, связанные с этим вопросом, при чем он вполне согласился со мной. Не надо забывать, что неудачные последствия таких мероприятий способны причинить непоправимый вред всему делу свободы.

Камбон ознакомил нас с фактами. Народные представители издали законы, грозящие смертной казнью тем, кто не сдал монеты в государственные кассы. Мы должны проявить максимальную строгость в отношении подобных поступков, особенно, если они совершаются нашими товарищами.

Теперь, когда всякий федерализм уничтожен, революционные меры должны, естественно, опираться на законы, нами же изданные. Конвент почувствовал необходимость дополнить революционные мероприятия и сделал постановление в этом смысле. С этого момента каждый человек, проявляющий себя не в меру усердным революционером, принесет столько же вреда свободе, сколько мог бы ей принести убежденный контр-революционер. Выйти за пределы поставленной цели значит — миновать ее, а не достигнуть; наши враги не преминут умело использовать против нас самих избыток нашего гражданского одушевления. А мало ли людей, которые под маской преувеличенной преданности революции ускользают от революционной кары! Потому я и говорю, что мы должны выразить энергичное порицание тем, кто позволит себе переступить границы, указанные мною.

Объявим, что никто не имеет права отдавать произвольные распоряжения какому-либо гражданину республики. Защитим от всяких посягательств следующий принцип: законы должны исходить только от Конвента, — он один получил от народа право законодательства. Отзовем тех комиссаров, которые, хотя бы с самыми лучшими намерениями, принимали несоответствующие меры, о которых только что доведено до нашего сведения. Представители народа отныне должны издавать распоряжения в полном согласии с нашими революционными декретами, с принципами свободы и соответственно инструкциям, переданным им Комитетом Общественного Спасения. Запомним ту истину, что, если то или другое общество разрушают ударами пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только при помощи строительного циркуля.

Народ ежедневно высказывает одобрение нашей работе, ежедневно приказывает нам не покидать нашего поста; это потому, что мы свято выполнили свой долг. Будем стараться сделаться достойными того доверия, которым он нас окружает, будем сами создавать законы и не позволим никому их нам навязывать. (Аплодисменты)

Я настаиваю на отзывании и на выражении порицания комиссарам, принявшим решение, о котором вам было доложено.

Наконец, я предлагаю поручить Комитету Общественного Спасения оповестить всех комиссаров, членов Конвента, о том, что они в своих мероприятиях должны руководствоваться исключительно вашими революционными законами и своими инструкциями.

(Файо поддерживает часть предложений Дантона; но он высказывает пожелание, чтобы представителям были даны более широкие полномочия для более успешной расправы с врагами.)

Дантон. Я согласен с необходимостью продолжить действие революционных мер; Комитет Общественного Спасения наметит те мероприятия, которые считает необходимыми или полезными; и если бы оказалось полезным требовать выдачи золота и серебра под угрозой смертной казни, мы бы этот закон утвердили, и народ санкционировал бы наше решение. Но выставленный мною принцип, тем не менее, остается в силе: только Комитет Общественного Спасения может руководить революционными мероприятиями, не ограничивая их; так, например, каждый комиссар может арестовывать подозрительных, налагать штрафы; таково мое мнение.

Я не только не думаю смягчить революционные меры, но, напротив, я предлагаю представить вам проект таких мер, которые могли бы действовать с большей силой и с большей справедливостью; так как не мало интриганов и настоящих заговорщиков избегло народного правосудия, меж тем как оно покарало менее виновных, нежели они.

Да, мы хотим итти революционным шагом во что бы то ни стало, хотя бы сама почва Республики разверзлась под нами; до сих пор мы широко пользовались силой, обратимся теперь к мудрости; в сочетании этих двух элементов мы найдем средства спасения отечества.

По предложению Купэ декретируется передача всех предложений в Комитет.

46. В защиту самого себя

Клуб якобинцев, 3 декабря 1793 года

Один из членов требует, чтобы Конвенту было предложено предоставить помещения для всех народных обществ.

ДАНТОН. Я возражаю против этого предложения. Граждане собираются согласно естественному праву. Нет нужды прибегать к содействию властей для устройства собраний. Буду! ли совершенно свободны в своих решениях те народные общества, которые помещением для своих заседаний обязаны министру или даже Конвенту?

Учтем революционную энергию народа во время нынешнего кризиса. Конституция должна безмолвствовать в тот момент, когда народ занят уничтожением и устрашением своих врагов посредством революционных действий. Такова моя мысль, которую, надеюсь, не истолкуют ложно. Но граждане, я предостерегаю против тех, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультра-революционные меры.

Купэ (из Уазы) предлагает собранию не прислушиваться «ко всяким предложениям, ведущим к ослаблению мощи революционного движения». Он заявляет, что самодержавный народ является собственником всех так называемых национальных имуществ. Стало быть, он имеет право требовать у властей предоставления помещений для собраний. Дантон поднимается на трибуну. Кое-где слышится ропот.

ДАНТОН. Купэ извратил мою мысль. Я ни на минуту не думал ослабить революционную энергию; я сам сказал, что конституция должна безмолвствовать, пока народ борется со своими врагами.

Провозглашенный мной принцип как раз оберегает независимость народных обществ от всякого рода властей. Руководясь только этим соображением, я настаивал, чтобы народные общества не прибегали ни к чьей помощи для получения помещений.

Я слышал ропот, по моему адресу уже раздавались тяжкие обвинения. Я требую, чтобы мне дали, наконец, оправдаться в глазах народа, и мне нетрудно будет доказать ему мою невиновность и мою любовь к свободе.

Я требую, чтобы все, кто мне не доверяет, формулировали точно свои обвинения, так как я хочу ответить на них публично.

Поднимаясь на трибуну, я почувствовал ваше неодобрение по отношению ко мне. Разве во мне так уж стерлись черты, которыми отмечена свободная личность? Разве я не тот же человек, который постоянно шел с вами рука-об-руку в самые трудные минуты? Разве не меня вы встречали, как друга, готового погибнуть вместе с вами? Разве не меня преследовали за это?

Я был одним из самых бесстрашных защитников Марата; для своего оправдания я зываю к тени Друга народа⁵².

Вы будете изумлены, ознакомившись с подробностями моей частной жизни; колоссальные богатства, приписываемые мне моими и вашими врагами, сводятся к незначительной доле моего прежнего состояния. Пусть мои враги попытаются представить доказательства какого-либо преступления, совершенного мною! Им не удастся сломить меня, несмотря ни на какие старания.

Я всегда буду итти об руку с народом. Судите меня в его присутствии. Я не опущу ни одной страницы моей жизни, как вы не зачеркнете страниц вашей истории, которые обессмертят летопись свободы. (Аплодисменты).

---

⁵² Прозвище Марата, издававшего свою газету под этим и другими именами с сентября 1789 г. до своей смерти в июле 1793 года.

Оратор заканчивает свою речь просьбой о назначении комиссии из двенадцати членов для рассмотрения направленных против него обвинений, дабы он мог ответить на них перед лицом народа.

После выступления Робеспьера, председатель Фуркруа обменивается с Дантоном братским поцелуем под гром восторженных аплодисментов.

47. О родственниках эмигрантов

Конвент, 7 декабря 1793 года

По предложению Кутона⁵³ Собрание постановляет, что те лица, которые не вполне подходят под смысл закона 17 сентября 1793 года⁵⁴, но представляются подозрительными наблюдательным комитетам, должны быть арестованы, причем комитетам⁵⁵ вменяется в обязанность мотивировать эти аресты. Они должны сообщать свои решения представителям народа там, где таковые имеются. Этот декрет применим также к лицам, ранее задержанным.

ДАНТОН. Комитеты Общественной Безопасности и Общественного Спасения займутся рассмотрением принятого вами декрета и сделают из него соответствующие выводы. Заметьте, что пока этот декрет не решает ничего. Все революционные комитеты будут утверждать, что они действовали согласно законам; вот об этом-то мы и должны подумать.

Нужно признать важную политическую истину. Задержанные делятся на три различных разряда, первый разряд — это те, кто заслуживает смертной казни; второй, это те, кого надо держать в заточении до полного водворения мира; наконец, третий — это люди, ставшие жертвами каких-нибудь недоразумений, и по отношению к которым мы должны проявить свое участие

Я не решаю ничего, так как считаю декрет, вами изданный, лишь временным; но существует один принцип, который мы должны неустанно повторять и которым мы должны всецело проникнуться, а именно, что всегда лучше ускорить темп революции, нежели замедлить его. Так, на мой взгляд, должен мыслить всякий истинный республиканец. Когда вопрос подвергнется детальному рассмотрению, необходимо будет держаться этого исходного положения.

Всецело проникнутый мыслью, что мы более всего должны опасаться ослабить тетиву революции, направленную против наших врагов, я предлагаю такой революционный декрет.

Целый ряд подозрительных выработали план, который следует разоблачить. Они заставили своих детей эмигрировать из Франции, дабы обеспечить себе благоволение врагов свободы на тот случай, если бы те когда-нибудь восторжествовали.

Я предлагаю установить следующий принцип: тот, кто не докажет, что он употребил все усилия, чтобы помешать своим детям эмигрировать, имеет право только на получение хлебного пайка, а все его имущество переходит в распоряжение нации для целей войны за свободу.

ДАНТОН. ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

Государственное издательство Украины. 1924

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

⁵³ Кутон - один из самых видных деятелей робеспьеровской группы в Конвенте, был арестован вместе с Робеспьером и гильотинирован после переворота 9 термидора. **Материалы о Кутоне:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn>.

⁵⁴ Закон о «подозрительных», каковыми признаются лица, которые своим поведением заявили себя сторонниками монархии или феодализма, чиновники, отрешенные от должности Конвентом, бывшие дворяне, ничем не проявившие своей привязанности к революции, эмигранты, покинувшие Францию после июля 1789 года, хотя бы они и возвратились в срок, установленный декретами Конвента и другие.

⁵⁵ Наблюдательные комитеты, возникшие весной 1793 года для надзора над иностранцами, впоследствии значительно расширили свои полномочия и присвоили себе право надзора над всеми гражданами. Закон 17 сентября упрочил положение комитетов и поручил им составлять списки подозрительных лиц, издавать приказы об их аресте и налагать печати на их бумаги». В виду имевших при этом место злоупотреблений декрет, принятый в заседании 7 декабря (17 фримера II года), обязал комитеты мотивировать свои предписания об аресте.

Во время пребывания на родине я имел в руках определенные доказательства справедливости моих разоблачений. Бывшие дворяне, люди весьма богатые, дети которых эмигрировали, только арестованы, как подозрительные. Пора отобрать у них то, что по праву принадлежит народу. Прошу вас принять в принципе это предложение. Предлагаю поручить Комитету Общественного Спасения, совместно с Комитетом Общественной Безопасности, обсудить редакцию этого закона, пополнить его и озаботиться его проведением в жизнь.

(Кутон и другие члены собрания вносят различные предложения.)

ДАНТОН. Я предлагаю передать все поступившие предложения в Комитет.

48. Семья и школа

Конвент, 12 декабря 1793 года

Букье ставит на обсуждение проект декрета о народном образовании, собравшего накануне большинство голосов. Многие статьи этого проекта уже приняты. Прения возникают по поводу статьи шестой третьей части, в силу которой родителям предоставляется право посылать детей в общественные школы или оставлять их дома. Шарнье предлагает отнять у родителей право лишать детей образования.

ДАНТОН. Как земледелец не имеет права оставить свое поле невозделанным, так и отец не смеет лишить своего ребенка образования. Человек, как член общества, не может быть свободен, как дикарь; он должен выполнять все, чего от него потребует общественный интерес.

(Тибодо замечает, что у родителей нельзя отнять право заниматься самостоятельно образованием их детей.)

ДАНТОН. Нам указывают здесь на принцип, заслуживающий полного уважения, так как он заложен самой природой. Конечно, права отца священны; но еще более священны права родины. Ребенок принадлежит сначала ей, а затем уже отцу, и ее интересы требуют, чтобы все дети республики воспитывались вместе. Этот великий принцип был до сих пор мало знаком; надо стараться его упрочить до тех пор, пока мы сможем широко провести его в жизнь.

Недостаточно, чтобы ребенок был хорошо воспитан; он должен быть воспитан для того, чтобы приносить другим пользу. Необходимо, чтобы все его чувства сливались в одно, чтобы все его мысли сконцентрировались в одной точке: в любви к родине и к своим согражданам. Необходимо, чтобы с самых ранних лет он научился любить их, чтобы с детских лет был готов принести в жертву все, даже собственную жизнь; необходимо, чтобы он всосал эти принципы с молоком матери.

Достаточно ли мы разбираемся в нашем теперешнем положении? Подумайте о том, что дух эгоизма еще не угас повсюду; подумайте о том, что не один еще богач-аристократ питается бессмысленной надеждой на контр-революцию и потому будет стараться отдалить своего сына от народной школы, привить ему яд, которым он сам заражен, и сделать чуждым родине. Необходимо изолировать ребенка от опасного влияния родительского дома, от этого эгоизма, от этого духа авторитета, который там царит. Пусть он объединится и сольется со своими согражданами; пусть с самого нежного возраста он научится любить их и постарается заслужить их любовь, научится ценить их уважение и заставит себя уважать. А кто поручится за то, что дети под влиянием отцовского эгоизма сами не сделаются опасными для республики? Мы оставили достаточно места для семейных привязанностей, - должны мы сказать родителям, - мы не отнимаем у вас ваших детей, но и вы не имеете права отстранять от них национальное влияние. Да и какое значение могут иметь в наших глазах интересы личности по сравнению с интересами целого народа? Кто из нас не знает опасности такой постоянной разобщенности? В национальной школе ребенок должен быть вскормлен на республиканской пище. Республика едина и неделима. Народное образование также должно быть построено применительно к идее единства. И кому, в конце концов, мы дадим эту возможность обособиться? Одним богатым людям. Если вы предоставите родителям право выбора, то, увидите, в школу пойдут только дети бедняков; и тогда бедняки получили бы право сетовать на эту несправедливую привилегию, дающую возможность богачу избежать для своего сына общественного воспитания.

Наши противники стараются всячески опорочить дух единства, который должен сделаться основой и нервом нашего управления. Слишком долго мы считались с желаниями отдельных лиц; мы не имеем права ни на йоту поступиться тем великим принципом, благодаря которому только и может образоваться поколение, достойное завоеванной нами и завещанной ему свободы, поколение которое, подобно нам, будет питать ненависть к тиранам и будет с ними бороться, как боролись мы. Нация должна быть единой; поддерживать в ней разобщенность, обособление — пагубная ошибка; что приличествует монархическому строю, то для республиканского порядка губительно. Нация должна пожертвовать личными чувствами и превратиться в одну великую семью. Каждый отец семейства обязан привести своего сына в общественную школу. Я поддерживаю поправку, предложенную вам.

Поправка принимается.

49. О революционной законности

Конвент, 24 января 1794 года

По поводу жалобы Демулена на злоупотребления, происходящие при обысках, незаконные реквизиции имущества и т.п., один из депутатов (Бурдон) предлагает потребовать от Комитета Безопасности представление в трехдневный срок объяснений относительно сообщенных фактов. Дантон возражает против этого предложения; между прочим, он высказывает следующие мысли о революционном праве и революционной законности.

ДАНТОН. Граждане! Никто больше меня не стремится к охране революционного движения. Революцию нельзя творить в геометрических формах; революционные меры неминуемо — хотя бы временно — тяжело ложатся даже на честных граждан.

Эти истины очевидны для всех. Те, кто в праве жаловаться, должны и впредь безропотно терпеть — таков их долг; но, если их долг заключается в том, чтобы временно жертвовать своим покоем, даже своей свободой, ради общей свободы и общего блага, то наш долг, в свою очередь, — выслушивать справедливые требования и по возможности их удовлетворять, поскольку это не вредит делу революции.

Я первый всегда буду настаивать на сохранении того быстрого бега колесницы революции, который мы ей дали, запрягая в нее пылких и сильных духом патриотов.

Будем помнить, что, слишком прислушиваясь к голосу справедливости, мы рискуем впасть в опасность чрезмерной снисходительности и дать таким образом оружие против себя нашим врагам. Сохранение нужного равновесия, хотя и трудно, но возможно. Вот на что я прошу вас направить все ваше внимание: задача заключается в том, чтобы выработать приемы скорого и справедливого суда, не замедляя хода революции.

Я вам показал, в чем заключается ваш долг, в то время как долг честных граждан состоит в том, чтобы терпеть и не роптать. Прибавляю еще одно соображение в подкрепление моей мысли. Когда революция подходит к концу, когда враги республики и свободы повсюду спасаются бегством перед республиканскими легионами, тогда разгораются мелкие страсти, возникают личные счеты, всякого рода недоразумения; и все это происходит между людьми, которые до тех пор дружно, рука-об-руку работали на благо народа. Появляется масса свежее испеченных запоздалых патриотов, вспыхивает борьба страстей, предубеждений, личная ненависть выносится на сцену, и сплошь и рядом настоящие стойкие патриоты гибнут под натиском этих новых пришельцев. Замалчивать все это бесполезно. Эти факты, меня поразившие, — конечно, не могли не броситься в глаза и вам. Во многих коммунах республики возникли несогласия между друзьями свободы; эти раздоры имели печальные следствия.

Я далек от мысли хулить все в совокупности совершенное революцией. Там, где достигнуты благоприятные для свободы результаты, — и это я буду твердить без конца, — там не следует критиковать меры, какие к этим результатам привели; нет нужды закрывать глаза на то, что свободе придется перенести еще немало потрясений; лучше дойти до крайностей в борьбе за ее сохранение, нежели поставить ее на край гибели попятными движениями, которые, может быть, на руку только нашим врагам.

Но разве республика не является грозой для всех своих врагов? Разве она не торжествует победу? Разве вы не применили для уничтожения ваших внутренних и внешних врагов грозные и всеобъемлющие меры? Разве эти меры не имели успеха, какого вы могли ожидать? Разве вы не сознаете своей мощи? Разве исполнители предписанных вами мер устранили энергию и силу, каких вы от них ждали?

Итак, воспользуйтесь этим моментом, чтобы направить верные удары против врагов родины, избежать ошибок или исправить их. Вот то, что я вам предлагаю; с того момента, когда Национальный Конвент может, не принося ущерба общественному благу, защитить честного гражданина, он не выполнит своего долга, если останется пассивным.

Вот истинные принципы; вот то, что вы должны и что вы можете сделать.

Я предлагаю сосредоточить все наше внимание на том, каким образом обеспечить правосудие, - скорое, верное и без ущерба для революционного движения, — всем жертвам произвольных арестов и т.п. мероприятий, многосемейным беднякам, родителям защитников отечества и вообще всем тем, кто по своим гражданским добродетелям должен быть дорог патриоту и законодателю.

Я предлагаю, кроме того, передать все сделанные предложения в Комитет Общественной Безопасности, который, совместно с Комитетом Общественного Спасения, наметит нужные меры. Они представят вам доклад для всестороннего обсуждения. Каждый сможет высказать свое мнение, а я много раз имел случай убедиться в том, что в результате ваших прений всегда торжествует разум, справедливость и истина.

Национальный Конвент только потому победил своих врагов, что он был истинно народным. Таким он и останется навсегда. Он должен провести и защитить перед общественным мнением меры, предложенные мной, и предоставить добрым гражданам, народным обществам широкую свободу для выражения их мнения по этим крупным политическим вопросам, после чего можно будет уже решить, что оставить на долю революционной твердости и чем пожертвовать во имя человечности. Вот чего требует от вас достоинство, которым вы облечены.

Углубив эти великие проблемы, вы добьетесь — я уверен в этом — результатов, которые равно удовлетворят и правосудие и гуманность.

Этим вы докажете, что умеете управлять государством, как вы уже доказали свою преданность свободе, уничтожив тирана и федералистов. (Шумные аплодисменты)

Предложение Дантона принимается.

50. Дантон в Революционном Трибунале⁵⁶

Революционный Трибунал, заседание 2—5 апреля 1794 года

Дантон был арестован в ночь на 10 жерминаля II года (31 марта 1794 года). Накануне вечером Пани⁵⁷ пришел предупредить его о решении Комитета; Дантон ответил ему: «Они не посмеют!» Роберт Лендэ⁵⁸ явился к нему несколько позднее с советом уехать. «Уехать!» воскликнул он, «да разве можно унести родину на подошве своих башмаков?» Заключенный в Люксембургскую тюрьму, он был подвергнут 12 жерминаля первому короткому допросу.

Вопрос: Был ли он в заговоре против французского народа, желая восстановить монархию, уничтожить народное представительство и республиканский образ правления?

Ответ: Он был республиканцем даже при тирании и таковым умрет.

Вопрос: имеет ли он защитника?

Ответ: Он сам сможет защитить себя.

---

⁵⁶ Допрос и защитительная речь Дантона помещены в «Бюллетене» уголовного революционного трибунала, являющемся в данном случае нашим единственным источником, далеко не свободным от ошибок и даже умышленных искажений. Известным коррективом могут служить беглые записи, сделанные одним из присяжных Топино-Лебреном и в некоторых пунктах восполняющие и исправляющие официальный текст.

⁵⁷ Пани — депутат Конвента от парижского населения, сторонник Робеспьера и политики террора.

⁵⁸ Лендэ — один из наиболее выдающихся деятелей революционной эпохи, член Законодательного Собрания, Конвента и Комитета Общественного Спасения, министр финансов, после 9 термидора, защищавший политику якобинской власти. **Материалы о Ленде:** http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_ind.

Трибунал созывает присяжных на 13 жерминаля. Подсудимых переводят из Люксембурга в Консьержери. Процесс начинается 13-го, в 10 часов утра.

Заседание 13 жерминаля

На вопрос об имени, фамилии, возрасте, звании, месте рождения и месте жительства, Дантон ответил:

Имя мое Жорж-Жак Дантон, возраст — тридцать четыре года, родился в Арсис-сюр-Об в Обском департаменте, адвокат, депутат Конвента, место жительства — Париж, улица Кордельеров.

На вопрос о месте жительства Дантон сначала ответил:

Моим жилищем будет скоро Небытие, а мое имя вы найдете в Пантеоне истории.

Секретарь читает доклад Амара⁵⁹. Заседание закрывается.

Заседание 14 жерминаля

На следующее утро, 14-го жерминаля, заседание возобновляется в 9 часов утра.

Вестерман был арестован и заключен в тюрьму накануне, но его личность не была удостоверена допросом. Немедленно по открытии заседания он выразил резкий протест; между ним и председателем возникают пререкания. Вестерман⁶⁰ требует, чтобы с него сняли допрос. Председатель заявляет, что это излишняя формальность.

ДАНТОН. Но ведь мы и находимся здесь только для формальности!

(Вестерман продолжает настаивать. Один из судей приступает к допросу его.)

ДАНТОН. Пусть нам только дадут слово и позволят им воспользоваться, как следует, и я убежден, что мне удастся пристыдить всех моих обвинителей; и, если французский народ действительно таков, каким он должен быть, мне еще придется вымалывать у него помилование моим обвинителям.

Камилл Демулен. Да, мы будем иметь слово, это все, что нам нужно. (движение искренней радости среди всех обвиненных депутатов.)

ДАНТОН. В настоящее время Барер — патриот; не правда ли? А Дантон — аристократ! Франция не долго будет этому верить. (Обращаясь к присяжным). Ведь это я создатель трибунала; стало быть, я знаю толк в этом.

(Вестерман говорит.)

ДАНТОН (говорит, указывая на Камбона). А ты нас считаешь заговорщиками? Смотрите, он смеется; он не верит. Запишите, что он смеялся!

Судебное разбирательство начинается допросом Камбона, первого и единственного свидетеля. Далее следует допрос Базира и Шабо; последний сообщает о раскрытии им заговора, целью которого было гильотинировать всех депутатов до одного.

Дантон требует оглашения полностью доноса Шабо, так как текст его доноса был сильно урезан...

Председатель. Дантон, Национальный Конвент обвиняет вас в том, что вы поддерживали Дюмуре, что вы скрыли его истинные намерения, что вы разделяли его гибельные для свободы замыслы, как, например, проект похода на Париж для свержения республиканского правительства и восстановления королевской власти.

ДАНТОН. Мой волос, столько раз звучавший для блага народа, для защиты и поддержки его интересов, теперь без труда опровергнет клевету.

Посмеют ли трусы, оклеветавшие меня, бросить мне в лицо свое обвинение?.. Пусть они покажутся, и я тотчас покрою их позором и бесчестьем, заслуженным ими!

Я сказал и я повторяю: мое жилище скоро будет в небытии, а мое имя в Пантеоне!.. Вот моя голова: она отвечает за все!.. Жизнь стала мне в тягость; я жду с нетерпением освобождения от нее!..

⁵⁹ Обвинительный акт по делу Ост-индской компании, на основании которого была привлечена к суду по обвинению во взяточничестве часть дантонистов (Фабр д'Эглантин, Эро-де-Сешель и др.).

⁶⁰ Сторонник Дантона, генерал в армии Дюмуре, отличившийся при подавлении вандейского восстания. Материалы о Вестермане: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#wstrm>.

Председатель. Дантон, дерзость свойственна преступлению, а спокойствие — невинности. Несомненно, защита есть законное право, но защита, остающаяся в пределах сдержанности и приличия, умеющая относиться с уважением даже к обвинителям. Вы привлечены к суду центральной властью: вы обязаны подчиняться всем ее декретам и ограничиться исключительно защитой против тех пунктов обвинения, которые предъявлены вам. Я предлагаю вам в точности выполнять это предписание и главным образом ограничиться изложением фактов.

ДАНТОН. Личная дерзость, конечно, достойна порицания, и меня в ней никогда не имели основания упрекать; но дерзость национальная, пример которой я столько раз подавал и при помощи которой столько раз служил народному благу, этот род дерзости не только допустим в революции, он даже необходим, и я горжусь им. Когда я вижу, что меня так жестоко, так несправедливо обвиняют, то могу ли я подавить чувство негодования, которое кипит во мне против моих клеветников? Разве от такого настоящего революционера, как я, можно ждать хладнокровной защиты?

Люди моего покроя бесценны. На их челе огненными знаками оттиснута печать свободы и республиканского духа!

И меня то обвиняют в том, что я пресмыкался у ног презренных деспотов, в том, что я всегда был врагом партии свободы, что я был сообщником Дюмурье и Мирабо! — И от меня требуют ответа перед лицом неизбежного, неумолимого правосудия...

А ты, Сен-Жюст, ты ответишь пред потомством за клевету, брошенную против лучшего друга народа, против самого пламенного его защитника... Пробегая эти позорные -страницы, я чувствую, как все мое существо содрогается от возмущения!

(Дантон намеревается продолжать в том же духе, но председатель снова замечает ему, что он этим наносит оскорбление народному представительству, Трибуналу и самому народу, который облечен верховной властью и имеет неоспоримое право требовать у него отчета в его поступках: «Марат был обвинен, как и вы. Он почувствовал необходимость оправдать себя и установил свою невинность в почтительных выражениях, чем заслужил себе еще большую любовь народа, интересы которого он не переставал защищать... Я не могу указать вам лучший образец, и в ваших интересах последовать ему».)

ДАНТОН. Хорошо, я унижусь до самооправдания; я последую плану защиты, намеченному Сен-Жюстом.

Я — продался Мирабо, герцогу Орлеанскому, Дюмурье! Я — сторонник роялистов и королевской власти! Значит, позабыли уже о том, что я был назначен администратором, несмотря на протесты всех контр-революционеров, которые меня ненавидели? Я — единомышленник Мирабо! Но ведь все знают, что я всегда боролся с Мирабо, что я расстраивал те из его планов, которые, по моему мнению, были пагубны для свободы. Разве я не противодействовал Мирабо, защищая Марата от нападков этого надменного человека? Разве я не сделал большего, чем следовало ожидать от рядового гражданина? Не проявил ли я себя достаточно в тот момент, когда хотели спасти тирана, препроводив его в Сен-Клу? Разве не я велел расклеить в округе Кордельеров воззвание, призывавшее народ к восстанию?

Я вполне сознательно бросаю вызов моим обвинителям предлагаю померяться со мной... Пусть они предстанут здесь, и я их погружу в небытие, откуда им никогда не следовало выходить!.. Подлые клеветники, покажитесь, и я сорву с вас маску, спасающую вас от общественной кары!

Председатель. Дантон, вам не удастся убедить судей в вашей невинности непристойными выходками против ваших обвинителей. Говорите другим языком и не забывайте того, что те, кто вас обвиняет, пользуются народным уважением и ничего не сделали, что могло бы лишить их этой великой чести.

ДАНТОН. Обвиняемый, который, подобно мне, имеет понятие о словах и делах, отвечает пред судом, но не беседует с ним; я защищаюсь, а не клевету.

Честолюбие и жадность никогда не имели власти надо мной; они никогда не управляли моими поступками; никогда эти страсти не заставляли меня изменять делу народа: преданный всецело родине, я принес ей в жертву все мое существование.

Руководясь этим, я боролся с бесчестным Пасторэ⁶¹, Лафайетом, Байльи⁶² и всеми заговорщиками, которые стремились проникнуть на наиболее важные посты, чтобы скорее и легче убить свободу.

Я должен здесь сказать о трех негодях, которые губят Робеспьера.

Я должен сделать важные разоблачения; прошу выслушать меня спокойно; этого требует спасение родины.

Председатель. Долг обвиняемого и его личные интересы требуют, чтобы он объяснялся ясно и точно по поводу деяний ему инкриминируемых; он должен дать ясный ответ на каждое обвинение, выставленное против него, и только тогда, когда он сумеет вдохнуть в души своих судей убеждение в своей правоте, он делается до известной степени достоин веры и может себе позволить возводить обвинения против людей, облеченных общественным доверием; я прошу вас ограничиться вашей защитой и не вносить в это дело ничего к нему не относящегося...

ДАНТОН. Я возвращаюсь к своей защите. Всем известно, что я избран в Конвент весьма малым меньшинством честных людей, и что я был ненавистен худшим гражданам⁶³.

Когда Мирабо собирался уехать в Марсель, я угадал его вероломные планы, я их разоблачил и принудил его остаться на прежнем посту; и таким образом ему удалось получить надо мной власть, заставить меня говорить или молчать.

Весьма странно ослепление Национального Конвента на мой счет, в каком он находился до сих пор; его внезапное прозрение поистине чудесно.

Председатель. Ирония, к какой вы прибегаете, нисколько не подрывает выставленного против вас обвинения в том, что вы прикрывались перед публикой маской патриотизма, чтобы обмануть ваших товарищей и втайне поддержать королевскую власть. Шутливая ирония и игра слов — это обычный прием подсудимых, когда они чувствуют справедливость взводимых на них обвинений и не в состоянии их отразить.

ДАНТОН. Я, действительно, вспоминаю, что добивался восстановления королевской власти, воскрешения всего монархического могущества и способствовал бегству тирана, когда я всеми силами препятствовал его отъезду в Сен-Клу, усеяв всю его дорогу щетиной штыков и пик, накинув как бы путы на его горячих коней!⁶⁴ Если это значит показать себя приверженцем королевской власти, ее поборником, если по этим поступкам можно распознать человека, поддерживающего тиранию, в таком случае я вынужден признать себя виновным в этом преступлении.

Меня обвиняют в том, будто я говорил за каким-то обедом какому-то ревностному патриоту, что он уклоняется от правого дела, не идя по одному пути с Барнавом и Ламетом⁶⁵, которые покинули партию народа.

Я утверждаю, что это — совершенная ложь, и вызываю всякого, кто возьмется доказать противное.

---

⁶¹ Пасторэ — министр внутренних дел в 1790 году и роялистический депутат Законодательного Собрания, бежал из Франции после 10 августа и возвратился в эпоху Директории.

⁶² Байльи — председатель Учредительного Собрания, мэр города Парижа, оставивший этот пост после избиения на Марсовом поле 17 июля 1791 года; был гильотинирован в ноябре 1793 г. после попытки к бегству. **Материалы о Байи:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bailly>.

⁶³ В действительности Дантон был избран блестяще (638 голосами из 700 и прошел в Конвент вторым представителем Парижа. Такой же очевидной передержкой в судебном протоколе является в дальнейшем все, что говорится об «эмиграции» Дантона в Англию в 1789 году.

⁶⁴ Дантон здесь имеет в виду попытку Людовика XVI уехать из Парижа в Сен-Клу 18 апреля 1791 года. Кордельерский батальон с Дантоном во главе воспрепятствовал отъезду, при чем у Дантона произошло столкновение с Лафайетом, прибывшим для защиты короля.

⁶⁵ Барнав и Ламет (Александр) — видные представители «левой» Учредительного Собрания, члены Якобинского клуба первоначальной (до-монтаньярской) поры его существования, оба — конституционалисты-монархисты и противники республиканской формы, составившие, вместе с Дюпором, влиятельный в Собрании «триумvirат»; со времени вареннского бегства оба сближаются с двором и подают ему политические советы; Ламет после падения монархии эмигрировал, Барнав был арестован и, согласно постановлению Революционного Трибунала, гильотинирован в ноябре 1793 года. **Материалы о Барнаве:** <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#AB>.

Что касается моих предложений относительно Марсова поля⁶⁶, моего преступного отдыха в Арсис-сюр-Об, в то время когда аристократия сражалась с патриотами, мнимой пощады, дарованной мне убийцами на Марсовом поле, то я могу доказать, что петиция, составлению которой я содействовал, была продиктована самыми лучшими побуждениями и что я, как один из ее авторов, должен был бы погибнуть вместе с другими; убийцы были подосланы ко мне во исполнение контрреволюционной мести.

Если бы я был пособником тирании то разве агенты моих жестоких преследователей, не имея возможности убить меня в моем доме в Арсис-сюр-Об, старались бы нанести мне удар, особенно чувствительный для дорожащего своею честью человека, посредством добытого ими приказа об аресте, при чем сделали попытку привести его в исполнение среди моих же избирателей?

Председатель. Не эмигрировали ли вы 17 июля 89 года? Не уезжали ли вы в Англию?

ДАНТОН. Мои родственники ездили в эту страну по коммерческим делам, и я воспользовался этой возможностью тоже; можно ли это вменить мне в преступление?

В то время деспотизм господствовал всецело, и было возможно лишь тайно помышлять о воцарении свободы.

Я удалился, я обрек себя на изгнание и поклялся вернуться во Францию только тогда, когда свобода водворится в ней.

Председатель. Марат, чьим покровителем и защитником вы себя именуете, так не поступал в те дни, когда нужно было закладывать фундамент свободы, когда она была еще в колыбели и окружена величайшими опасностями, он без колебаний остался и разделял эти опасности.

ДАНТОН. А я утверждаю, что Марат два раза ездил в Англию, и что Дюко и Фонфред обязаны ему своим спасением.

В то время, когда королевская власть была еще достаточно сильна, я внес предложение ввести в действие закон Валерия Публиколы, который допускал убийство человека, при чем ответственность падала на голову убившего.

Я изобличил Лувэ.

С опасностью для жизни я защищал народные общества даже в те времена, когда патриоты были еще весьма не многочисленны.

Бывший министр Лебрэн в то время, когда он занимал еще свой пост, был разоблачен мной; вызванный свидетелем на допрос по его делу, я доказал его соучастие с Бриссо.

Меня обвиняют в том, что я удалился в Арсис-сюр-Об в то время, когда можно было предвидеть день 10 августа, начало борьбы свободных людей с рабами.

На это обвинение я ответил в свое время заявлением, что французский народ одержит победу, или я умру.

Я прошу вызвать свидетелем по этому вопросу гражданина Пайена; мне нужны лавры или смерть, прибавил я.

Где же те люди, которым пришлось уговаривать Дантона вернуться на арену действий к этому дню? Где же эти привилегированные лица, у которых он занимал энергию?

Вот уже два дня, как трибунал познакомился с Дантоном; завтра он надеется уснуть на лоне славы; никогда он не просил пощады, и вы увидите, как он взойдет на эшафот со спокойствием, свойственным чистой совестью.

Петион⁶⁷, по выходе из Коммуны, пришел в секцию Кордельеров; он нам сказал, что в полночь прозвучит набат и следующее утро будет могилой тирании; он сказал, что нападение роялистов приурочено к ночи, но что он подготовил события так, что все произойдет при свете дня и закончится к полудню и, что победа патриотов обеспечена вполне.

---

⁶⁶ Имеется в виду петиция о низложении Людовика XVI и созыве Учредительной власти. При подписании этой петиции на Марсовом поле 17 июля 1791 года произошло столкновение между народом и войсками, присланными Лафайетом; войска стреляли в толпу, среди петиционеров были убитые и раненые.

⁶⁷ Член Учредительного Собрания, мэр Парижа, пользовавшийся большой популярностью в эпоху Законодательного Собрания; в Конвенте примыкал к Жиронде и вошел в список исключенных из Конвента членов этой партии.

Что касается меня, то я покинул свою секцию, отдав распоряжение известить меня, если случится что-либо неожиданное.

В продолжение двенадцати часов я пробыл в секции и вернулся туда в 9 часов утра.

Вот постыдный отдых, которому я предавался, согласно уверению докладчика.

В муниципалитете я громогласно требовал смертной казни для Манда⁶⁸.

Но вернемся к обвинениям Сен-Жюста. Фабр⁶⁹, ведший переговоры с двором, был другом Дантона. Разумеется, в доказательство этого обвинения можно привести то мужество, с каким Фабр выдерживал непрерывный огонь, направленный против французов.

Один из придворных говорил, что патриоты проиграли дело. Что делает Дантон? Все, чтобы доказать свою привязанность революции.

Ставится вопрос: чем ознаменовалось вступление Дантона в Законодательное Собрание, и я отвечаю, что вступление мое было чрезвычайно важным для блага народа и многие из моих действий служат этому доказательством.

Я имею право выставять свои заслуги, когда они оспариваются, когда мне задают вопрос, что я сделал для революции.

Во время моего пребывания в министерстве явилась необходимость назначить посла в Лондон, дабы укрепить союз двух народов. Лебрен выставляет кандидатуру контр-революционного журналиста Ноэля, и меня обвиняют в том, что я не воспротивился этому. На этот упрек я отвечаю, что я не был министром иностранных дел. Мне показали готовое назначение; но я ведь не был деспотом Совета.

Ролан защищал кандидатуру Ноэля; бывший маркиз Шовелен говорил, что Ноэль был трусом, и что они уравнивают друг друга с моим родственником Мерже, восемнадцатилетним юношей.

Я представил Национальному Конвенту Фабра, как человека способного. Я рекомендовал Фабра, как автора «Филинты» и соединявшего в себе много разнородных талантов

Я говорил, якобы, что такой принц крови, как герцог Орлеанский, находящийся в среде представителей народа, придаст им больший вес в глазах Европы.

Этот факт неверен; его значение преувеличено тем освещением, которое ему придали. Я хочу восстановить этот факт во всей его неприкосновенности. Робеспьер говорил: спросите у Дантона, почему он способствовал избранию герцога Орлеанского: было бы забавно видеть его в Конвенте в роли помощника.

(Один из присяжных замечает, что герцог Орлеанский был намечен к назначению 24-м помощником и что он действительно носил это звание.)

ДАНТОН. Я признаю, что получил в свое распоряжение пятьдесят миллионов; я готов дать подробный отчет в расходовании этих денег; они были истрачены на то, чтобы дать импульс революции.

(Свидетель Камбон показывает, что, по его сведениям, Дантону было дано 400 тыс. ливров на секретные и иные расходы, и что он вернул 130 тыс. ливров наличными деньгами.)

ДАНТОН. Я израсходовал из подотчетных сумм всего 200.000 ливров. Этот фонд был средством, при помощи которого я воспламенил департаменты.

Я дал 6.000 ливров Бильо-Варенну, под его личную ответственность.

Я передал в распоряжение Фабра все суммы, какие могли ему понадобиться, как секретарю, для того, чтобы развить всю энергию; этот свой поступок я считаю вполне законным.

Меня обвиняют в том, что я отдал распоряжение спасти Дюпора под прикрытием бунта, организованного в Мелэнг моими эмиссарами для розысков оружия.

---

⁶⁸ Офицер королевской гвардии, командовавший в день 10 августа войсками, охранявшими дворец; был убит в тот же день на пути в городскую думу.

⁶⁹ Фабр д'Эглантин, один из деятельных участников переворота 10 августа, личный секретарь Дантона, член Конвента и Комитета Общественного Спасения. [Материалы о Фабре: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE.](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE)

Я утверждаю, что этот факт не соответствует действительности и что я отдал строгое распоряжение об аресте Дюпора; в свидетели справедливости моих слов я призываю Пани и Дюплена.

Это обвинение могло бы скорее относиться к Марату, чем ко мне, в виду того, что он огласил документ, имевший целью спасти Дюпора, который вместе с Ламетом хотел меня убить. Преступный приказ об их освобождении от следствия существует, но я не хотел возбуждать это дело, так как не имел точных доказательств относительно замышлявшегося против меня убийства.

Марат, по свойственному ему упрямству, оставался глух к моим убеждениям и не желал меня выслушать относительно этих двух людей — Дюпора и Ламета.

Меня обвиняют еще в сообщничестве с Гаде, Бриссо, Барбару и со всей ныне уничтоженной кликой. На это я отвечаю, что подобное обвинение находится в странном противоречии с той ненавистью, которую питали ко мне эти люди; ведь Барбару требовал головы Дантона, Робеспьера и Марата.

По поводу фактов, касающихся моих, якобы, сношений с Дюмурье, я отвечаю, что видел его всего лишь раз по делу одного частного лица, с которым у Дюмурье произошла размолвка, и по поводу 17 миллионов ливров, в которых я требовал у него отчета.

Совершенно верно, что Дюмурье пытался привлечь меня на свою сторону, старался возбудить мое честолюбие, предлагая мне вступить в министерство, но я ответил ему, что подобный пост я соглашусь занять только при грохоте орудий.

Мне ставят в вину еще то, что у меня были частные свидания с Дюмурье, что я клялся ему в вечной дружбе, и все это во время его измены. На все эти обвинения мне легко дать ответ: тщеславию Дюмурье льстило звание генерала; после победы, одержанной им при Сен-Менегульде, я, не находя нужным переход через Марну, отправил к нему Фабра со специальным поручением польстить самолюбию этого честолюбца. Я просил Фабра уверить Дюмурье в том, что ему будет дано звание генералиссимуса, а Келлерману пообещать титул маршала Франции.

Мне говорят и о Вестермане, но я никогда не имел ничего общего с ним; я знаю, что в день 10 августа Вестерман вышел из Тюльери, весь забрызганный кровью роялистов, и я говорил тогда, что с семнадцатью тысячами человек, расположенных по моему плану, можно было спасти отечество.

Присяжные должны возобновить в своей памяти то заседание в клубе якобинцев, когда патриоты так горячо обнимали Вестермана.

Один из присяжных. Можете ли вы нам объяснить, почему Дюмурье не преследовал пруссаков при их отступлении.

ДАНТОН. Я вмешивался в вопросы о войне только с точки зрения политической; военные операции были мне совершенно чужды.

Кроме того, я поручил Бильо-Варенну следить за Дюмурье; его надо спросить об этом обстоятельстве. Он должен дать подробный отчет о наблюдениях, ему порученных.

Присяжный. Каким образом Бильо-Варенн не проник в планы Дюмурье, не догадался о его измене и не разоблачил его?

ДАНТОН. Очень легко судить о событиях задним числом, но не так-то легко их предугадать, когда завеса будущего опущена.

Притом, Бильо-Варенн сделал Конвенту свой доклад по поводу Дюмурье и его агентов.

Мне казалось, что Бильо был очень смущен, докладывая о Дюмурье. Он не имел определенного мнения об этом ловком плуте, который пользовался благоволением всех депутатов. Бильо говорил мне: «Я не могу решить вопроса, служит ли нам Дюмурье верой и правдой, или он изменник?»

Что касается меня, то этот человек был мне подозрителен в некоторых отношениях; я считал своим долгом разоблачить его.

Дантон долгое время говорил с той силой и энергией, которые он столько раз проявлял в своих речах на собраниях. Рассматривая ряд обвинений, предъявленных ему, он с трудом сдерживал кипевшую в нем ярость; его надтреснутый голос ясно указывал на то, что ему нужен отдых.

ДАНТОН. ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

Введение, редакция и примечания Н.Гольдина

Государственное издательство Украины. 1924

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Приняв во внимание тяжелое состояние обвиняемого, судьи предложили ему приостановить свою защиту, чтобы потом возобновить ее с большим спокойствием и сдержанностью.

Дантон согласился на это предложение и замолчал.

Допрос остальных обвиняемых возобновляется.

Заседание 15 жерминаля

Общественный обвинитель. Дантон, вы обвиняетесь в том, что вы осуждали поведение Анрио в день 31 мая, что вы предъявляли к нему обвинение в намерении вас убить и требовали головы этого патриота, столь доблестно служившего свободе; в этом вы были солидарны с Геро и Лакруа. Вы ему вменяли в преступление попытку избежать насилия с вашей стороны путем восстания и предсказывали гибель Парижа.

ДАНТОН. На меня возвели чудовищную клевету. Я ни в помыслах, ни в поступках не был противником восстания 31 мая, и я энергично боролся со взглядами Иснара; я резко возражал против всяких мрачных предсказаний; я говорил: пятидесяти таких депутатов, как мы, было бы достаточно, чтобы покончить со всеми заговорщиками.

Общественный обвинитель. После неудачи вашего плана вы лицемерно сказали Анрио, скрывая свое бешенство: «Не бойся, продолжай свое дело».

ДАНТОН. Я предвидел восстание задолго до того, как оно произошло; мы появились перед вооруженными рядами только для того, чтобы показать свободу и независимость Конвента.

Я снова требую вызова свидетелей как тех, кто меня может изобличить, так и тех, кто может доказать мою невиновность.

(Один из присяжных ставит на вид Дантону, что он предлагал 31 мая арестовать Анрио.)

ДАНТОН. Я никогда не требовал ареста Анрио; напротив, я оказывал этому патриоту самую горячую поддержку.

Заседание заканчивается допросом Вестермана

Заседание 16 жерминаля

Общественный обвинитель объявляет обвиняемым, что свидетели со стороны защиты допрошены не будут. Прения сторон продолжаются... После длительного допроса братьев Фрей, Дантон просит разрешения продолжать свою защиту.

Общественный обвинитель согласно декрету, требующему, чтобы присяжные были опрошены, достаточно ли выяснилось для них дело, если таковое длится более трех дней, предложил присяжным высказаться по этому поводу. Они просят разрешения удалиться в свою комнату для обсуждения этого вопроса.

Тогда обвиняемые и, главным образом, Лакруа и Дантон стали громко выражать протест против беззакония и тирании. «Нас хотят судить, не выслушав», кричали они. «Не нужно никаких совещаний», — добавили они — «мы достаточно прожили, чтобы уснуть в объятиях славы; пусть нас ведут на эшафот!»

Эти дерзкие выходки принудили трибунал удалить подсудимых из зала суда. Присяжные заявляют, что дело для них достаточно ясно; выносятся приговор.